

Звезда Востока

Ежемесячный литературно-художественный журнал
писателей Узбекистана

4

АПРЕЛЬ
1993

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Сабит
МАДАЛИЕВ
главный
редактор

Шамшад
АБДУЛЛАЕВ

Ирина
АЛЯБЬЕВА

Карим
ЕГЕУБАЕВ

Вадим
НОВОПРУДСКИЙ

Райхат
САДЫКОВ
ответственный
секретарь

Софья
ТАРБЕЕВА

Лейла
ШАХНАЗАРОВА

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКА

Мухаммад Садик Мухаммад Юсуф.
О вере. Окончание 3

ПРОЗА

Хушанг Гольшири. Кунсткамера.
Повесть 49
Анатолий Дурандин. Реквием.
Рассказ 114

ПОЭЗИЯ

Юлия Яшина. Стихи 122

ИЗ ОПЫТА МИРОВОЙ ПОЭЗИИ

Эзра Паунд. Стихи 35
Дэвид Герберт Лоуренс. Стихи 45

МИР ЕДИН: ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ СЕГОДНЯ

Современные иранские поэты
Ахмад Шамлу. Стихи 99
Риза Барахани. Стихи 100

ПОЭЗИЯ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Йоргос Сеферис. Стихи 101

ИЗДАЕТСЯ
С 1932 ГОДА

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СОВЕТ:**

Шавкат
АБДУЛЛАЕВ

Абдуманал
АЛИМБАЕВ

Малик
АРИПОВ

Бурибай
АХМЕДОВ

Мират
АХУНДИ

Владимир
ВАСИЛЬЕВ

Рим
ГИНИЯТУЛЛИН

Хурийд
ДАВРОН

Рустем
ДЖАНГУЖИН

Тимур
ЗУЛЬФИКАРОВ

Иномжон
ИСКАНДЕРОВ

Хамид
ИСМАЙЛОВ

Виль
КАМАЛОВ

Валерий
ГАТЕОСОВ

Сергей
ТАТУР

Алишер
ТАШКЕНБАЕВ

Бахтияр
ТУРСУНОВ

Александр
ФАЙНБЕРГ

Пулдат
ХАБИБУЛЛАЕВ

Анвар
ШАРИПОВ

Искандер
ЮСУПОВ

ПОЭЗИЯ И СМЕРТЬ

Василий Кондратьев. Мурзилка . . . 105

ПОЭЗИЯ И ЖИВОПИСЬ

Григорий Капцан. Состояние, знак . . . 112

ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

Дмитрий Яковлев 119

IN MEMORIAM

Абдулхамид Чулпан. Стихи 124

ЭПОХА И ЛИЧНОСТЬ

Лянглэ. Жизнь Тимура 127

ГЛАЗАМИ ОРИЕНТАЛИСТА

Адам Олеарий. Описание нового путешествия в Персию, повествующее о России и ее жителях 147

КОСМОС. ЖИЗНЬ. ЧЕЛОВЕК

Петр Успенский. В поисках чудесного. Фрагменты неизвестного учения . . . 164

ДЕТЕКТИВ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА

Жорж Сименон. Шлюз № 1. Роман 186

УЧРЕДИТЕЛЬ: ЖУРНАЛИСТСКИЙ КОЛЛЕКТИВ «ЗВЕЗДЫ ВОСТОКА»

Мухаммад Садик Мухаммад Юсуф

Председатель Управления мусульман
Мавераннахра, муфтий

О ВЕРЕ

Воскресение

Коран терпеливо разъясняет людям справедливость существования того света. Ибо цель этой жизни — достичь того, что их там ожидает, в своих земных деяниях рассчитывая на благоволение и воздаяние Аллаха в той.

В связи с этим Священная книга уделяет столь большое внимание воскресению человека и описанию другого мира. Почти все суры напоминают о воскресении. Некоторые же целиком трактуют этот вопрос, поскольку он служит основой, фундаментом всех добрых дел. Если бы все люди верили этой истине, следовали бы ей, не сомневаясь и не уклоняясь, то и деяния их были бы благими, в обществе добро взяло бы верх, а зло пошло на убыль. Однако, к сожалению, во все времена большинство людей поглощал интерес к жизни в этом тленном мире, к ее внешней соблазнительности. И потому у многих возникают сомнения относительно своего воскресения после смерти, равнодушные к миру иному. И они перестают верить в Судный день.

Происходит это в основном по следующим причинам.

Это то, с чем люди в сей жизни непосредственно не сталкиваются и потому не ощущают от него пользы очевидной.

Это — очень труднодоказуемое дело. Люди ведь видят другое: как им подобные умирают, разлагаются, полностью сливаются с землей. И невольно у них возникает вопрос: каким же образом эти уже полностью исчезнувшие люди могут воскреснуть и вернуться в свое прежнее состояние?

Как известно, не было случая, чтобы покойный воскрес и, как прежде, продолжал эту жизнь.

Однако все это не оправдывает неверия, и отвергающих

Окончание. Начало в № 3.

воскресение Коран предупреждает: «Он воздал тем, которые сделали дурно, за их поступки и воздал тем, которые совершили добро» («Звезда», аят 54); «Разве вы думали, что Мы создали вас забавляясь и что вы к Нам не будете возвращены?» («Верующие», аят 115). Сомневающимся в Коране адресовано много убедительных увещаний. «Он — тот, кто впервые производит творение, а потом повторяет его» («Румы», аят 27). Другой аят гласит: «И приводит он (человек) нам притчи и забыл про свое творение. Он говорит: «Кто оживит кости, которые истлели?» Скажи: «Оживит их тот, кто создал их первый раз, и Он сведущ во всяком творении. Он тот, который сделал вам из зеленого дерева огонь, и вот вы от него зажигаете». Разве тот, кто создал небеса и Землю, не в состоянии создавать подобных им?» («Стоящие в ряд», аяты 78—81); «О люди! Если вы в сомнении о воскрешении, то ведь Мы создали вас из праха, потом из капли, потом из сгустка крови, потом из куска мяса, сформированного или бесформенного, чтобы разъяснить вам (это)» («Хадж», аят 5).

В суре «Каф» Корана говорится: «И низвели мы с неба воду благословенную и произрастили ею сады и зерна посевов, и пальмы высокие — у них плоды рядами,— в удел рабам, и оживили ею мертвую страну. Таков исход!» (аяты 9—11).

Подобно тому, как после дождя оживает растительный мир, земля, в Судный день оживут, воскреснут и люди.

Ужасы и справедливость Судного дня

Многие знакомы с описаниями ужасных картин Судного дня в священных книгах. Но при этом упускают скрытый, тонкий, но очень важный смысл происходящего.

Потускневшее Солнце покинет свое привычное месторасположение, беспорядочно разбегутся в разные стороны потерявшие свою яркость звезды, огромные горы будут плавать по небосклону. От страха хищные звери и их жертвы собьются вместе. Переливаясь через края, реки и моря превратятся в единый поток...

Человек в этой жизни — свидетель постоянной борьбы добра и зла вокруг себя, где, увы, часто берет верх зло. И человеку, видя поверженное добро и то, что зло не получает соответствующего воздаяния, трудно поверить в справедливость. Более того, он принимает часто сущее за истинный, хотя и горестный порядок вещей. Однако справедливый Аллах не в этом, так в другом мире обязательно воздаст всем по заслугам. В Коране немало заверений о неотвратимости отчета каждого человека за все содеянное. И жуткие картины! Судного дня как раз и указывают на резкое изменение видимого, привычного для людей, символизируя наступление «момента истины». В суре «Воскресение» изображается, как в тот самый день, когда ослепится взор, и затмится Луна, и сольются Солнце и Луна, скажет человек: «Куда бежать?», станет в страхе искать

убежища. Но нет прибежища, кроме как у Господа. Именно в тот день человек и станет держать ответ перед Аллахом и не будет прощения злу. А добро и благочестие наконец восторжествуют, найдя успокоение, радость и счастье в раю.

Судьба

Объект постоянных нападок на религию, особенно противников Ислама,— вопрос о предопределении, о неизбежности судьбы. Якобы это основная причина «пассивности» мусульман, какой-то отсталости их в науках, культуре, в практической деятельности. Потому что фатальная вера в судьбу, по их скудному пониманию, обрекает человека на невежество, лень, ожидание всех благ от небес.

Так ли это? Когда у нашего пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует, спрашивали, какова же основа иймона (веры), то он отвечал, что одна из ее основ — вера в то, что и самая счастливая, и не состоявшаяся судьба — от самого Аллаха. Если вдуматься, это означает лишь то, что все хорошее и плохое в жизни дается Аллахом в меру, по угодным Ему причинам. При этом важно обратить внимание: в Коране вера в предопределенность судьбы не относится к фундаментальным положениям Ислама, не стоит наравне с верой в Аллаха, ангелов, Священное писание, пророков и в Судный день. Этот вопрос перечисляется как один из многих в ряду других обязательных законов. Кстати, в Коране ничего не сказано и об обязательности веры в судьбу.

Внимательно изучив все значения слова «судьба» в Священном писании мусульман, можно установить, что оно означает «мера», «измерение», направление чего-либо по определенному правилу.

Поскольку человек — часть сотворенного Богом мира, эти законы, правила, меры относятся и к нему. «Из чего Он его (человека) создал? Из капли! Создал его и соразмерил»,— говорится в суре «Нахмурился» (аяты 18—19). Такое же открытие и о времени: «И Аллах размеряет ночь и день» («Завернувшийся», аят 20). «Он создал всякую вещь и размерил ее мерой»,— сказано в суре «Различение» (аят 2).

Следовательно, освещение в Коране вопроса судьбы как меры постоянно напоминает правоверным о том, что в мире имеются совершенные и постоянно действующие каноны, правила, которые вступают в силу в связи с определенными причинами, и нет здесь ничего слепого, случайного. Но означает ли это фатальное, до мельчайших подробностей расписанное существование каждого из нас?

Человеческая воля

Мы уже касались того, как решается в Коране вопрос собственной воли человека. Поговорим об этом подробнее, ибо

это связано и с решением проблемы судьбы, чтобы избавиться от лукавого ее толкования некоторыми недобросовестными. Еще в давние времена, в ответ язычникам-многобожникам, которые хотели оправдать свои недобрые дела якобы волей и желанием Аллаха, Коран объяснял: «Скажут те, которые придадут Ему сотоварищей: «Если бы Аллах пожелал, ни мы бы не придавали товарищей, ни отцы наши, и не запрещали бы ничего». Так лгали и те, которые были до них, пока не вкусили Нашей мощи. Скажи: «Есть ли у вас какое-либо знание? Покажите его нам. Вы следуете только за предположениями, вы только измышляете ложь!» Скажи: «У Аллаха убедительное доказательство. Если бы Он хотел, то всех бы вас вывел на прямой путь» («Скот», аяты 148—149).

Уже из этого очевидно: если бы Аллах желал, чтобы все люди следовали по одному пути, то Он и повел бы их путем праведным. Следовательно, Он не считает обязательным следование всех людей только одним определенным путем.

А для того, чтобы научить людей различать верное от неверного, Аллах посылал к ним пророков и дал своим рабам свободу выбора путей. «Мы ведь повели его по пути либо благородным, либо неверным» («Человек», аят 3). Более того, в Коране прямо говорится даже относительно веры: «Истина — от вашего Господа: кто хочет, пусть верит, а кто хочет, пусть не верует» («Пещера», аят 29).

И во многих других аятах подчеркивается, что воля человека принадлежит ему самому, но он и отвечает за свои деяния. Когда в обществе получает распространение зло, во всем этом повинны только мы сами. Один из аятов суры «Румы» так и гласит: «Появилось нечестие на суше и море за то, что приобрели руки людей!..» (аят 41).

При этом Бог проявляет еще и большую терпимость, снисходительность, как раз для того, чтобы люди сами совершали свой нравственный выбор, понимая, что их ждет за доброе, либо за злое. «А что постигает вас из несчастья — за то, что навлекли ваши руки, и прощает Он многое» («Совет», аят 30); «Кто творил благое, то для самого себя, а кто творил злое, тоже против себя, и твой Господь не обидчик для рабов» («Разъяснены», аят 46).

В Коране не раз и очень ясно указано на необходимость усилий каждого для улучшения жизни: «Поистине, Аллах не меняет того, что с людьми, пока они сами не переменят того, что с ними» («Гром», аят 11). Эти откровения Корана ясно показывают, что воля и дела человека — единственное основание для воздаяния, либо наказания. Нет, ничем и никак не мешает Ислам свободному волеизъявлению и развитию своих последователей, напротив, призывает относиться к бытию активно и сознательно.

Праведность и подлость

Тем более это относится к выбору нравственному. Путь к Аллаху открыт каждому, но именно это налагает на человека определенные права и обязанности. Иными словами, Бог не принуждает никого быть честным, праведным, либо подлым, бесчестным, хотя в его воле каждый. На это многократно указано в Коране. «Поистине, Аллах не ведет людей неправедных» («Трапеза», аят 51); «Поистине, Аллах не ведет прямым путем того, кто лжив, неверен!» («Толпы», аят 5). И особенно четко и ясно: «И когда они уклонились, Аллах отклонил сердца их. Аллах ведь не ведет прямо народ нечестивый» («Ряды», аят 5).

Следовательно, люди безнравственные не удостоиваются праведности и милости Аллаха. «Поистине, Аллах сбивает с пути кого желает и ведет к нему того, кто обратился!» («Гром», аят 27).

При этом надо помнить: хотя Ислам признает за каждым человеком его собственную волю, однако она не выходит за пределы того, чего желает Аллах.

Польза от веры в судьбу

Судьба человека, с одной стороны, в его руках, а с другой — в руках Божьих, и потому человеку неизвестно, что ему готовано, отсутствуют или туманны признаки грядущего. Но именно это открывает человеку широкое поле для деятельного поиска, это побуждает его к жизненной активности на пользу себе и обществу. Другая мудрость, заключенная в вере в судьбу, состоит в том, что она как бы облегчает человеку обрушившееся на него горе. Она также предупреждает нас от зазнайства в случае успеха: видя за всем волю Аллаха, в моменты трудные надо крепиться, а в минуты радости — благодарить Бога за ниспосланную удачу.

«Ничто не постигает из событий на земле или в ваших душах без того, чтобы его не было в писании раньше, чем Мы создадим это. Поистине, это легко для Аллаха!— чтобы вы не печалились о том, что к вам пришло, Аллах не любит всякого гордеца хвастливого» («Железо», аяты 22—23). Это очень важная истина, здесь Аллах доводит до нас, что раз уж что суждено, то не надо терзаться в напрасных страданиях: быть тому, что суждено. То же самое относится и ко всему благоприятному.

Словом, вера в судьбу воспитывает в человеке смелость, мужество, щедрость, великодушие. Зная, что все в жизни в руках самого Аллаха, он не будет бояться даже смерти, тем более ради благородного дела, например, патриотизма. Будучи убежденным в том, что его доля отмерена Творцом, не боясь обеднеть, будет жертвовать нищим, вдовам и сиротам. Много таких материальных и моральных выгод для каждого человека, для всего общества от веры в судьбу.

Ислам и духовная жизнь

Противники Ислама в попытках его компрометации и прежде и теперь измышляют, будто это сугубо практическая, «приземленная» религия, обделенная духовными началами, что их якобы заменяют жесткие ритуалы на все случаи жизни, обедняющие внутреннее богатство души.

Разумеется, все это не соответствует действительности. Наоборот, Ислам всюду и везде, отдавая, конечно, должное телесному, на первый план ставит духовность, нравственность, которые, в частности, призваны регулировать плотские потребности человека. На то ему даны чуткая душа, разум, воля, стремление к познанию мира и самого себя. Ислам учит, что соединение в человеке телесного и духовного порождает определенные противоречия и трудности (это подтверждает и наука). Все дело в том, как человек выходит из этого положения. Если увлекается только грубо материальным, т. е. корыстью, удовлетворением плотских желаний, то низко падает морально, что противно воле Аллаха.

Именно потому Коран и отводит особое место духовной жизни. Основу ее основ составляет, конечно, вера, благодаря которой человек возвышается, становится достойной личностью. Коран призывает и помогает настойчиво воспитывать себя умеющим сдерживать свои страсти, предрасположенным только к благим делам. И это касается не только своих личных дел, но и общества, устройства мира.

Мир погибнет без духовной культуры

Последние десятилетия особенно наглядно показали абсурдность того, будто под воздействием прогресса в материальной сфере мир достиг всестороннего совершенства. Технические достижения нашего века сами по себе не дали людям спокойной и счастливой жизни. Напротив, они привели к двум мировым войнам с огромным человеческим горем и разрушениями, драме ядерного противостояния. И сейчас сильные мира сего так или иначе стараются диктовать свою волю более слабым. Даже оказание богатыми странами помощи бедным часто дает отрицательные результаты, обрекая их народы на пассивность, а руководящую верхушку разлагает, коррумпирует. Это показывает, что одно лишь материальное в отрыве от главных, духовных опор — всегда чреватое для мира злополучием.

Великий индийский мыслитель и писатель Рабиндранат Тагор, справедливо критиковавший одностороннее увлечение материальной стороной бытия, продиктовал как-то одному из своих учеников: «Научные, социальные и экономические реформы могут лишь улучшать, шлифовать природные вещества, но ничего не сделают с человеком. Не смогут показать человеку пути достижения духовного совершенства. Потому что, на мой взгляд, духовное совершенство не связано с материальным

прогрессом, а является тем, что занимает место в наших сердцах. Оно одинаково как у народов, в материальном отношении отсталых, так и у развитых. Следовательно, в меру своих возможностей, мы должны искать все, что касается духовности. И до нас многие люди, постигая эту истину, могли становиться олицетворением духовного совершенства. Хотя они не имели такого материального прогресса, как мы, но путем самовоспитания и самоосмысления добились огромного духовного развития, что дало потом свои великие плоды. Чего им удалось достигнуть? Они приобрели такие достоинства, как доброта, любовь, умение ставить другого выше себя, самоотверженность. Если бы мы смогли добиться того же, то не нуждались бы ни в каком законе или системе для своего душевного спокойствия, среди людей царили бы дружба, братство. Самое удивительное то, что сегодня наша культура, для достижения прогресса реформируя законы и системы, при этом не старается опираться на духовную силу. На мой взгляд, вместе с пользой электрического тока мы должны учить своих детей и пользе взаимной любви, вместе с выгодой от железа и угля — и выгоде от искренности и милосердия. Иначе говоря, все предметы, которые они изучают, необходимо «разбавлять» вечными духовными качествами. В противном случае мы не достигнем намеченной цели».

Ислам и связь человека с миром

Прежде чем ответить на вопрос: «В чем состоят духовные законы Ислама?», нужно кратко сказать, что иные религии исходят из слишком резкого разделения духа и тела, преувеличивают их действительные противоречия. А потому вместе они якобы не могут достичь развития и совершенства. Поскольку же материальное превалирует в повседневной жизни, то, при такой постановке вопроса, ему, вольно или невольно, и отдается предпочтение. О последствиях этого мы уже говорили — раздувание телесных потребностей, погоня за богатством ради богатства, принижение, а то и вовсе отказ от всяких духовных интересов. И в результате — моральная деградация, в том числе забвение самой веры. Те же, кто дух ставили превыше всего, наоборот, отставали в необходимых светских делах, впадали в крайности аскетизма, уходили от мирской жизни, от людей. Конечно, отдельные святые отшельники являют некий идеальный пример служения одному лишь духу. Но, став массовым, это привело бы жизнь и мир к элементарному вымиранию. Однако это ли угодно Создателю?..

Вот почему Ислам занимает по отношению к духовным и материальным потребностям позицию здравого смысла. Многие аяты Корана гласят об этом. «Не забывай своего удела в этом мире и благодетельствуй, как благодетельствует тебе Аллах» («Рассказ», аят 77); «Скажи: «Кто запретил украшения

Аллаха, которые Он низвел для своих рабов, и прелести их удела?» («Преграды», аяты 31 — 32).

Однако Коран и строго предостерегает от излишеств: «...ешьте и пейте, но не излишествуйте: ведь Он не любит излишествующих!» В суре «Корова» говорится: «Среди людей есть такие, которые говорят: «Господи наш! Даруй нам в ближней жизни», а в будущей — нет ему доли. И среди них есть такие, что говорят: «Господи наш! Даруй нам в ближней жизни добро и в последней добро и защиту нас от наказания огня». Этим — удел от того, что они приобрели» (аяты 200 — 202). А в суре «Трапеза» звучит прямой наказ о богопослушности в этом вопросе. «О вы, которые уверовали! Не запрещайте блага, которые разрешил вам Аллах, и не преступайте. Поистине, Аллах не любит преступающих! И питайтесь тем, чем наделяет вас Аллах, дозволенным, благим. И бойтесь Аллаха, в которого вы веруете!» (аяты 87 — 88). Напомним, что Господь отдал все созданное в распоряжение людям: «Он — тот, который сотворил вам все, что на земле» («Корова», аят 29); «И Он подчинил вам то, что в небесах, и то, что на земле, — все исходящее от Него. Поистине, в этом — знамения для людей размышляющих!» («Коленопреклоненная», аят 13).

Да, и эти знамения для размышляющих наводят на то, что нужно быть разумным пользователем даров Божьих, а это дается лишь совершенствованием знаний, моральным контролем над собой. На основании предписаний Корана и Мухаммад, да благословит его Аллах и да приветствует, говорил: «В Исламе нет идеи отречения от мирской жизни».

Именно это заставляет разумных людей нести совершенство в мир, а не уходить целиком в самосовершенствование, ведь если они замкнуты в молельнях, мирские дела могут захватить в свои руки бесталанные, безнравственные, злонамеренные... Следует признать, что проповедуемое Исламом равное, здоровое отношение к духовным и материальным требованиям — более всего соответствует человеческой природе и жизни.

Вместе с тем Ислам призывает верующих не забывать о загробном мире, ибо жизнь все же суетна, брэнна, а та вечна и совершенна для праведных. В суре «Железо», в частности, очень выразительно сказано: «Знайте, что жизнь ближайшая — забава и игра, и красование и похвальба среди вас, и состязание во множестве имущества и детей — наподобие дождя, растение от которого приводит в восторг неверных; потом оно увядает, и ты видишь его пожелтевшим, потом бывает оно соломой; а в последней жизни — сильное наказание — и прощение от Аллаха, и благоволение, а жизнь ближняя — только пользование обманчивое» (аят 20). Загробная жизнь «... лучше у твоего Господа по награде и лучше по надеждам» (аяты 45 — 46).

Стремиться вести правильную жизнь в этом мире и следует для того, чтобы в той жизни достигнуть награды Господней и свершения надежд, которые на этом свете так редко сбываются...

Мир испытывает...

Мы уже говорили, в какой мере свободен жизненный выбор людей, о том, каково соотношение мирского и духовного, согласно Исламу. И все это не в каком-то застывшем виде. Существует, говоря современным языком, определенный механизм, который не даст нам успокоиться ни во благе, ни тем более во зле.

Дело в том, что Аллах нашу мирскую жизнь определил как место, где постоянно испытываются люди. Все в ней — семейная обстановка, рынок, рабочее место, чайхана, парламент и т. д. — все это подвергает нас своего рода проверке. В суре «Паук» так и сказано: «Разве полагают люди, что их оставят, раз они скажут: «Мы уверовали», и они не будут испытаны. Мы испытали тех, кто был до них; ведь знает Аллах тех, которые правдивы, и знает лживых!» (аяты 2 — 3).

Испытывается прежде всего истинность и прочность веры. Ведь многие, лишь объявив себя верующими, считают, что этого достаточно, забывая об испытаниях на этом нелегком пути. По Исламу, одним только словесным признанием своей принадлежности к религии люди не добиваются очищения. Истинным мусульманином может быть только тот, кто предан учению Ислама и в радости, и в трудные моменты. Все хорошее и дурное по существу предоставлено человеку для его выбора, испытания: «И Мы испытываем вас, чтобы узнать среди вас усердствующих и терпеливых, и испытаем сообщения о вас» («Мухаммад», аят 31); «Мы испытываем вас злом и добром для искушения, и к Нам вы будете возвращены» («Пророки», аят 35); «Благословен тот, в руках которого власть и который властен над всякой вещью, который создал смерть и жизнь, чтобы испытать вас, кто из вас лучше по деяниям...» («Власть», аяты 1 — 2).

Человек должен постоянно сознавать, что жизнь есть испытание. Именно такой взгляд воспитывает высокие нравственные качества, прежде всего — совесть, готовит дух к победе над искушениями, сомнениями, над злом.

ИСЛАМ И МОРАЛЬ

Испытание богатством

Достаток также дан людям, чтобы испытать их. Он может служить и добру и злу. Те, кому посчастливилось добиться благоволения Аллаха, должны правильно, то есть для добрых дел использовать накопленное. Коран предупреждает: «Знайте, что ваши богатства и ваши дети — испытание и что у Аллаха награда великая» («Добыча», аят 28).

Не все готовы к испытанию на разумное пользование жизненными благами и на щедрость. Великий французский про-

светитель Монтескье говорил: «Роскошность чревата кознями для обеих форм республиканства. Она в демократии вытраивает патриотический дух людей. А в аристократии — заставляет почтенных лиц идти за личными интересами. Тем самым все окажутся в беде». Аналогичное мы, к сожалению, наблюдаем и в нашей жизни последних десятилетий. Вот почему следует строго держать людей, нацеленных на подобное, в рамках законов, разработанных с учетом исламских традиций и правил. В противном случае найдут погибель не только охотники погони за нечестно нажитым, но вместе с ними и члены общества, позволившие им вести такой образ жизни. В Коране множество пророчеств и предупреждений на все времена, глубоких прозрений. В суре «Перенес ночью» есть такой грозный аят: «А когда Мы желали погубить селение, Мы отдавали приказ одаренным благами в нем, и они творили нечестие там; тогда оправдывалось над ним слово, и уничтожали Мы его совершенно» (аят 16). Да, если Аллаху угодно сурово наказать погрязших в греховных делах, он будет посылать им не страдания, а испытывать подобное подобным, чтобы вернее погубить отступников от благочестия и нравственного поведения.

История знает, что подобные пороки обогащают, возносят одних и ввергают в нищету, бесправие других. И если многим членам общества слишком тяжело достается хлеб насущный, а некоторые чванливые купаются в роскоши, помпезности — это обязательно приведет к таким противоречиям, что, в конечном счете, разрушится все общество. Недаром несправедливо благоденствующих Аллах называет «извергами и преступниками». Не само богатство тут причина, а низкий духовный, моральный уровень. Есть ведь и «Люди, которых не отвлекает ни торговля, ни купля от поминания Аллаха, выстаивания молитвы, принесения очищения. Они боятся дня, когда перевернутся и сердца и взоры» («Свет», аят 37).

То есть от истинно верующих материальные блага не заслоняют думы об Аллахе, страх Судного дня, и они будут молиться, помогать неимущим и творить иные хорошие дела. Надо всегда помнить еще один завет Аллаха: «И милость Господа твоего лучше того, что люди собирают» («Украшения», аят 32).

Как подчеркивается в Священной книге, степень благосостояния отнюдь не является показателем милости Аллаха, к Нему можно приблизиться только благодаря вере в Него и добрым делам: «Ваши богатства и ваши дети — не то, что приближает вас к Нам приближением, разве только тех, которые уверовали и творили благое. Это — для них воздаяние двойное, за то, что они делали» («Саба», аят 37).

Как гласит Коран, богатство материально, а значит недолговечно, но истина и добро пребудут всегда. «Разукрашена людям любовь страстей: к женщинам и детям, и нагроможденным кинтарам золота и серебра, и меченым коням, и скоту, и посевам. Это — пользование ближайшей жизни, а у Аллаха хорошее пристанище! Скажи: «Не сообщить ли нам вам все

лучшее, чем это?» Для тех, которые богобоязненны, у Господа — их сады, где внизу текут реки, — они там пребудут вечно, — и супруги чистые, и благоволение от Аллаха. Поистине, Аллах видит рабов» («Семейство Имрана», аяты 14 — 15).

Создателю всего в мире ведомы все наши слабости; а вера на то и вера, чтобы Аллах мог принять души достойных. Недостойное же в первую очередь отвращает души от веры. Кичливый, эгоистичный, жадный не может быть искренне верующим — вот в чем главный моральный смысл Ислама. «Но нет! Человек восстает от того, что видит себя разбогатевшим» («Сгусток», аяты 6 — 7).

И Бог стоит на страже, религия призвана, следуя Творцу, остерегать от излишеств свою паству: «Если бы уширил Аллах удел своим рабам, они возмутились бы на земле, но Он низводит по мере, как пожелает: ведь Он о своих рабах сведущий, видящий!» («Совет», аят 27).

Содержащийся в Коране частый призыв к смирению и скромности относится ведь не только к поведению перед лицом Господа, но и перед ближними. В период удач человек должен быть благодарен Аллаху и не предаваться чрезмерным радостям. Ибо опять-таки все суетное бrenно, а торжество имущих может ранить сердца бедных и одиноких, что и подчеркивает Коран: «Не ликуй, Аллах не любит ликующих!» («Рассказ», аят 76). «Скажи: «По благодати Аллаха и по Его милости», — этому пусть они радуются. Это лучше того, что они собирают» («Йунус», аят 58).

Скупость недостойна и вредна

Коран отвращает человека от скупости потому, что при ней не остается места любви и состраданию меж людьми. Скупой не приемлет не только щедрости к другим, но и взаимопомощи; он равнодушен ко всему и всем. Поэтому Аллах выражает свою ненависть к скупости: «И пусть не считают те, которые скупятся на милости, дарованные Аллахом, что это — лучше для них! Нет, это хуже для них! Будут окружены они ожерельем того, чем поскупились, в день воскресения...» («Семейство Имрана», аят 180). То есть все вещи, на которые они скупились, станут им же петлей на шее.

Тех же, кто сумел освободиться от этого тяжкого порока, Аллах считает спасенными: «Кто обезопасил от скупости самого себя, — те счастливы!» («Собрание», аят 9).

Прозорливо сказано в Коране и по поводу того, что «кто скупится, тот скупится в отношении самого себя. Поистине, Аллах богат, а вы бедны!» («Мухаммад», аят 38).

Не менее опасная крайность. Истинно правоверные «те, которые, тратя, не расточительствуют и не скупятся, а бывают между этим равны» («Различение», аят 67).

Богобоязненность — сила против зла

Да, именно так. Страх перед карой Божьей — не признак пассивности, трусости человека, а великая моральная сила. Судите сами: от царящих сегодня безнравственности и преступности мир пришел в плачевное состояние. Причина в том, что человек вовсе забыл об Аллахе, о Его величии.

Между тем, лишь богобоязненность способна вознести человека на истинную высоту, составляя одну из главных основ духовной жизни. И все религии появились ради вселения в души людей именно этой идеи, чтобы уберечь их от пагубного и от наказания на этом и на том свете. Не боящийся гнева Божьего способен на самые подлые, опасные злодеяния; он не ставит ни во что ни ближнего своего, ни законы. Недаром последние всегда были не очень-то действенны в удержании людей от преступления.

Ислам же, помимо узаконивания соответствующих преступлению наказаний, постоянно напоминает людям об ответственности прежде всего перед Богом, ибо Он — хранитель добра, ненавистник зла и от Его ока никому не укрыться, а от кары Божьей, как мы помним, никому не уйти.

«А кто повинуется Аллаху и Его посланнику, и страшится Аллаха, и боится Его, эти — получившие успех» («Совет», аят 52). «Те, которые боятся своего Господа втайне, для них — прощение и великая награда» («Власть», аят 12); «Аллах доволен ими, и они довольны Аллахом. Это — для тех, кто боится своего Господа» («Ясное знамение», аят 8).

Необходимо особо подчеркнуть два последних момента. Бояться Господа втайне — означает по сути быть совестливым, добрым не напоказ, а искренне. «Аллах доволен ими, и они довольны Аллахом», — что это, как не свидетельство душевно-равновесия человека, который в ладу со своей совестью?

Надо также учесть, что искренний страх перед Аллахом придает человеку смелость и личное достоинство в рамках общепризнанной бытовой морали, и это одно из самых положительных, благородных качеств. Ведь такой человек открыто выскажет свое мнение по любому вопросу, его не пугают ложные мнения других или угрозы несправедливых властей. Он никогда не возьмется за дело, в правильности, праведности которого не уверен, если это даже вызовет чье-то недовольство. К этому прямо призывает Коран: «Это только сатана, который делает страшными своих близких. Но не бойтесь их, а бойтесь Меня, если вы верующие!» («Семейство Имрана», аят 175); «Разве вы боитесь их (людей)? Ведь Аллаха следует больше бояться, если вы верующие» («Покаяние», аят 13); «Если кто из вас отпадет от своей религии, то... Аллах приведет людей, которых Он любит и которые любят Его, смиренных перед верующими, великих над неверными, которые борются на пути Аллаха и не боятся порицающих...» («Трапеза», аят 54).

Словом, суд Божий — Высший суд, и это сознание возвыша-

ет личность. История Ислама полна сведений о героях, отдавших даже жизнь в борьбе за истину: силу в этом им придавало внутреннее ощущение благословения Божьего.

Психологический факт: боязнь лишь одного Аллаха всегда находится рядом с надеждой, укрепляет ее и мораль одновременно. Это и понятно. А вот тот, кто потерял надежду на то, что его молитва, покаяние будут приняты Аллахом, превращается в страшную силу и ничего хорошего от него не жди; потеря связей человека с Творцом — начало всех зол. Есть предел боязни перед Аллахом — она не должна перерасти в безнадежность, пассивность, убивать жизненную энергию. Как считает Ислам, воспитание, основанное только на страхе, является неправильным, поскольку оно лишает души света и губит добрые, созидательные начала.

В каждом человеке заложено стремление к добрым деяниям, и это желание необходимо поощрять, стимулировать. В религии это обещание воздаяния Аллаха: «Не производите расстройств на земле после устройства ее. Призывайте Его со страхом и упованием; поистине, милость Аллаха близка от добродетельных!» («Преграды», аят 56).

Страх и упование — две стороны одной морали, единого воздействия имени Божьего на помыслы и дела человека. Страх перед Аллахом и надежда на Его милость — оба эти чувства воспитывают, укрепляют в нас совесть, формируют достойную личность и члена общества.

Грех и покаяние

Невозможно, нереально, неверно требовать от каждого человека абсолютной святости и непогрешимости, ибо жизнь сложна. Но правоверный, убежденный в том, что все его помыслы и деяния под наблюдением Аллаха, допускает в жизни меньше ошибок. Когда же он случайно оступается, то обязательно вспоминает об Аллахе, ему дается возможность признаться в ошибке, попросить прощения у Бога и дать обещание постараться больше не повторять подобное. В отличие от других религий, по Исламу для отпущения грехов не обязательно покаяние перед духовным лицом. И не существует у мусульман тяжелого груза убеждения, что однажды совершенный грех — постоянный спутник человека и невозможно избавиться от него. Каждый имеет возможность облегчить свою участь в покаянной молитве, обращаясь непосредственно к Аллаху. «И если кто сделает зло и обидит свою душу, а потом попросит у Аллаха прощения, он найдет Аллаха прощающим, милостивым» («Женщины», аят 110). «А те, которые совершили мерзость или обидели самих себя, вспомнили Аллаха и попросили прощения своим грехам, — а кто прощает грехи, кроме Аллаха? — и не упорствовали в том, что они совершили, будучи знающими, — у этих наградой — поощрение от Господа их...» («Семейство Имрана», аяты 135 — 136). Обратим внимание, кроме прочего,

что по Корану грехом считается и «обидеть самих себя», то есть совершить или помыслить что-то недостойное человека, принизить свою личность. Значит, личность, личная мораль высоко ставятся в Исламе.

Того, кто искренне покается, Аллах непременно прощает, о чем и говорится в суре «Толпы»: «Скажи: «О рабы Мои, которые преступили против самих себя, не отчаивайтесь в милости Аллаха! Поистине, Аллах прощает грехи полностью: ведь Он — прощающий, милостивый!» (аят 53). Ученые-богословы считают, что данный аят — самый сильный среди аятов, укрепляющих надежду верующих.

Самоочищением от грехов, их отпущением признаются и добрые дела, благодеяния. «Поистине, добрые деяния удаляют дурные» («Худ», аят 114). Человеку дается возможность одуматься, самому отделить в своих поступках дурное от хорошего, и это тоже засчитывается: «Есть и другие, что сознались в своих грехах: они смешивали дело доброе и другое — плохое, — может быть, Аллах обратится к ним: ведь Аллах — прощающий, милостивый!» («Покаяние», аят 102).

Наш пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и да приветствует и пусть будет мир над ним! — говорил: «Последовавшее за злодеянием доброе дело смывает зло». И человек действительно должен быть уверен в этом. Надежда на прощение за грехи является не только моральным поощрением на добрые дела в дальнейшем, но и сильным психотерапевтическим средством, в чем ныне в нашем сложном мире так остро нуждаются люди. По мнению ученых — психологов и психиатров, в частности, известного Зигмунда Фрейда, основная причина нервных болезней, вызывающих в свою очередь другие серьезные расстройства организма, — упадок духа, депрессия. Исцеление приходит только при откровенном признании своих ошибок перед специалистом по этим заболеваниям, в процессе психоанализа, когда этот духовный, логический акт вскрывает просчеты больного, позволяет ему самому осмыслить происшедшее. В результате восстанавливается согласие между духом и совестью человека, наступает душевное выздоровление. Тем более эффективен и по своему содержанию и действию акт покаяния.

Признание своей моральной вины имеет огромное значение для каждого и для общества в целом. Например, в Коране рассказано, как пророк Зуннун (Закария), признав свою ошибку, нашел облегчение: «...он ушел в гнев и думал, что Мы не справимся с ним. И воззвал он во мраке: «Нет божества, кроме Тебя, хвала Тебе, поистине, я был неправедным!» И Мы ответили ему и спасли его от горести, и так Мы спасаем верующих» («Пророки», аяты 87 — 88). Выражение «так Мы спасаем верующих» звучит здесь призывом ко всем правоверным идти по данному пути, т. е. в самые трудные, кажущиеся безвыходными моменты моральных мучений просить помощи у самого Аллаха. Коран в данном смысле также напоминает историю грехопа-

дения и покаяния Адама и Евы: «Они сказали: «Господи наш! Мы обидели самих себя, и, если ты не простишь нам и не помилуешь нас, мы окажемся потерпевшими убыток» («Преграды», аят 23).

«И чтобы вы просили прощения у вашего Господа, а затем обратитесь к Нему, и Он дарует вам благое достояние до предела назначенного и даст всякому обладателю милости Свою милость...» («Худ», аят 3); «Просите прощения у Господа вашего. Он — прощающ, Он пошлет на вас небо дождем и поддержит вас имуществом и детьми, и устроит для вас сады, и устроит для вас реки» («Нух», аяты 10 — 12). По преданию, во время правления хазрата Умара кто-то жаловался ему на засуху, на что он ответил: просите у Аллаха. Другой приходил с жалобой на бедность, и ему был дан такой же ответ. Третий выразил свою боль из-за бездетности, последовал все тот же ответ. И во многих других, разных случаях ответ главы правоверных оставался неизменным. Тогда один из свидетелей этого спросил у хазрата Умара: «О, эмир верующих, разные люди обращались к вам о вещах разных, но ваш ответ им был один: «Просите у Аллаха». Как это следует понять?» Хазрат Умар и ответил приведенными выше аятами.

Бог говорил пророку Мухаммаду: «Аллах — не таков, чтобы их наказывать, когда ты среди них; Аллах не будет наказывать их, когда они просят прощения» («Добыча», аят 33).

Когда умер наш пророк, некоторые его соратники стали говорить: «Нас до сих пор оберегали от наказания Аллаха два условия: одно из них — наш Пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, второе — просьба о прощении. Если и это исчезнет, то мы погибнем».

Покаяние — не всепрощение

Надежду на милость Божью, просьбу о прощении не надо истолковывать как всепрощение Аллаха. Во-первых, здесь недостаточно только словесных заверений, необходимо чистосердечное раскаяние, глубокое сожаление о содеянном, твердая решимость впредь не повторять такое и соответствующее этому дело. «А кто обратится после своей несправедливости и исправит, то Аллах обратится к нему. Поистине, Аллах — прощающий, милосердный!» («Трапеза», аят 39); «Начертал Господь вам самому Себе милость так, что, кто из вас совершит зло по неведению, а потом раскается после этого и станет благим, то Он — прощающ, милосерд» («Скот», аят 54).

При этом в Коране чаще всего просьба о прощении и раскаяние упомянуты в определенном порядке: «Просите прощения у своего Господа, а затем раскаивайтесь». То есть первое призывает ко второму и для того, чтобы получить прощение у Аллаха, другого пути, кроме покаяния, нет. Раскаяние как бы логично дополняет просьбу о прощении. Притом покаяние должно выполняться как только совершается грех, дабы зло не

размножилось по прешествии времени. «Ведь у Аллаха — обращение к тем, которые совершают зло по неведению, а потом обращаются вскоре. К этим обращается Аллах. Поистине, Аллах — знающий, мудрый!» — говорится в суре «Женщины» (аят 17).

Аллахом, следовательно, установлены два условия, правила отпущения греха: совершение зла по неведению; искреннее и скорейшее раскаяние в содеянном.

Однако, если человек, для которого зло стало привычкой, начинает каяться только накануне своей смерти, то это не будет принято Творцом. В той же суре «Женщины» об этом сказано: «Но нет обращения к тем, которые совершают дурное, а когда предстанет пред кем-нибудь из них смерть, он говорит: «Я обращаюсь теперь»... Этим Мы приготовили наказание мучительное» (аят 18).

Коран настойчиво напоминает и о необходимости добрых дел как залоге прощения: «Я, поистине, прощающ по отношению к тем, кто покаялся, уверовал и творил доброе, а потом пошел по прямому пути» («Та ха», аят 82); «...кто обратился, и уверовал, и творил дело доброе, — этим Аллах заменит их злые деяния благими; поистине, Аллах прощающ, милосерд!» («Различение», аят 70).

Следовательно, покаяние является важным инструментом нравственности. Голландский писатель Франц Сталл, сравнивая учение Ислама о морали с другими этическими учениями, подчеркивал: «В исламской религии покаяние — средство самовоспитания людей. Оно — великое оружие, в нем сожаление, преображение и переход к доброму сливаются в единое целое».

Грех уныния

Упадок духа, потеря надежды — страшная болезнь наших дней. Спасение — в вере, ведь вера и надежда очень близки по смыслу и настроению.

Люди, глубоко верующие в Аллаха, рассчитывающие на Его прощение и благословение, в самые трудные времена не станут впадать в крайнее отчаяние, ибо вера и надежда сами по себе облегчают нашу земную участь. Оттого и Коран постоянно призывает не впадать в отчаяние, а просить у Аллаха милости, с тем, чтобы это стало важным жизненным правилом. «Скажи: «По благодати Аллаха и по его милости», — этому пусть они радуются. Это лучше того, что они собирают» («Йунус», аят 58); «И милость Господа твоего лучше того, что они собирают» («Украшения», аят 32).

«А кто отчаивается в милости Господа своего, кроме заблудших?» — сказано в Коране.

Молитва

Молитва — это не просто главная часть ритуала богослуже-

ния, она соединяет людей с Аллахом, служит естественной связью между душой, духом и их Творцом. Человек, если даже его никто этому не учил, все равно не раз в самые сложные, тяжелые, судьбоносные моменты жизни невольно обращается к Богу. И когда уже нет иных опор в жизни, он находит опору только в молитве, что также дает основание утверждать о врожденности этого психологического свойства. Поэтому Аллах велел мусульманам поклоняться только Ему и обращаться к Нему с молитвой. «И сказал ваш Господь: «Зовите Меня. Я отвечу вам; поистине, которые превозносятся над поклонением Мне — войдут они в геенну на вечное пребывание» («Верующий», аят 60). Не случайно молитва и здесь и в других аятах стоит рядом с поклонением. Покаяние — лишь один из видов молитвы.

Человек вообще по своей природе таков, что ему часто хочется найти определенное облегчение, изливая душу самому близкому, а иногда даже и вовсе незнакомому человеку.

Специалисты правильно считают, что это снимает стрессы, предупреждает нервные срывы и заболевания. Соккрытие же горя и печали чревато обострением недуга. А что, если человек расскажет о своей боли самому Всевышнему и попросит у Него помбщи? В этом случае его сердце наполняет спокойствие, уходит прочь ощущение страдания. Ибо выработанная им в себе вера подсказывает, что Аллах всегда с ним и всегда поможет. Об этом напоминает Коран в суре «Корова». «А когда спрашивают тебя рабы Мои обо Мне, то ведь Я — близок, отвечаю призыву зовущего, когда он позовет Меня. Пусть же они отвечают Мне и пусть уверуют в Меня, — может быть, они пойдут прямо!» (аят 186).

Предписываемая Исламом молитва нужна постоянно — и в радости, и в печали; это помогает человеку «жить в присутствии Бога», как говорили в старину, чтобы корректировать свою мораль этим высшим образцом, поклоняться ему. Но иногда, в трудные моменты обращаясь к Аллаху и получив от Него облегчение участи, человек тут же забывает об этом и о самом Создателе. К хорошему это, конечно, не ведет. И об этом предупреждает Коран во имя самого человека. «А когда человека коснется зло, он взывает к Нам на боку и сидя, и стоя, — говорится в Священной книге. — Когда же Мы удалим постигшее его зло, он проходит, как будто бы и не призывал Нас против зла, коснувшегося его» («Йунус», аят 12).

Поэтому регулярное вознесение молитв прежде всего призвано охранить человека от дурного в нем. В Исламе молитва — основной символ духовного величия, которое правоверного мусульманина поднимает выше суетных вещей и собственных недостатков; это верное средство помогает человеку видеть цель и достигать высот самосовершенствования.

В Коране много аятов в виде молитв, и каждая из них — духовная, моральная заповедь. Повторение их угодно Богу и полезно человеку.

«Поистине, те, которые говорят: «Господь наш — Аллах», — а потом стоят прямо, — нет страха над ними, и не будут они опечалены» («Пески», аят 13).

Некто обратился к Мухаммаду, да благословит его Аллах и да приветствует: «О, посланник Аллаха, помоги мне советом». Пророк ответил ему: «Скажи: «Верую в Аллаха» и потом стой прямо», — то есть иди по верному пути.

Жертвуй, обретаешь

Добро — не только внутренняя духовность, нравственная чистота, но и их активное проявление в жизни. Характерно частое упоминание в Коране необходимости для верующих пожертвований. Это не обязательно только какие-то материальные дарения неимущим, вдовам, сиротам. Здесь заключен и смысл благодеяния: подразумевается всякое доброе деяние, в том числе во взаимоотношениях с другими людьми. Учение Корана о пожертвовании свидетельствует, что Он прежде всего — книга высокого духовного содержания, воспитательного значения. Ведь в Коране подробно описывается и подчеркивается, как добродеяние совершенствует, нравственно обогащает самого человека. Разъясняется прежде всего, что пожертвование — естественный удел человека: поскольку Аллах принес ему самому в дар все земные блага, то он должен постоянно делиться ими. «Не забывай своего удела в этом мире и благодетельствуй, как благодетельствует тебе Аллах...» («Рассказ», аят 77); «Если вы творите добро, то вы творите для самих себя» («Перенес ночью», аят 7). Вот несомненная истина! Добрые, щедрые люди достигают такой степени душевного равновесия, особого чувства счастья и полноты существования, каких, кроме них, никому не дано, не говоря уже о любви и почтении к ним окружающих.

Священная книга Ислама ставит значение благодеяния на уровень преданности Аллаху, подчеркивает, что они взаимосвязаны и являются лучшими и высокими качествами верующего. «Кто лучше по религии, чем тот, кто предал свой лик Аллаху, будучи добродееющим...» («Женщины», аят 125); «Кто придет с добрым делом, для того — десять подобных ему...» («Скот», аят 160); «А кто приходит с хорошим, тому — еще лучшее, и они в тот день от всякого страха в безопасности» («Муравьи», аят 89), и т. д.

Указаны в Коране и виды благодеяний, к которым отнесены, например, терпеливость, готовность к прощению, и те, на кого должны быть направлены наши душевные и материальные заботы. Прежде всего это — родители. У них на то — великое право. «И решил твой Господь, чтобы вы не поклонялись никому, кроме Него, и к родителям — благодеяние. Если достигнет у тебя старости один из них или оба, то не говори им — тьфу! и не кричи на них, а говори им слово благодарное. И пре-

клоняй перед ними обоими крыло смирения и милосердия и говори: «Господи! Помилуй их, как они воспитали меня маленьким» («Перенес ночью», аяты 23 — 24). Поистине, какими великими и простыми, человеческими словами определена эта первейшая душевная обязанность человека! Как видим, Аллах приблизил поклонение родителям к поклонению Себе, и это проявление высшей добродетели самого Творца из неисчерпаемого источника Его милостей.

Человеку следует быть чутким ко всем, делать добро «... и близким, и сиротам, и беднякам, и соседу, близкому по родству, и соседу чужому, и другу по соседству, и путнику, и тому, чем овладели десницы ваши» («Женщины», аят 36).

Перечень этот по сути не имеет конца, как не должны иметь их и сами добрые дела. Ибо ими жива душа дающего, ими облагораживаются общество и вся жизнь вокруг. Как трудно этого достигнуть, но тем более следует стремиться к исполнению одного из главных заветов Божьих. Без него мы никогда не достигнем и никаких других гуманных целей.

Как важно быть терпеливым

Мы уже говорили, что терпение, стойкость, терпимость к другим, умение прощать — тоже среди лучших добродетелей и добрых деяний человека. Жизнь человеческая никогда не протекает размеренно, гладко, как того нам очень хотелось бы. Даже в дни радости не исчезает возможность затруднений, но зато и в днях печали может быть заложено счастливое грядущее. Осознать все это и действовать соответственно — великое человеческое достоинство, недаром терпение, по Исламу, одна из духовных опор и нравственных совершенств правоверного мусульманина. Ведь нередко, в отчаянии от неудач, особенно молодые люди реагируют беспокойно, иногда даже недостойным образом. А терпение вселяет в сердце покой, снимает боль и ощущение безысходности, дает надежду.

Терпеливый человек стойко встречает все трудности, потому что знает — и они от Аллаха. А посему не надо падать духом; разумный, просвещенный верой человек и среди любых трудностей, посланных Аллахом, постарается найти для себя признаки доброго.

По Исламу, терпение — особое качество, оно лежит между духовной и материальной жизнью, упорядочивает, регулирует их связь. Недаром это свойство и все его оттенки отмечаются в Коране в семидесяти местах; пожалуй, ни одному другому человеческому качеству не уделяется столько места. И это понятно: терпение действительно великое достоинство, которое служит исходной основой многих других. Любое дело нуждается в нем, в том числе и сотворение добра. И вообще существование в этом мире невозможно без стойкости, спокойствия перед тем многим, что может вызвать ответную озлобленность. Этим и объясняется особая любовь Аллаха к терпели-

вым: «И воздадим Мы тем, которые терпели, награду их еще лучшим, чем то, что они делали» («Пчелы», аят 96); «И вознаградил их за то, что они вытерпели, садом и шелком» («Человек», аят 12); «Терпите: ведь Аллах с терпеливыми!» («Добыча», аят 46). Последнее также очень важно: Творец, обещая стойким свою поддержку, ставит терпение в ряд самых обязательных качеств верующего: «А если вы будете терпеливы и богобоязненны, то это — из твердости в делах» («Семейство Имрана», аят 186).

Все требует терпения — и неизбежные потери близких, и сотворение добра, и борьба со злом, и даже, как мудро учит Коран, сама вера: «Поклоняйтесь же Ему и будьте терпеливы в поклонении Ему!» («Марьям», аят 65).

Терпение надо в себе воспитывать, этому и помогает Аллах, подвергая нас испытаниям, поверяя человека ими на преданность себе. «И Мы испытаем вас, чтобы узнать среди вас усердствующих и терпеливых, и испытаем сообщения о вас» («Мухаммад», аят 31); «Мы испытаем вас кое-чем из страха, голода, недостатка в имуществе и душах и плодах, — и обрадуй терпеливых, — тех, которые, когда их постигнет бедствие, говорят: «Поистине, мы принадлежим Аллаху, и к нему мы возвращаемся!» Это те, над которыми благословения от их Господа и милость, и они — идущие верным путем» («Корова», аяты 155 — 157).

Да, терпение — поистине нелегкое испытание, но оно и утешение сердцам, и укрепление души перед лицом трудностей, а значит, и путь к успехам.

Прощение

Прощение всегда достойно уважения, оно возвышает человека. И обладают этим качеством только люди разумные, терпеливые, способные переносить враждебность и обиды. Оно способно погасить зло в обидчике, ибо к нему отнесутся с пониманием, не отплатят тем же. К тому же это — взаимовыгодное качество: ведь иногда мы сами, допуская ошибку, нуждаемся в терпимости и прощении других.

«И извините, и простите..., то Аллах — прощающий и милосерд!» («Взаимное обманывание», аят 14). Недаром в этой связи, поощряя верующих, Аллах говорит, что они «отгоняют добром зло» («Гром», аят 22). И вообще тем самым ослабляют зло и множат добро в мире: «Не равны доброе и злое. Отклоняй же тем, что лучше, и вот тот, с которым у тебя вражда, точно он горячий друг», — говорится в суре «Разъяснены» (аят 34).

Терпимость, склонность прощать, по Исламу, имеют свои границы: ведь есть люди, в коих злое неискоренимо, и с ними следует обращаться должным образом. Но и при этом не следует забывать о возможности прощения: «И если вы наказываете, то наказывайте подобным тому, чем вы были наказаны. А если терпите, то это — лучше для терпеливых» («Пчелы», аят

126); «И воздаянием зла — зло, подобное ему. Но кто простит и уладит, — награда его у Аллаха» («Совет», аят 40).

Так понимает Ислам прощение. Мы знаем, что, например, христианство преувеличивает эту добродетель, выводя ее за пределы естества и здравого смысла: «А Я говорю вам: не протривись злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду...» Такова известная евангельская заповедь.

В данной связи мы однажды спросили у американского богослова шейха Мухаммада Шала: «Не является ли христианская религия милосердной Ислама?» Ответ был таков: «Призыв Ислама — настоящий призыв души человеческой. И не будет преувеличением сказать, что в данном вопросе Ислам милосерднее христианства. Если обладателю справедливости сказать, что лучше простить, чем отомстить, то он, конечно, обязательно согласится. Когда человек, имея возможность отомстить, прощает, — это богоугодное, милосердное дело. Отнимая же вовсе право отомстить, мы лишаем человека естественного права выбора, что и делает его моральным. Навязываемое прощение всегда будет прощением поневоле. В Исламе же акт прощения рекомендуется при возможности отмщения. Вот почему прощение в Исламе во многих случаях превращается во взаимную преданность противостоящих прежде сторон, ибо они понимают, чего удалось избежать. Всепрощичество же ни к чему хорошему обычно не ведет».

Чего нам так не хватает...

Правдивость — начало начал всего доброго. Через нее складывается взаимное доверие между людьми, в обществе. Поэтому Аллах призывает мусульман: «Бойтесь Аллаха и будьте с правдивыми» («Покаяние», аят 119).

Наш пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, говорил: «Будьте правдивыми, ибо правдивость ведет к доброму, к добрым деяниям и раю. Презирайте ложь, ибо она ведет к злодеяниям, а они ведут к геенне».

Это касается всех сторон жизни — и личной морали, и общественной, и деловой сферы. Определяя правоверных мусульман, Коран, в частности, говорит: «...которые соблюдают свои доверенности и договоры» («Верующие», аят 8).

...И чего еще слишком много

Неправда же — худшее из зол, корень всех подлостей. Она подтачивает общество, разваливает все дела, развращает и того, от кого исходит. Завоевать доверие близких и сограждан нелегко, а потерять его — достаточно лишь раз солгать... Поэтому лжецов Аллах осуждает особенно сурово: «Если он

лжец, то на него обратится его ложь. Поистине, Аллах не ведет тех, кто чрезмерен и лжив!» («Верующий», аят 28).

Есть лишь одно исключение для неправды, когда она направлена на благой результат. «Не лжец тот, кто находит хорошие слова для того, чтобы подружить людей», — говорил наш пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и да приветствует.

Предательство же — самая ствратительная форма лжи. Вред от него распространяется далеко, и горе тому человеческому сообществу, где оно получило распространение, не миновать тут печального конца! Поэтому Аллах отклонял людей от измены: «О те, которые уверовали! Не изменяйте Аллаху и посланнику, — тогда вы измените доверенному вам...» («Добыча», аят 27); «Поистине, Аллах не любит тех, кто изменник, грешник» («Женщины», аят 107).

Невыполнение обещанного, лжесвидетельство, клевета, сплетня, столь укоренившиеся ныне в жизни, тоже, по сути, относятся к предательству. Пророк Мухаммад недаром говорил: «Предатель имеет три свойства: говорит неправду, не выполняет свое обещание и злоупотребляет доверием». Эти пороки сурово осуждены в Коране. «Устраняйтесь же скверных идолов, устраняйтесь слова лживого» («Хадж», аят 30). «О вы, которые уверовали! Если придет к вам распутник с вестью, то постарайтесь разузнать, чтобы по неведению не поразить каких-нибудь людей и чтобы не оказаться кающимся в том, что вы сделали» («Комнаты», аят 6); «Не повинуйся же всякому хулителю, бродящему со сплетнями» («Калам», аяты 10—11), — предостерегает Аллах.

Примирение людей

Мы уже говорили: если человек только избегает зла, но не творит добро для других, озабочен только самосовершенствованием, — это в Исламе, конечно, признается, но за высшую добродетель не считается. Идея активного добра получает свое воплощение и в стремлении всегда и всюду содействовать примирению людей и групп, установлению взаимного согласия ради взаимной пользы. Вражда ведь так сильно омрачает нашу жизнь, ведя даже к разрушениям и кровопролитию. Вот почему примирение людей — высокая человеческая задача, провозглашаемая Кораном.

«Нет добра во многих из тайных бесед, — разве кто приказывает милостыню, или доброе дело, или примирение между людьми. И если кто делает это, домогаясь благоволения Аллаха, тому Мы даруем великую награду» («Женщины», аят 114).

К таким же высшим добродетелям причисляются и взаимопомощь, сотрудничество — тоже действенное, полезное проявление личной и общественной морали на всех уровнях — от соседей до государств. «И помогайте одни другим в благочестии и богобоязненности, но не помогайте в грехе и вражде»

(«Трапеза», аят 3), — и призывает, и предостерегает Священная книга мусульман.

Благородство

Благородство, великодушие — одно из самых прекрасных человеческих качеств. Его смысл в том, чтобы желать другому того же, чего пожелаешь самому себе. Только так, даже служа ближнему, служишь всему человечеству, ибо и из малых, но благородных дел складывается великое добро.

Благородство играет большую роль в укреплении взаимного уважения, взаимной любви между людьми, принося счастье и своему обладателю. Современная психологическая наука подтверждает: эгоизм — признак лишь внешнего благополучия; на самом деле тот, кто не думает о других, не может быть счастливым сам.

Не случайно призыв Корана к благородству дается при одновременном осуждении эгоизма: «Они дают предпочтение пред собой, хотя бы и было у них стеснение. Кто обезопасен от скупости самого себя, — те счастливы!» («Собрание», аят 9).

«Скупость самого себя» — какая точная формула... Один из соратников Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует, Абу Хурайра рассказал: «Кто-то, придя к пророку, сказал: «Я оказался в трудном положении». Пророк отправил к жене посланца, чтобы дома подыскали что-нибудь для этого человека, но ничего не было найдено. Тогда пророк обратился к окружающим: «Есть ли человек, который, принимая на ночь гостя, хочет заслужить милость Аллаха?» — «Вот я буду принимать гостя, о пророк», — отозвался его соратник Абу Талха. Когда они пришли, хозяин сказал жене: «Принимай гостя пророка Аллаха». Жена ответила, что, кроме пищи, оставленной для детей, ничего дома нет. Абу Талха посоветовал супруге каким-то образом уложить детей спать, когда они захотят поесть, и затем, погасив светильник, вынести еду. «Обрадуем в этот вечер гостя пророка», — сказал Абу Талха. Утром, когда гость пришел к Мухаммаду, тот поведал, что «от удивления поступком Абу Талха и его жены Аллах ниспослал аят». И прочел приведенное выше.

Тяжкий плен страстей

Ислам устремлен на спасение человека из плена постоянно одолевающих его страстей. Дозволенное удовлетворение нормальных желаний полезно, безмерные же страсти, напротив, всегда угрожают естественным потребностям, разрушая морально и физически самого человека и все вокруг. «А если бы истина последовала за их страстями, тогда пришли бы в расстройство небо, и земля, и те, кто в них» («Верующие», аят 71).

Самый большой вред от увлечения нездоровыми страстями общество, понятно, терпит со стороны людей, облеченных

властью, которые, напротив, призваны устанавливать справедливость в обществе. Отсюда — смутные времена, массовые волнения, способные принести лишь горе и разрушения всем. В наизидание нам в Коране приводится обращение Аллаха к одному из пророков, царю Дауду, да благословит его Аллах и да приветствует: «О Дауд, Мы сделали тебя наместником на земле: суди же среди людей по истине и не следуй за страстью, а то она сведет тебя с пути Аллаха! Поистине те, которые сбиваются с пути Аллаха, — для них сильное наказание за то, что они забыли день расчета!» («Сад», аят 26).

Следование за страстями уводит нас от реалий жизни. По мнению Фрэнсиса Бэкона, для того, чтобы достичь истины, необходимо очистить ведущий к ней путь от четырех препятствий, из которых вытекает множество ошибок. Одно из них — слепое следование за предками, точнее, за их предрассудками. Именно так трактует Коран причину отказа иудеев следовать за Мухаммадом, да благословит его Аллах и да приветствует: «Если же они не ответят тебе, то знай, что они следуют только за своими страстями. А кто более сбит с пути, чем тот, кто последовал за своей страстью без руководства от Аллаха? Поистине, Аллах не ведет прямым путем людей неправедных!» («Рассказ», аят 50).

Основная причина поглощения нездоровыми страстями — слабость воли и знаний человека. Действительно, это помрачает разум, делает человека неспособным к осмыслению происходящего, вместо развития, присущего людям, держит их в порочном кругу рабства у темных желаний. Нет ничего более противоположного, чем слепая страсть и ясный разум: «А ведь многие сводят с пути своими страстями без всякого знания» («Скот», аят 119); «Да последовали те, которые несправедливы, за своими страстями без всякого знания» («Румы», аят 29). Коран также указывает пути освобождения из этого тяжкого плена. Они — в обращении всем существом к Аллаху, в соблюдении его наставлений. «А кто боялся пребывания Господа своего и удерживал душу от страсти, то, поистине, рай, это — прибежище», — говорится в суре «Нахмурился» (аяты 40 — 41).

Вера дает силу и в этой постоянной борьбе человека с самим собой.

Непростительный грех гордыни

Пожалуй, самым тяжким наказанием на земле карает Аллах людей, социальные слои и целые народы, ввавшие в грех превознесения себя над другими. Гордыня ослепляет, не даёт учиться всему полезному и разумному, развиваться и даже внимать гласу Господню. Отсюда один путь — к болоту невежества и мракобесия, взаимной ненависти и вражды.

Именно поэтому Аллах лишает превозносящихся возможности внимать проповедям, которые Он послал своим пророкам. Удел гордецов — гнев Аллаха: «Я отвращу от Моих знамений

тех, которые превозносятся на земле без права! И если они увидят всякое знамение, то не поверят ему, а если увидят путь заблуждения, то возьмут его своей дорогой» («Преграды», аят 146).

Сородичи пророка Ада, за то, что не хотели слушать добрые советы Аллаха, были обречены на вечные муки: «А адиты возгордились на земле без права и сказали: «Кто сильнее нас мощью?» Разве они не видели, что Аллах, который создал их, — Он сильнее их мощью? И Наши знамения они отрицали. И послали Мы на них ветер шуршащий в дни несчастные, чтобы дать им вкусить наказание позора в ближайшей жизни, а наказание будущей — позорнее, и они не будут защищены!»

Единственное, чем может и должен гордиться человек — это не красота, не молодость, не сила, не богатство или власть. А напротив — богобоязненность, скромность, благородство и благородные дела. Поэтому Священный Коран отвращает человека от превознесения: «И не ходи по земле горделиво: ведь ты не просверлишь землю и не достигнешь гор высотой!» («Перенес ночью», аят 37). О том же напоминает в другом аяте: «Не криви свою щеку пред людьми и не ходи по земле горделиво. Поистине, Аллах не любит всяких гордецов, хвастливых!» («Лукман», аят 18).

Кого ты унижаешь?

Гордыня часто оборачивается унижением других. Между тем уважение к каждому — одна из высоких личных и общественных добродетелей, приветствуемых Кораном как залог всеобщего счастья и благоденствия: «О вы, которые уверовали! Пусть одни люди не издеваются над другими: может быть они лучше их! И женщины над женщинами: может быть они лучше их! Не позорьте самих себя и не перекидывайтесь прозвищами. Мерзко имя «распутство» после веры! А кто не обратится, те — несправедливые» («Комнаты», аят 11).

Только Аллах знает истинную ценность каждого, поэтому и человек не имеет права присваивать себе роль судьбы. Но уважать ближнего и дальнего должен обязательно. Ведь обратное и вызывает, как мы теперь говорим, «цепную реакцию» взаимного неуважения, хамства, грубости, что тоже столь часто омрачает нам же жизнь.

Все мусульмане — как один человек, поэтому они не должны заниматься взаимными обвинениями, говорит Аллах. Мусульманин, оскорбляющий единоверца, прежде всего унижает себя.

Мания подозрительности

Внимательно прислушаемся к следующему аяту Корана: «О те, которые уверовали! Берегитесь многих мыслей! Ведь некоторые мысли — грех; и не отслеживайте, и пусть одни из

вас не поносят за глаза других. Разве пожелает кто-нибудь из вас есть мясо своего брата, когда он умер? Вы ведь почувствовали отвращение, бойтесь же Аллаха, — ведь Аллах — обращающийся, милостивый!» («Комнаты», аят 12).

Вот с чем сравнивает Священная книга манию подозрительности, которая в известные годы так изуродовала нашу жизнь и души многих людей. Лишь по отношению к самим клязуникам подозрительность не является грехом.

Умейте укрощать свой гнев

К духовным недостаткам, чреватым недобрыми последствиями для людей и их сообщества, Ислам относит и склонность впадать в гнев по всякому поводу. Самообладание, разумная сдержанность — признак воспитанности, добродушия, ума, наконец. Гнев и ярость являются противоположностью всему этому, началом агрессивным, разрушительным и неразумным. Кроме того, медициной давно доказано, что подобное сильное возбуждение попросту опасно для собственного здоровья вспыльчивого человека. Поэтому Ислам умение сдерживать свой гнев, как и умение прощать относит к богобоязненности, заслуживающей всяческого одобрения Аллаха (см., например, суру «Семейство Имрана», аят 34).

Это очень важно, ибо в гневе невозможно принять верное, справедливое решение. Поэтому умение прощать даже в момент ярости, овладев собой, Коран считает подобающей мусульманину добродетелью: «А когда гневаются, то прощают» («Совет», аят 37).

«Не тот богатырь, кто победил в борьбе, а тот, который в гневе сумел простить», — говорил наш пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и да приветствует!

Змея зависти

Давно замечено: завистник, желая несчастья всем, кроме себя, в конце концов из-за этого сам оказывается в беде. Ибо его не столько радуют собственные успехи, сколько постоянно мучает, изводит все хорошее, что досталось другим. В наше время зависть приобретает особую массовость и опасность. Ведь даже некоторые народы впадают в этот грех, желая другим зла. Обыкновение именно завистника — находить удовлетворение в клеюзах, быть инициатором интриг и конфликтов. К примеру, с целью занять «теплое местечко» другого он готов на все, лишь бы сделать из «соперника» такого же неудачника, как и он сам. Словом, завистник — несчастный, одинокий человек, которому не везет в жизни главным образом потому, что он не верит ни в людей, ни в себя, не находит достойных возможностей для достижения достойной цели. Поэтому Коран отклоняет от зависти: «Не желайте того, чем Аллах дал вам одним преимущество перед другими. Мужчинам — доля из то-

го, что они приобрели, а женщинам — доля из того, что они приобрели. Просите от Аллаха Его блага» («Женщины», аят 32).

В другом аяте Аллах указывает, что необходимо просить у Него защиты от зависти и ее носителей; а кроме того, не завидовать завистнику, даже жалеть его, ибо никому он не приносит столько вреда, сколько самому себе... Избавление от зависти, предупреждение ее — находить удовлетворение во всем, что досталось тебе, добросовестно выполнять свой долг, ориентироваться не столько на тех, кто счастливее тебя, сколько постоянно самому заботиться о своем благополучии.

Наш пророк, да благословит его Аллах и да приветствует, в своих хадисах говорил: «Если кто из вас увидит человека, превосходящего вас богатством, качествами характера, то пусть сразу бросит взгляд на тех, кто стоит в этом отношении ниже».

Большой «малый» грех

«Счастливы верующие, которые уклоняются от пустословия...» («Верующие», аяты 1 — 3). Казалось бы, не такой уж большой этот грех не раз помянут в Коране. Ибо много вреда принесли в нашей жизни всяческая пустопорожняя суета, провозглашение ложных идеалов и идей, погоня за надуманными, ненужными целями. Это всегда мешает делать реальные, настоящие, истинно полезные дела, насаждает «двойную» мораль, чуждую и вере, и повседневной жизни. Как хорошо сказано по этому поводу в Коране: «А когда они услышат пустословие, то отвертываются от этого и говорят: у нас свои дела, а у вас свои дела... Мы не стремимся к несведущим» («Рассказ», аят 55); «И те, которые не свидетельствуют криво, а когда проходят мимо пустословия, проходят с достоинством» («Поэты», аят 72). Невозможно не удивиться таким прозорливым и верным словам.

ИСЛАМ И СВЕТСКАЯ НАУКА

«Умножь мое знание...»

В прошлом веке среди европейцев получило распространение мнение о том, будто исламская религия была врагом прогресса мысли, боролась против философских течений. На основе учения Корана и исторических фактов попытаемся рассмотреть, насколько верно или необоснованно такое мнение.

В действительности война против науки была в свое время объявлена лидерами других религий. Широко известно, как в средние века в Европе ученые-естествоиспытатели подвергались жестоким преследованиям со стороны духовенства. Были созданы тогда специальные суды инквизиции для осуждения ученых и мыслителей, чье мнение как-то противоречило официальным установкам религиозных лидеров и церкви. Их за-

ставляли либо покаяться и отказаться навсегда от своих идей, либо, в случае нарушения этого обязательства, заживо сжигали. Так продолжалось довольно долго, пыткам и ужасной смерти были подвергнуты многие выдающиеся ученые средневековья, пока протестантство не внедрилось во многие страны. Данная ветвь христианской религии, будучи ближе к реальной жизни и чтобы укрепиться, вынуждена была разрешить свободомыслие.

Таким образом, наука вышла победительницей. Однако ученые, пострадавшие от догматически настроенных религиозных лидеров, стали мстить за это не только своим обидчикам, но и самой религии. Высмеивались книги религиозного содержания, это содержание называлось «мнениями людей первобытно-общинного строя», суть религии сводилась лишь к слепому повиновению, невежеству и т. д. И надо сказать, что ученым узко-материалистического направления удалось отвратить от церкви немало людей.

Однако факт, что Ислам за 15 веков своего существования не потерял, а приумножил число своих приверженцев. И не в последнюю очередь именно потому, что обязывает мусульман идти путем прогресса, знания, приверженности науке, поскольку ничто, кроме нее, не способно обеспечить личности и обществу развитие. Мы уже говорили, как много внимания в Коране уделено знанию, разуму, на какое высокое место они поставлены. Приведем еще ряд примеров. «Разве сравниваются те, которые знают, и те, которые не знают? Поистине, вспоминают обладатели разума!» («Толпы», аят 9); «Возвышает Аллах тех из вас, которые уверовали, и тех, кому дано знание» («Препирательство», аят 11).

Аллах не случайно сделал свидетелями того, что Он един, и ученых (а это одна из опор Ислама): «Свидетельствует Аллах, что нет божества, кроме Него, и ангелы, и обладающие знанием, которые стойки в справедливости» («Семейство Имрана», аят 18).

В то же время Коран подвергает критике людей, не обладающих знанием: «Так налагает Аллах печать на сердца тех, которые не ведают!» («Румы», аят 59). Отмечает безграничность знаний и призывает ученых к скромности и работе над собой: «Ведь выше всякого обладателя знания есть знающий!» («Йунус», аят 76). Аллах, относя знание к высшим ценностям, зовет мусульман через себя приобщиться к наукам: «И говори: «Господь мой! Умножь мое знание» («Та ха», аят 114).

Ислам не ограничился лишь подобными призывами, сам Коран во многом построен на близких науке внутренних основах.

Обратим, например, внимание на то, что Ислам — религия, основанная на доказательствах. Ибо истинная наука не принимает за истину то, что не подтверждается свидетельствами. Позиция, выраженная в Коране, в этом отношении недвусмысленна: «Скажи: «Представьте ваши доказательства, если вы

правы» («Корова», аят III); «А кто призывает вместе с Аллахом другого бога, — нет у него для этого доказательства» («Верующие», аят 117); «Тот ли, кто впервые начал творение, а потом возобновляет его, и кто питает вас с неба и земли? Или какой-то бог вместе с Аллахом? Скажи: «Дайте ваше доказательство, если вы говорите правду!» («Муравьи», аят 64).

Еще целый ряд аятов предостерегает от следования одним предположениям, воображению без опоры на факты: «Если ты послушаешься большинства тех, кто на земле, они сведут тебя с пути Аллаха. Они следуют только за предположением, и они только ложно измышляют!» («Скот», аят 116); «И большинство их следует только за предположениями. Ведь предположение ни в чем не избавляет от истины» («Йунус», аят 36); «Да последовали те, которые несправедливы, за своими страстями без всякого знания!» («Румы», аят 29); «И сказали они: «Это ведь только наша ближняя жизнь; живем мы и умираем: губит нас только время». Нет у них об этом никакого знания, они ведь только предполагают!» («Коленопреклоненная», аят 24); «И не следуй за тем, о чем у тебя нет знания: ведь слух, зрение, сердце — все они будут об этом опрошены» («Перенес ночью», аят 36). Можно ли более глубоко и выразительно сказать о пользе реальных знаний, конкретных, прочных убеждений.

Еще один важный в этом плане момент: Ислам — враг подражательства, слепого следования чьему-либо мнению и авторитету, пусть даже высокому. В древности, в средние века люди часто оценивали определенные вещи или события, исходя только из мнения о них известных личностей. Например, из того, что каждая мысль, исходящая от Аристотеля, абсолютно верна и безошибочна. Но такой прерогативой не обладает никто, кроме одного Господа. И Коран, и наука против такой бесплодной инерции мышления и сознания. «А когда им скажут: «Приходите к тому, что низвел Аллах, и к поклоннику», — они говорят: «Довольно нам того, на чем мы нашли наших отцов!» Неужели даже если бы их отцы ничего не знали и не шли прямым путем?» («Трапеза», аят 104); «И когда скажут им: «Следуйте за тем, что ниспослал Аллах!» — они говорят: «Нет, мы последуем за тем, на чем застали наших отцов». А если бы их отцы ничего не понимали и не шли прямым путем? Те, которые не верят, подобно тому, который кричит на тех, что не слышат ничего, кроме зова и призыва: глухи, немые, слепы они и не разумеют!» («Корова», аяты 170 — 171).

Эти аяты свидетельствуют, что подражание без осмысления того, что ты делаешь, и без уверенности в нем — дело неверных и невежественных. Ислам призывает опасаться нерассуждающего, некритического подражания предводителям, руководителям и т. д. Как утверждается в Коране, если и предводитель, и следующие за ним находятся на неправильном пути, то в Судный день они подвергнутся одинаковым мукам. Потому те, кто в этом мире руководили людьми, в Судный день пытаются

избегать своих последователей... Но Аллах всеведущ, всезнающ и справедлив.

Призывает ли Ислам только к овладению религиозной наукой? Отнюдь нет. Его призыв относится ко всем наукам, которые служат человечеству, устраняют невежество во всех сферах человеческой деятельности: естествознанию, психологии, истории, географии, социологии и т. д. «Из его знамений — творение небес и земли, различие ваших языков и цветов. Поистине, в этом знамение знающих!» («Румы», аят 22); «И на земле есть знамения для убежденных и в ваших душах. Разве вы не видите?» («Рассеивающие», аяты 20 — 21).

Ислам, по существу, призывает изучать и опыт предыдущих поколений (следуя верному и доброму и избегая прежних ошибок), т. е. историю, социологию. В той же суре «Румы» сказано: «Разве они не ходили по земле и не видели, каков был конец тех, кто был до них? Они были мощнее их силой, и взрыли землю, и заселили ее больше, чем заселили они. Пришли к ним их посланники с ясными знамениями. Аллах не был таков, чтобы их тиранить, но они сами себя тиранили» (аят 9).

Ясное и глубокое указание и для современников и для последующих поколений.

Ученые Запада об исламской культуре

Мусульманство и его идеи получили широкое распространение среди народов мира. Вместе с тем последователи Ислама сами перенимали многое из науки, культуры, искусства других народов. Известно множество положительных фактов, когда, в отличие от иных завоевателей, мусульмане не уничтожали книги в тех странах, где появлялись, а, собрав их вместе, создавали крупные библиотеки и научные центры.

Именно таким образом после греков и римлян эстафета знаний перешла в руки мусульман, а уже затем от них «вернулась» в Европу. Именно мусульманские ученые, в том числе многие выходцы из Средней Азии, внесли огромный вклад в развитие философии, медицины, химии, математики, астрономии, истории и других научных отраслей.

Профессор Нью-Йоркского университета Дрибер в книге «Дискуссия между наукой и религией» отмечает: «Занятие мусульман наукой началось после завоевания ими в 638 году города Александрия, то есть через 6 лет после смерти пророка Мухаммада. Начиная с этого времени, они, в течение менее двух веков глубоко изучив все научные труды греков, дали им правильные оценки. После того, как в 813 году Маъмун стал халифом, город Багдад превратился в столицу мировой науки. Халиф собрал в Багдаде бесчисленное количество книг, а также ученых, оказал им почет и уважение... Мусульмане придали древним наукам неизмеримое развитие. Вместе с этим открыли неизвестные до них отрасли науки». Кроме того, Дрибер подчеркивает: «Двери мусульманских университетов всегда были

открыты для тех европейцев, которые жаждали знаний. Правители государств Европы ездили в мусульманские края лечиться».

А вот признание по этому поводу профессора Либри: «Не появившись на исторической сцене арабы, возрождение Европы опоздало бы на многие века. Переводы арабских произведений в течение шести веков служили единственными учебными пособиями в университетах Европы. Можно сказать, что арабы в некоторых отраслях науки, например, в медицине продолжают оказывать свое влияние по сей день. К книге Ибн Сины были написаны комментарии в конце прошлого века».

Понятно, что под словом «арабы» здесь подразумевается наука халифата, вообще мусульманская наука; упоминание об Ибн Сине подтверждает это. Главное же, эти и множество других подобных высказываний специалистов подтверждает высокий статус знания, наук в Исламе.

Вместо заключения

По каждой теме, лишь затронутой нами, конечно, можно написать объемистые книги. Однако, учитывая, что у нас в этой сфере духовной жизни серьезные разработки, прерванные по понятным причинам, только начинаются, мы ограничились пока лишь обозначением круга важнейших вопросов.

Ислам — религия действия, движения. Это учение требует воплощения духовности в практической деятельности и таким оно и останется. Несомненно, иймон (вера) является, согласно Корану, такой действенной силой. Поэтому наши предки — досточтимые шейхи — духовные наставники, определяя понятие иймон, говорили: «Это произнесение языком, подтверждение сердцем и выполнение телом того, во что веруешь». Уровень веры каждого конкретного человека лучше всего определять по делам его. И вся эта деятельность по сути своей и целям гуманна и высоконравственна, ибо призвана служить человеку, его счастью и совершенству на этом и на том свете.

И потому я молюсь Аллаху, чтобы каждому, кто возьмет в руки эти заметки, довелось внимательно прочесть их и соблюсти все указания и заветы Творца, о которых мне посчастливилось здесь кратко рассказать.

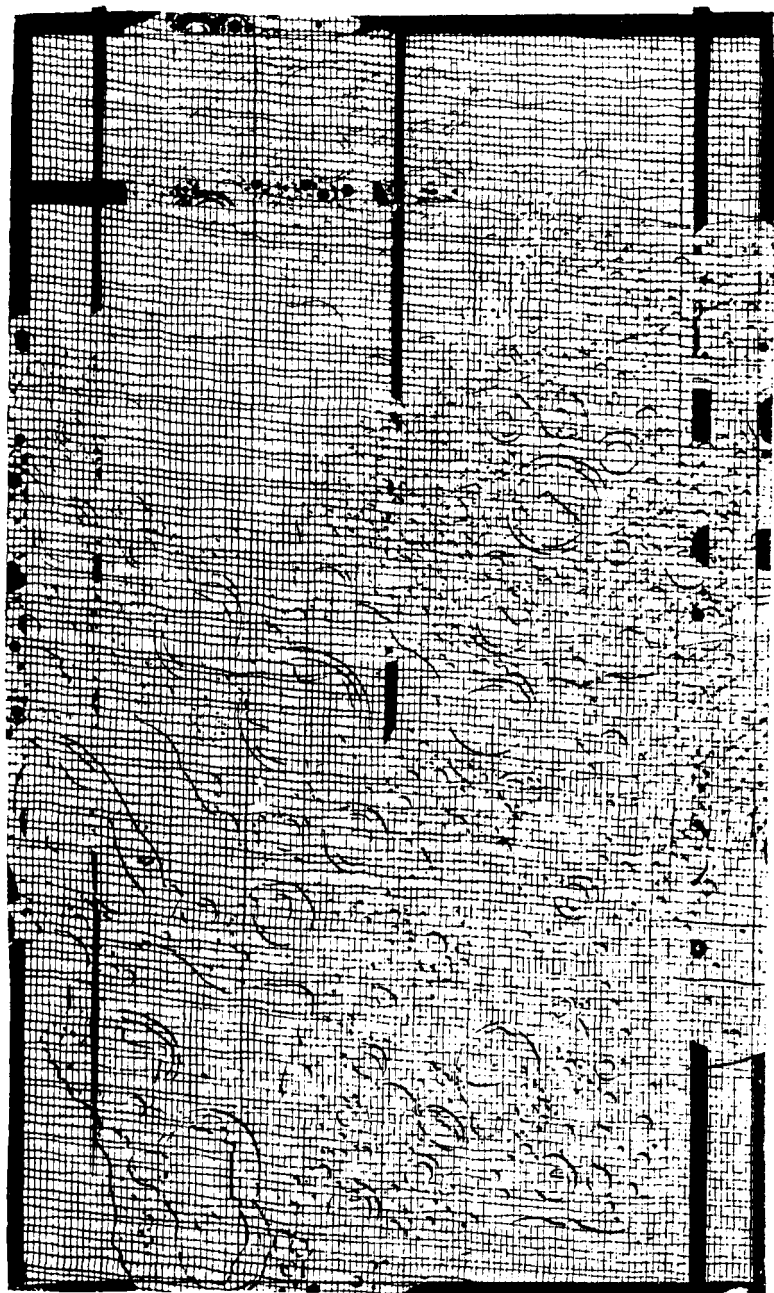
Еще раз хочется напомнить, что это лишь начало наших бесед; для обнаружения жемчужин нашей религии и для лучшего понимания их сути должно быть написано и прочитано великое множество книг.

Будут мир и здоровье — безгранична милость Аллаха, — Он поможет осуществлению этих наших надежд.

Да будут приняты Аллахом все наши добрые мечтания. Амин!

Перевод с узбекского Шарифа ХОЛМУРАДА.

Рисунок Юргена Нейгбауэра

Эзра Паунд

Эзра Паунд (1885—1972) —
лидер англо-американской
модернистской поэзии, теоретик
и реформатор стиха.

Огромная по своим размерам поэма Эзры Паунда, которую он назвал «Cantos» («Песни»), задумана автором как своего рода Одиссея — путешествие по странам и народам, времени и пространству обозримых нами культур. Поэтому, вероятно, она начинается одним из ключевых эпизодов гомеровой «Одиссеи» (в этом можно усмотреть также аналогию обращения к музам за благословением начать свой труд), где герой отправляется в царство теней, чтобы получить проорицание Тиресия о своей дальнейшей судьбе.

В. К.

Cantos

ФРАГМЕНТ

I

Потом спустились к кораблю.
Перенесли на волны судно, в божественное море,
И мачту с парусом восстановили над черным кораблем,
Баранов блеющих вташили... и тела свои,
Тяжелые от плача; в корму нам ветер задышал,
Вперед понес, раздувая полотно,
Вытканное Киркою, кудрявою богиней.
И сидя в корабле — играл кормилом ветер,
Наполнив парус наш — мы плыли до заката.
Уснуло солнце, пошли по океану тени —
Тогда достигли мы пределов вод бездонных,
Где киммериян земли, большие города,
Закрыты плотной мглой и недоступны
Сиянью солнечных лучей,
На небе ли оно или ушло, ночным светилам небо уступая.

«А, снова ты? Недобрая звезда
В мир скорбный мертвых привела тебя, в обитель теней.
Ну, отойди от Fossae, дай напиться крови,
Чтобы пророчить».

Я отступил назад,
И он сказал, от крови сильный: «Одиссей,
Нептуна злобе вопреки, по морю темному вернется,
Всех растеряв товарищей». И снова Антиклея.
Спи тихо, Див.— Я помянул Андрея Дива,
In officina Vecheli, 1538, как будто, из Гомера что-то.
Он плыл, и миновал сирен, и дальше, прочь,
Обратно к Кирке. Venerandam.

Как там сказал Критянин: ты, в короне золотой,
о Афродита,
Surgi munimenta sortita est, ты — радость; золото и
orichatchi —
Нагрудные повязки, опояска; ты, темновекая,
И с жезлом Аргидиды золотым. Итак:

II

Черт побери, Роберт Браунинг,
Существует лишь один «Сорделло».
Но Сорделло и мой Сорделло?

А Со-сю вспенивал море,
Нерпа играет в кольцах белопенных у влажноприбойной
скалы,

Атласная кожа, Лера дочь,
а глаза Пикассо,
В черном капоре меха, гибкая дочь Океана,
И волны на берег идут чередой.
И Гомер, старик, слепой, бедняга, слепой, словно крот,
Ухо, чуткое ухо к рокоту моря, ропоту старцев:
«Пусть убирается прочь, к кораблям,
Где ахейан поганые лица, иначе беда,
За бедою беда, в потомках проклятье.
Ну да, ступает она, как богиня,
И лицом богиня, а голос — ну прямо дочь Схенея,
Рок наш ступает ее походкой,
И пускай убирается прочь, к кораблям,
туда, где ахейан поганые клики».

А вдоль кромки берега, Тиро,
гибкие руки бога морского
Сплетают на ней воды крепкие мышцы
Под шатром стекловидным волны пепельносеребристой,
Лазурнослепящие воды, тесный и хладнокипящий покров.
Безмолвнопесчаный простор солнцерыжий,
Чайка поднимает крыло,

чистится, топорща перья,
 Купаться слетелись бекасы,
 крылья расправляют в суставах,
 Влажные крылья в солнечной дымке,
 А возле Хиоса,
 по левую руку от морского пути на Наксос
 Заросшая скала кораблевидная,
 морской травы колыханье по краю.
 Отмели словно залиты красным вином,
 жестянка сверкает в ослепительном солнце.
 Корабль бросил якорь у Хиоса,
 матросы на берег сошли за водой, к роднику,
 А возле скалистой заводи — мальчик, пьяный, как
 молодое

вино. «Наксос? Ладно, возьмем тебя на Наксос,
 Поехали, парень». — «Но не в ту сторону!» —
 «Все в порядке, сюда будет твой Наксос».

И тут сказал я: «Это честный корабль».

Но бывший каторжник италиец

ударом сбил меня в носовые штаги,
 (Его разыскивали за убийство в Тускии).

И все против меня, до одного, все двадцать,
 Помешались на грошах, что выручат, продав его в рабство.

И вот отчалили от Хиоса
 И пошли совсем другим курсом...

Но мальчик вдруг опомнился с криком
 И тоскливо за борт глядел,

на восток, туда, где Наксос.
 Чудо потом, воистину, чудо:

Корабль будто в землю врос в морской круговерти,
 Побеги плюща на веслах, царь Пенфей,

не от семени гроздьа, но пены морской,
 Побеги плюща на шпигате.

О да, я стоял там, я, Акет,

а бог стоял рядом.

Вода разбивалась под килем,

Брызги волны под кормой,

кильватер, бурлящий от носа,
 И где был планшир, ствол поднимала лоза,

Гроздьа ее, где был такелаж,

на уключинах виноградные листья,
 Буйные побеги на веслах,

И откуда ни возьмись, задышало что-то,

горячее дыхание по моим лодыжкам,
 Звери, как тени в стекле,

мохнатый хвост ниоткуда,
 Мурлыканье рыси, зверя запах, как вереск,

где раньше был запах смолы,
 Сопение, мягкая поступь зверя,

блестящий глаз в воздухе черном.

Небо провисло, сухое, без признаков бури,
Сопение, мягкая поступь зверя,
 шерсти щетка по коже моих коленей,
Шорох воздушных надкрылий,
 сухие формы в эфире.
И корабль, словно на верфи,
 повисший, как бык на железных стропях,
Ребра застряли в стапеле,
 гроздя над кофель-планкой, рздувшаися шкура.
Жилами пошел неживой воздух,
 кошачья поступь пантеры,
Леопарды возле шпигата, нюхающие лозы побего,
Пантера перед прыжком у переднего люка,
И темно-синее море вокруг,
 розовато-зеленые тени,
И Лизй: «Отныне, Акет, тебе мои алтари,
Не страшась ни рабства,
 не страшась ни кошек лесных,
Под защитой моих леопардов,
 лозы плодами рысей питаю,
Олибан — фимиам мой,
 виноградник возвращивай мне на славу».

Вот зыби спина распрямилась в оковах руля,
Черная морда дельфина,
 где был Ликабант,
Чешуя на гребцах вместо кожи.
 И пал я тогда на колени.
Что я видел, то видел.
 Лишь мальчика привели, я сразу сказал:
«Сдается мне, это бог,
 правда, какой, не знаю».
Но они зашвырнули меня в носовые штаги.
Что я видел, то видел:
 рыбьей мордой стало лицо Медонта,
Руки сморщились плавниками. И ты, Пенфей,
Ведь слушал же когда-то Тиресия, слушал Кадма,
 больше не будет тебе в жизни удачи.
Чешуя вместо кожи в паху,
 рыси мурчание посреди моря...
Потом, когда-нибудь позже,
 в винно-красной траве,
Если свесишься со скалы уступа,
 бледное коралла лицо под легким флером волны,
Словно бледная роза под беспокойной водой,
 Илевтиерия, прекрасная Дафна морей,
Руки пловцов, которые сделались ветвями,
Кто скажет, в каком году,
 спасаясь от стаи каких тритонов,
Чистый челом, то появляясь, то почти исчезаю,

доныне застыл, как слоновою кость.

И Со-сю вспенивал море, Со-сю то же,
 лунным лучом, как мутовкой...
Струи упругие,
 Посейдона мышцы,
Чернолазурная, полупрозрачная
 над Тиро волна, как стекло,
Укрытие тесное, вечная зыбь,
 сноп серебристоструйный.
А дальше спокойна вода,
 на желтых, как кожа, спокойна песках.
Птица моря, расправляя крылья в суставах,
 в заводях плещется между скал, на песчаных пляжах,
Где на отмелях стаями носятся волны,
Стекланная вспышка волны против солнца в разрывах
 потока,
 бледный Геспер,
Гребень седой,
 и волна, словно мягкая плоть винограда.
Маслины серые вблизи,
 и дальше дымно-серые скалы,
Крылья скопы, розовые, словно мясо лосося,
 серая тень на воде,
Башни гусь одноглазый, огромный,
 высунул шею из оливковой роши,
И мы слышали фавнов, бранящих Протея,
в запахе сена, в тени масличных деревьев,
А вперевивку — хоры лягушек,
 в сумерках.
И...

Перевод с английского Владимира КУЧЕРЯВКИНА.

ГЛОССАРИЙ К «CANTOS» ЭЗРЫ ПАУНДА

Кирка (лат. Цирцея): дочь Гелиоса и Персы, волшебница, обитавшая на острове Эе (Одисс. X,210). Цирцея, Афродита и Персефона составляют архетипическую триаду взаимопроникающих сущностей женского божества: колдуньи, возлюбленной, девы.

Киммерияне, киммерийцы: мифическое племя, обитавшее далеко на севере, в стране, вечно покрытой мраком (Одисс. XI, 14—19).

Перимед: один из спутников Одиссея.

Эврилох: «твердый сердцем вождь Эврилох» был ближайшим помощником Одиссея (Одисс. X,207).

Тиресий: получивший от Зевса дар пророчества фивский прорицатель, «кто, даже мертвый, разумом велик!»

Прозерпина (греч. Персефона): дочь Зевса и Деметры, супруга Плутона, вынужденная в зимнее время года жить в подземном царстве мертвых. Весенние Элевсинские мистерии помогают ей вернуться к матери, богине земли и растительности Деметре, что способствует пробуждению природы. Как хтоническая богиня, Персефона — богиня смерти. Выход ее из царства мертвых связывался с выходом Афродиты из моря. С Афродитой Персефону сближает и миф об Адонисе, согласно которому он третью часть года был супругом Персефоны, а две трети — Афродиты (Аполлодор III, 14,4).

Ельпенор: самый юный из спутников Одиссея. Играет роль второстепенного неудачливого спутника героя; слава его зависит единственно от того, что Одиссей сохранит его имя для потомков.

Аверн: мрачное озеро в Кампании, где по преданию находилась пещера кумской сивиллы, роща Гекаты и вход в царство теней.

Антиклея: мать Одиссея, умершая за время его странствий.

«... с жезлом золотым...»: золотой жезл, или золотая ветвь, сорванная в саду Персефоны, — ключ, открывающий вход в царство теней, а также кадуцей (жезл, обвитый двумя змеями), с помощью которого Гермес созывал души умерших, чтобы вести их в Аид.

«А, снова ты?»: под этим вопросом, вероятно, подразумевается, что Одиссей встречался с Тиресием раньше, при жизни прорицателя.

Fossae (лат.): ров, яма, канава.

Див: Андреас Дивос из Юстинаполиса (ныне Каподистрия). Перевел «Одиссею» на латынь и в 1538 году опубликовал перевод.

In officina Vecheli: (лат.): «в мастерской Векелия», парижского издателя Дивоса.

Venerpandam (лат.): «достойная почитания». Этим словом начинается Второй гомеровский гимн Афродите, переведенный на средневековую латынь Георгием Дартоной (см. ниже).

Критянин: Георгий Дартона, родом с Крита, переводчик гомеровских гимнов на средневековую латынь. Его переводы были опубликованы вместе с переводом «Одиссеи» Андреаса Дивоса.

Surgi munimenta sortita est (лат.): «Кипра высот владычица». Это также цитата из перевода Георгия Дартоня. Речь идет об Афродите, носившей прозвище Киприды.

Orichalchi (лат.): «из меди». Римляне называли медь также «кипрским» (металлом), т.к. она добывалась на Кипре, где, кстати, находился центр культа Афродиты. В своем переводе Второго гомеровского гимна Георгий Дартона употребляет слово *orichalchi*, говоря

о серьгах Афродиты. В последующих Cantos Паунд использует его для описания глаз богини — «цвета меди и вина».

«И с жезлом Аргидиды золотым»: ошибочный перевод Паундом фразы из Первого гимна Афродите в интерпретации Георгия Дартонны. (Habeas cuneam virgam Argicida), где Афродита рассказывает, как она была похищена «убийцей Аргуса» (shrusorgapis Argeiphonte), т. е. Гермесом, державшим в руке золотой жезл. Дартонна переводит Argeiphonte как Argicida — этот эпитет Меркурия также имеет буквальное значение «убийца Аргуса». Золотой жезл (золотая ветвь) упоминался в «Энеиде»; чтобы добиться позволения спуститься в царство теней, Эней должен был найти его и принести в дар Прозерпине. Позднее известен как золотая ветвь Ариции, района Альбанских холмов к югу от Рима, где росла небольшая роща и находилось озеро (ныне оз. Неми). Эту ветвь связывали и с Дианой Неморенской (Дианой из рощи).

Аргидида: зд. «истребительница аргивян», т. е. греков. Этот эпитет обычно давался Гермесу, «убийце Аргуса» (см. выше), но Паунд характеризует им Афродиту, помогавшую троянцам во время Троянской войны.

Роберт Браунинг (1812—1889): английский поэт, автор эпической поэмы «Сорделло», в основе которой жизнь итальянского трубадура. Браунинг создает нетрадиционный образ Сорделло, используя его в качестве лирического героя для воссоздания собственных переживаний. Смысл первых трех строк, вероятно, в том, что не существует возможности объективно судить о личности Сорделло; можно лишь говорить о субъективных описаниях фактов его жизни. По мнению Паунда, поэмой «Сорделло» оборвалась эпическая традиция в англоязычной поэзии. Приступая к работе над Cantos, он намеревался продолжить эту традицию. К Браунингу Паунд вводил и свою литературную родословную.

Сорделло: итальянский трубадур (1180(?)—1255(?)), сын бедного дворянина. Попав ко двору графа Рикардо де Сан Бонифаццио, Сорделло влюбился в его жену, Куницу да Романо, с помощью ее братьев похитил возлюбленную и бежал в Прованс. Позднее служил в войске Карла I Анжуйского, от которого получил в награду пять замков. Сорделло, однако, вернул их обратно, считая, что он и без того безмерно богат, обладая поэтическим даром.

«Lo Sordels...» (прованс.): «Сорделло родом из Мантуи» — так начинается жизнеописание Сорделло.

Со-сю: искаженное Сибя Содзё, как в Японии называли китайского поэта, жившего во время правления династии Хань, Сыма Сянжу (179—117 до н. э.). Здесь Паунд приводит мысль, высказанную в одной из аллегорий Ли Бо, который, как известно, весьма критически относился к творчеству своего великого предшественника. Сыма Сянжу (а также и Цюй Юань, которому тот подражал), по словам Ли Бо, «создавал лишь пену вместо волн». Паунд не раз приводил высказывание Ли Бо, найденное в записных книжках Феноллозы, американского ученого-ориенталиста и переводчика китайских классиков: «Ё-ю и Содзё создавали лишь рябь на воде. Середина потока — пена и пузыри, а не размеренная волна».

Лер: морское божество у древних кельтов.

Пикассо: имя Пикассо, которым Паунд характеризует глаза нерпы, заставляет вспомнить о способности художника трансформировать в своих картинах окружающий мир. В античной мифологии нерпа — животное, облик которого часто принимает Протей.

Схений: отец Аталанты, красота которой, подобно красоте Елены, стала причиной многих смертей. Схений — персонаж «Метаморфоз» Овидия. Эту книгу Паунд читал в переводе Артура Голдинга, чей труд он воспринял как пример метаморфозы красоты при переводе с одного языка на другой, преломление ее во времени.

Тиро: дочь Салмоней. Сердце Тиро пленила божественная река Энипей. Облик Энипея принял Посейдон, чтобы сочетаться с ней любовью. Когда Тиро купалась в устье реки, Посейдон усыпил ее и, накрыв огромной волной, овладел ею (Одисс. XI, 235—259).

Наксос: самый большой из группы Кикладских островов, славившийся своим вином. Был центром Дионисийского культа. (Метаморфозы, III, 636—637 и Гомеровский гимн Дионису).

Мальчик: юный Вакх, которого называли Дионисом, Лизем («отгоняющим заботы, утешителем»), Иакхом («ликующим»), — бог вина, плодородия и экстатической радости. Его культ возник на Крите и соперничал с культом Аполлона.

Царь Пенфей: внук Кадма. Противился поклонению Дионису, за что был растерзан вакханками под предводительством его собственной матери, которая оторвала его голову и с триумфом принесла домой. Акет, предостерегая Пенфея, рассказывает, как команда его корабля пыталась продать Диониса в рабство.

Акет: лидиец, сын бедных рыбаков, искусный мореплаватель, капитан корабля, на который его команда привела Вакха.

Олибан: фимиам, ладан. Римляне считали, что именно Бахус ввел использование ладана в обрядах (Овидий, «Фасты». III, 727)

Тиресий: в трагедии Еврипида «Вакханки» есть сцена, где Тиресий и Кадм поднимаются в гору для участия в оргии, обряде в честь Вакха. Наделенный даром пророчества, Тиресий советует Пенфею принять участие в обряде, но тот легкомысленно отказывается.

Кадм: сын финикийского царя Агенора. Сестра его, Европа, была похищена Зевсом, принявшим облик быка. Кадм, посланный отцом на поиски, не нашел ее, и тогда, по повелению дельфийского оракула, основал город Фивы в Беотии. В мифе говорится, что стены города воздвигались, подчиняясь ритму музыки кифареда Амфиона.

Илевтиерия: вероятно, неумышленное слияние имени греческой богини-родовспомогательницы Илифии с названием морского животного из рода двуполовых медуз «элевтерия» (греч. «свобода»).

Дафна: дочь речного бога Пеней. Спасаясь бегством от влюбленного

в нее Аполлона, она призвала на помощь отца, и он превратил ее в лавр. Паунд говорил: «Образ Дафны мне очень близок, хотя я предпочел бы, чтобы она превратилась не в лавр, а в коралл».

Геспер: планета Венера, называемая в утреннем восхождении также Люцифером («светоносцем»), а в вечернем Веспером или (по-гречески) Геспером («закатным»). В сознании Паунда Геспер связывался со свадебными гимнами Сапфо и Катулла.

Протей: морское божество, обладающее даром пророчества и оборотничества. В комедии Аристофана «Лягушки» Дионис и его слуга Ксанфий отправляются в Аид на поиски «искусного поэта», где их встречает оглушительный хор inferнальных лягушек.

Рисунок Хорста ХЮСЕЛЯ

Дэвид Герберт Лоуренс

Д. Г. Лоуренс (1885—1930) —
выдающийся английский поэт и прозаик.

Из цикла «Черепашки»

Черепашка

Ты знаешь что такое быть рожденным в одиночестве
дита черепахи

В первый день протискиваться сквозь скорлупу
миллиметр за миллиметром
еще не пробудившись
и от неудачи рухнуть обратно
полуживое
маленькое уязвимое полу-животное полу-горошина

Открыть свой крохотный птичий клюв — будто стальную
дверь
которую никогда не открывали
Оторвать верхнюю часть клюва — ястреба от нижней
И вытянуть свою маленькую кожистую шею
И съесть впервые какой-то невзрачный клочок травы
в одиночестве маленькое насекомое
Крохотные яркие глаза
Медленное существо

Проглотить свой первый одинокий кусочек
И двинуться на медленный одинокий промысел
Твой яркий темный маленький глаз
Твой глаз — темная тревожная ночь

Под своей медленной медлительной крышкой
крохотное дитя
Такое неукротимое

Никто не слышал чтобы ты жаловалось

Ты медленно вытаскиваешь свою голову из маленькой
Часовенки
И медленно тащишь себя вперед на своих четырехиглых
лапках

Гребя медленно вперед —

И ты — медленно двигаешься один первопроходец
Каким пылким выглядит твое путешествие в тревожном
свете
солнца
Стоик атом Улисса
Вдруг стремительный безрассудный на высоко
приподнятых
лапках

Безголосая маленькая птичка
Оставляя свою голову наполовину в храме
В неторопливом достоинстве своей бесконечной
передышки
Одинокая без чувства одиночества
И от того в шесть раз более одинокая
Наполняя свой маленький круглый дом посреди хаоса
медленной страстью продирая сквозь незапамятные
века

Над садом земли
Маленькая птица
За краем всех вещей

Путешественник
с хвостиком загнутым немного на одну сторону

Вся жизнь на твоих плечах
Непобедимый предвестник.

Первое утро

Ночь была ошибкой
но почему бы нет?
В темноте
когда волнение бледными лентами рассвета —
сквозь черную раму окна
я не мог быть свободным
освободить себя от прошлого и тех других —
и наша любовь все зря
и там был ужас
ты прогнала его прочь

Сейчас утром
Когда мы в свете как будто на маленьком алтаре
И смотрим на горы стен
Стен синих теней
И видим рядом на лугах наших ног
Мириады легких одуванчиков

Сверкающих пузырьков в потоках наслаждения в темной
зелени травы
Пока еще ниже солнечных лучей
Этого достаточно ты рядом
Как будто балансируют горы
Одуванчики стоят погруженные наполовину в траву
Ты и я вместе
Мы держим их гордо и радостно
на лугах нашей любви
Они стоят прямые в нашей любви
Все начинается из нас
Мы источник

Перевод с английского Евгения ОЛЕВСКОГО.

Графика Вячеслава УСЕИНОВА.

Хушанг Гольшири

Хушанг Гольшири —
иранский писатель-модернист.
Родился в 1943 году.

КУНСТКАМЕРА

ПОВЕСТЬ

Машина остановилась у тротуара, он разглядел козырек кепки водителя. Лица не видно. Женщину увидел потом: голову и плечи ее на мягком заднем сиденьи справа. Темные очки — как будто без оправы. Рассыпавшиеся черные волосы. Марку машины трудно угадать. Большая и черная. Разглядел собаку слева от женщины. Протянув руку, нащупал на скамейке свою тетрадку. Дома или даже в парке невозможно заниматься, всегда что-нибудь мешает. Здесь же, на набережной между двумя мостами — было хорошо, дуги арок в оранжевом свете заката не раздражали глаз. К тому же за спиной река, но только по кваканью лягушек и сырой свежести в воздухе можно угадать ее и даже ощутить течение. Если прислушаться, различался ток воды в журчании вокруг камня, в шелесте сухих травинок и прерывистых пошлепываниях пузырьков от хохолок мха. Конечно, присутствие воды, отражавшей блики фонарей, пассажиры в автомобилях, спящих по противоположной улице, и даже силуэт за тем далеким окном — все отвлекало внимание: чтение все-таки требовало одиночества, чтобы запомнить мудреные слова и стандартные фразы перевода. Если бы он остался у себя в комнате с кем-нибудь из приятелей, то ритм пульса, вероятно, нарушился бы из-за прерывистых нескончаемых ударов капель воды из крана. Поэтому он приходил сюда, в особенности если надо было пересказать на память какой-нибудь текст. Здесь было укромное место. Во всяком случае до сих пор было.

Он понял, что женщина из полумрака машины сквозь темные стекла очков смотрит на него. Открылась дверца, в слабом свете лампочки подсветки обозначились длинные белые ноги. И белизна шеи. Блузка в голубую полоску,

с присборенными рукавами. Вероятно, она была надушена — что-нибудь похожее на запах жасмина. Только запах жасмина нравился ему. Он должен заниматься. Открыл тетрадь, полистал. Не та страница. Не важно. Посмотрел, затем пошел вдоль парапета.

— Будьте добры, подойдите сюда.

Голос женщины, несомненно обращенный к нему. Но не надо поддаваться. Этот аромат — не обязательно жасмина, но что-то похожее — всегда его волнует. Как невидимая рука, ласкающая душу. Нет, он не ослышался, или, может, она обращалась не к нему?

— Молодой человек, я вам.

Делать нечего, надо подойти. Проезжающие иногда спрашивают дорогу или адрес гостиницы или ресторана. По ночам площадь Накше джахан¹ действительно хороша. Днем только фотографируют и уезжают. За один-два дня что можно увидеть? Чтобы подойти к машине, ему надо было пересечь газон, перепрыгнуть через ажурное деревянное ограждение. Но уже ничто не имело значения, потому что и повелительный тон, и присутствие собаки, и черная машина с невыключенным двигателем — от всего этого повеяло каким-то незнакомым ароматом. Случай — если его описать, — можно всех приятелей поразить. Еще отец предупреждал: «Эти женщины, знаешь, даже твоя Насирин, — не заметишь, как вдруг окажется у тебя на шее». Тогда он ответил: «Отец, мы просто друзья».

Потупившись, направился к машине по мостовой вдоль газона, чувствовал, как женщина, сняв очки, через заднее стекло смотрит на него. Подойдя к дверце, посмотрел в затылок водителю и спросил:

— Что вам угодно?

Женщина сидела, прижимаясь к собаке. От нее исходил аромат жасмина. Ладони с длинными белыми пальцами лежали на коленях. Ноги обнажены или казались обнаженными.

— Садись, не съест.

— Что вы изволите?

Мотор заурчал громче.

— Я сказала, садись.

Взяла его за кисть. Холодные длинные пальцы обхватили левую руку. Не успел еще как следует сесть, как машина тронулась. Закрыл дверцу, деревья за окном побежали назад.

— Не боишься? — спросила женщина.

Погладила морду собаки. Лица не видно.

— Я спрашиваю, не боишься?

Когда машина поворачивала, разглядел в уличном свете ее профиль. Женщина продолжала смотреть на собаку. Не

¹ Накше джахан (букв. «воплощение красот мира») — известная площадь в Исфахане.

накрашена. А если и покрашена, то так естественно, что краска на губах и румяна на щеках не выделялись даже на фоне шеи.

— Чего? — спросил.

— Когда тебя спрашивают, отвечай на вопрос.

Не глядя на нее, чувствовал, что она все еще смотрит на собаку. Глядел на тротуар, на скамейки, на одинокие фигуры сидящих.

— Его зовут Пат, водителя — Рахим. Ну, а как тебя зовут? — спросила женщина.

Они остановились перед красным светофором. Он схватился было за ручку дверцы, но машина вновь тронулась.

— Значит, боишься. Кого? Не понимаю. Ведь Пат лает только на чужих. Или на тех, кто лезет через забор, — хватает за икры и дерет брюки. А Рахим — глухой, немой и безвредный. Вообще-то он такой стал недавно.

Затем на ухо прошептала:

— Но мне кажется, он притворяется.

Машина поехала быстрее. Потом завернули в темную аллею, и через каждые несколько секунд замелькали полоски света. Ладонь его все еще сжимала ручку дверцы. Когда подъехали к светофору, увидел, как рука женщины коснулась плеча водителя. Еще две машины притормозили на красный свет.

— Отпусти ручку.

Сказано было тихо. Теперь она сидела ближе, сильнее ощущался аромат жасмина.

— Так ты не сказал, как тебя зовут.

— Ну, положим, Пати, или что-нибудь в этом роде.

Ее голова легла ему на плечо. Прерывисто задышала: «Нет, не Пати, уверена, что не так. Пати дома у меня. Не представляешь, какая замечательная. В два раза больше вот этого, и такая умная, что трудно представить».

Не доехав до конца улицы, завернули в узкий переулок, поехали медленней.

— Ты не хочешь выйти? — спросила женщина.

— Все равно.

— Меня зовут Пари, пусть сегодня я буду Пари. Ладно?

И взяла его за руку. Рука была холодная. Легкая и холодная.

— Поверни выключатель, он поймет.

Пока искал выключатель, оказались уже на мосту.

— Теперь, если хочешь, открой дверь.

Когда выходили, женщина поцеловала пса в морду.

— Нет, тебе не надо, лучше, если ты останешься здесь.

И закрыла дверцу. Пошли вдоль арыка, под деревьями. Луны не было. Если и была, то не на спокойной поверхности темного арыка, лишь кое-где освещенного фонарями на столбах и над дверями домов. Женщина взяла его под руку.

Положила голову на плечо, прижалась: «Я закрою глаза, а ты иди. Можешь вести меня, куда захочешь».

Повернул голову. Темный силуэт машины заслонял весь мост.

— О Рахиме не беспокойся — будет ждать сколько нужно.

Пошли вдоль арыка, в полумрак длинной узкой аллеи. Свернутую тетрадь засунул в карман пиджака и пальцами правой руки поласкал ей шею.

— Нет, не сейчас. Сейчас только погуляем. Но последи, чтобы я не наткнулась на что-нибудь. Если захочешь, можешь бросить меня в арык и уйти.

Услышал гудок машины, приостановился.

— Кажется, гудит.

— Пусть гудит, — ответила женщина. — Неважно, сам-то он не слышит... Ты так и не сказал, как тебя зовут.

Взяла его левую руку.

— Манучехр... Ирадж... — тебе не все равно?

Повернулся к арыку. Вокруг темно. В блике света на воде с противоположной стороны видна рябь, чувствовалось, что арык полный, в нем спокойная и, вероятно, холодная вода.

— Почему повернул? — спросила женщина.

Подошел к краю арыка, остановился, потянул женщину за руку.

— Ты хочешь бросить меня в воду, да? Я такая старая, что даже ты...

Присела на краешке. По тому, как дрожала рука, понял, что плачет.

Пусть плачет.

Как будто вслух произнес — женщина поняла. Остановил взгляд на темной воде, постарался настроиться на ее спокойное течение. Услышав всхлипывания, понял, что ничего не получится. Пачка сигарет в правом кармане. Оставалось всего несколько штук.левой рукой вытащил сигареты и спички. Пришлось отпустить руку женщины.

— Ты тоже будешь курить? — спросил.

— Не надо зажигать спичку, — сказала женщина. — Можем подойти к фонарю.

— Зачем?

Успокоилась. Когда разговаривают, трудно плакать. Прикурил только одну сигарету. Полуобгорелую спичку бросил в воду. Отсюда гудки казались далекими, приглушенными, как будто из-за дальних аллей.

— Хочешь, провожу?

— А ты не пойдешь? — спросила женщина.

— Куда?

— Не знаю. Прикури для меня одну от своей сигареты. Ты ведь не куришь «Хому»¹?

¹ «Хома» — название дорогих иранских сигарет.

Прикурил и протянул ей, не взглянув.

— Ты студент?

— Представь, что да.

— Может быть, готовишься к конкурсу?

Не ответил. Прислушивался к гудкам машины и далекому лаю собаки.

— Эй, я с тобой говорю, оглох?

Толкнула его плечом.

— Нет... Машина сигналист. И Пат лает.

— Так ты и не сказал, как тебя зовут.

— Я же сказал — Манучехр.

— Я серьезно спрашиваю.

— Ну ладно, считай, что Патти, а ту собаку мы назовем Хап.

Женщина залилась смехом — так громко, что не слышно стало ни гудка, ни собаки. А может быть, Рахиму и Пату надоело, все надоело.

— Не хочешь вернуться?

— Куда? — спросила женщина.

— Не знаю. На твою виллу, во дворец...

Развеселилась еще больше:

— Дворец, вилла? А не думаешь, что я, может быть, просто одна из тех дорогих шлюх?

Глухое поскуливание собаки. Обернулся. Увидел тени шофера и собаки. Рахим держал собаку на поводке. Пат сидел, виляя хвостом. Женщина тоже обернулась.

— Не понимаю, кто тебе разрешил приходить сюда? А ну-ка возвращайся обратно и этого тоже заberi!

Кричала, топала ногой. Рахим, недвижный, держал собаку за поводок. Лица не видно. Но ясно, что смотрит прямо перед собой. Женщина дважды хлестнула его по щекам. Понял, что хлестнула, и даже очень сильно, судя по звуку пощечин. Пока она не обняла его за плечи, он все всматривался в лицо Рахима. Оно, наконец, обозначилось в темноте бледной окаменелостью.

— Пожалуйста, поцелуй меня. Поцелуй сейчас же перед этим чудовищем.

Взглянув на нее, вспомнил о сигарете — наверное, куда-то бросила. Куда? Вокруг нигде не видно.

— Разве ты не хотел поцеловать меня? Так поцелуй, Или, может быть, ты боишься?

Сжала крепче его за плечи, потрясла. Приблизила лицо, закрыла глаза:

— Не бойся, целуй. Этот не сможет ничего сказать. Ни слова.

Он говорил тогда отцу: «Мы друзья, понимаешь, — друзья...» Если бы женщина не притянула его к себе и так жадно не поцеловала бы сначала в щеку, потом в губы! А теперь он уже держал ее в объятиях и целовал в шею. Услышал лай собаки, отпустил. Лай угрожающий и громкий. Лаяла,

уверенная в силе своих челюстей, сильных мышц груди и шеи. Женщина присела перед собакой:

— В чем дело? Ревнуешь, что ли? Он ведь не чужой, уже не чужой.

Наверное, гладила ее по морде. Должно быть, прошла немного вперед. Темно.

— Спокойной ночи. Надеюсь, будете хорошо спать.

Поздно сообразил, что идет в сторону машины. Она шла за ним. Пес лаял коротко и отрывисто.

— Эй, Чужой, ты куда?— спросила женщина.

Теперь чужой, особенно здесь. Но если она заговорила так, то, значит, хотела напомнить о собаке. Через арык не переберешься. Но неважно, что он широкий и полный. Можно добежать и до моста или до переулка. Не смущало присутствие Рахима и то, как он, наверное, смотрел. Когда женщина подошла и обняла его за плечи, заметил собаку. В руке у нее поводок.

— Мне очень нравятся застенчивые люди.

— Поищи кого-нибудь другого.

— Сегодня ночью? Или у тебя нет часов?

— Мне надо заниматься.

Сказал просто так. Экзамен не так уж важен. Он подготавливался. Только хотел еще раз повторить.

— Сможешь позаниматься там тоже. Если хочешь, тебе никто не будет мешать.

— Где?

Взяла его за левый мизинец и указательным пальцем погладила по тыльной стороне ладони.

— Подожди, увидишь. Конечно, если захочешь.

Остановился, выдернул палец. Стояли около фонарного столба. Подняла лицо.

— Рассмотри как следует, чтобы не пожалеть.

У нее были большие глаза, такие большие, такие черные, что незаметны были мелкие морщинки под глазами. Прядь волос падала на лоб.

— Хороща?— спросила.

Взглянул на Рахима, стоявшего за ее спиной со скрещенными руками, пристально глядевшего не на них и не на собаку, а просто вперед — в сторону переулка, который продолжался за мостом и тонул в темноте, и, наверное, на воду, на освещенные кое-где окна домов.

— За сколько, а? Сколько стоит такая, как я, в тех публичных домах Тегерана?— спросила женщина.

— Заткнись, пожалуйста!— сказал громко.

— За одну ночь, а?

Пристально посмотрел ей в лицо. Ноздри дрожали, губы кривились, готовые заплакать.

— Я же сказал, заткнись, пожалуйста,— повторил уже тихо.

Рахим прошел рядом, открыл дверцу машины и вытянул-

ся. Спущенная с поводка собака одним прыжком вскочила на заднее сиденье и теперь гладела через стекло.

— Боишься посмотреть на меня и прямо ответить?

Взглянул на нее. Руки чесались ударить. Если бы не потерял их о шершавую поверхность столба, обязательно ударил бы. Тихо и сквозь зубы прошептал:

— У меня нет, нет ни гроша.

Женщина громко засмеялась. Замахнулась. Не ударила. Только погладила мочку. А потом стала щекотать ему левое ухо.

— Часы, например, у тебя есть? Куртку тоже возьму. В долг тоже можно. Если хочешь, то можно и одолжить. Подходит? В конце концов могу поверить и на слово.

— Прошу тебя, перестань издеваться.

Она взяла его под руку и потянула к машине.

— Нет, тут ты ошибаешься. Сейчас уже поздно. А во-вторых, если отпущу и ты уйдешь, то уверяю тебя — всю жизнь будешь жалеть. К тому же, если захочешь похвастаться перед товарищами, придется все выдумать.

Когда приблизились к машине, остановила его, взглянула в лицо.

— Послушай-ка, а ты не полицейский? Может, тебя завербовали?

Отец предупреждал: «Ты должен быть внимательным. Мой опыт, если никому и не нужен, то тебе-то во всяком случае пригодится. Они убивают лучших, понял? Самых лучших, будущие кадры».

Посмотрела пристально.

— Если даже и так — все равно, — сказала она. — Садись, не бойся: не укусит. Лучше постарайся подружиться с ним, может быть, понадобится еще.

Пес негромко зарычал.

— Пат, ты слышал, господин сказал: «Пожалуйста, заткнись»?

Пес с открытой пастью сдвинулся в угол сиденья и, выгнув спину, повернул морду к нему. Высунул язык, тяжело дыша. Когда она закрыла дверцу, снова рыкнул.

— Старайся не прижиматься ко мне. Видишь, он нервничает.

Когда машина тронулась, взял ее руки, спрятал в своих теплых ладонях.

— Не спеши. У тебя будет время. Пока что постарайся подружиться с Патом. Я же сказала тебе, он может понадобиться.

Пес положил морду на лапы и уставился на него.

— Погладь его по спине, по шерсти. Ну-ка!

Протянул руку, но пес, не шелохнувшись, зарычал.

— Надо погладить ему морду.

Нащупал ее руку и, сжав, спросил:

— Куда этот везет?

— Не волнуйся. Сейчас развернемся.

Доехали до перекрестка, где сходились три улицы. Разворачиваться было трудно. Поцеловал ее в мочку. Она сидела спокойно и неподвижно.

— Сиди прямо. В зеркало смотрит на нас.

Отпрянул. Но тут же, увидев козырек кепки Рахима и его маленькие глазки в зеркале, нагнулся и поцеловал ее в плечо.

— В первый раз, что ли?

— Что?

— Непонятно? Послушай, здесь не школьный класс, где непонятливым два-три раза повторяют.

Откинулся снова. Закрыв глаза, постарался дышать спокойно и не обращать внимания на аромат жасмина, не думать о собаке с открытой пастью и высунутым языком.

— Ты спишь? — спросила она, когда машина остановилась.

Услышал гудок машины и глухое ворчание пса, звук раскрывающихся ворот. Открыл глаза. Железные ворота, кто-то появился в их створках. Толстый и низкорослый. Когда открылись обе створки, заметил на нем передник. Дом был там, в глубине. За соснами и заросшей зеленью беседкой поднимался верхний этаж. Одно окно светилось. Доносился яростный лай. Машина остановилась рядом с беседкой. Когда Рахим открыл дверцу, лес мягко и проворно перепрыгнул через его ноги, выскочил наружу. В свете фонаря на другой стороне бассейна увидел Пати, короткими прыжками подбежавшую к женщине. Поднялась на задние лапы, передние положила ей на плечи. Лизнула хозяйку в подбородок.

— И долго ты собираешься там сидеть? — бросила ему.

И пошла. Обе собаки вертелись вокруг нее, забегали вперед и возвращались. Мрачное лицо Рахима. Не стал задерживать на нем взгляд. Проходя мимо, почувствовал, как сзади его потянули за пиджак. Рахим так же холодно и молча стоял с опущенными вдоль тела руками, уставившись куда-то поверх его плеча.

— Что хочешь сказать?

— Я же говорила, он не слышит.

Ее голос. Она на веранде, собаки с двух сторон лежали на полу, лизали ее туфли и виляли хвостами. Окно комнаты рядом с дверью, слева от фонаря, освещено. Заметил чье-то лицо за занавеской — толстое, красное, с плоским носом, расплюснутым на стекле. Взглянул еще раз — лица уже не увидел. Рахим по-прежнему смотрел в одну точку. Направляясь к веранде, услышал музыку. Кажется, из окна верхнего этажа. Справа от веранды в открытом окне кольхались занавески. Слева маленький бассейн. Тени двух сосен дрожали на воде.

— Позволь взять тебя под руку, — сказала женщина.

Взяла. Зажгла свет в коридоре. Открыла дверь из про-

волоочной сетки. Пат и Пати вбежали внутрь. Женщина осталась у двери.

— Нет, нет. Здесь вам не место. Сегодня ночью — нет.

Со стены в коридоре сняла маленькую резиновую плетку и ударила по стене. Музыка гремела — будто специально, чтобы заглушить команду для собак. Поняли и, опустив уши, тихо поскуливая, прошли мимо нее на веранду. Женщина закричала:

— Would you please shut that noise up! ¹

Музыка стала тише, потом совсем умолкла. Женщина бросилась на диван.

— Он меня замучил.

— Кто?

— Увидишь.

Потом добавила:

— Что будешь пить?

— Все равно.

— Нет, сегодня не должно быть все равно, и никаких церемоний, ладно? Сначала куда-нибудь присядь. Если хочешь, иди сюда, ко мне.

Плеткой указала рядом с собой. Сел. Тетрадь оттопыривала карман. Хорошо бы куда-нибудь переложить. На столе ваза с гвоздиками на длинных стеблях — еще свежие, но без запаха. Может быть, аромат жасмина заглушал их запах. По обе стороны от вазы — две пепельницы. Одна из них полна до половины выкуренных сигарет. На противоположной стене — несколько полок. Некоторые наполовину заставлены иностранными книгами, одна — журналами, сложенными в беспорядке. Откуда-то доносилось тиканье настенных часов. Женщина положила голову ему на плечо:

— Пообещай: сегодня ночью ты будешь со мной откровенным, искренним, простым и ласковым.

Приблизил голову к ее голове, прижался.

— Нет, пообещай: что бы ни произошло — не будешь со мной лукавить, не оставишь меня одну.

Дверь коридора открылась. Девушка-прислуга, с румяны щеками и приплюснутым носом, подвязанная фартуком.

— Что прикажете, ханум?

— Ясно что, дорогая. Сначала принеси мне виски.

— А тебе, Патти, что? — прошептала ему на ухо. — С содовой или чистое?

— Я буду пить водку. Неважно какую, только со льдом.

Сказал громко, чтобы служанка, которая уже была за дверью, услышала.

— А я не люблю ее запах. Каждый раз, когда я чувствую ее запах, вспоминаются ночные пьяницы, которых тошнит на тротуаре.

Стал теревить ее волосы, рассыпанные на груди. Волосы

¹ Будь любезен, заткнись! (англ.)

черные, такие черные, что казалось, крашенные. Около лба несколько сероватых прядей.

— Обними меня, пожалуйста, — сказала она, когда слышались шаги.

Шаги доносились с лестницы. Шаги твердые и тяжелые, но неровные.

— Не надо пугаться, — сказала женщина, продолжая держать голову на его плече. — Ведь никого нет. К тому же Джонни безобиден. Если перед ним твердый человек, он будет покорным, как овца.

Закрутил вокруг пальца черные гладкие волосы, прислушиваясь к шагам, которые теперь казались глухими, неуверенными. Из-под опущенных ресниц увидел полуобнаженную фигуру Джонни. В плавках, как будто только что вылез из бассейна. Грудь, руки, бедра в мелких рыжих завитках, или, может быть, в свете люстры они казались рыжими. Рыжие длинные волосы свисали до плеч. Лицо красное, опухшее. В одной руке держал бутылку. В другой — рюмку на тонкой ножке. Остановился рядом.

— Johnny, this is Patty, my patty, please be kind to him,¹ — сказала женщина.

Потом ему на ухо:

— Протяни ему руку, не бойся. Джонни совершенно безобидный.

Пока приподнимался, Джонни поставил бутылку на стол и тяжело похлопал его по плечу.

— Hey, Patty, are you over twenty one?²

— Он спрашивает, тебе уже есть двадцать один или нет? — шепнула ему на ухо. — Скажи, что есть, скажи, что больше. Дурак, он еще не знает, что наши мальчишки уже в пятнадцать лет совершеннолетние. Английский-то понимаешь?

— Немножко.

— Ну хорошо, ответь ему, чтобы проваливал спать. По-персидски можешь с ним говорить. Он хорошо знает его, но всегда настаивает на английском.

— Have a sip, boy,³ — сказал Джонни.

— Он говорит: мальчик, выпей глоток. Видишь, не понимает, что ты уже и по закону совершеннолетний.

Джонни плеснул немного на дно рюмки. Глазки маленькие, переносица разбита. Не успел протянуть руку, как раздался над ухом возглас женщины:

— Что такое? Ты опять взял мои бутылки?

Джонни продолжал смиренно стоять перед ним, протягивая рюмку.

¹ — Джонни, это — Патти; мой милый, будь ласков с ним, пожалуйста.

² — Эй, Патти, тебе уже есть двадцать один?

³ — Глотни, малыш.

— Come on, boy, drink, there is nothing to be afraid of, ¹ — улыбнулся он.

— Ответь мне, дурак, — женщина с плеткой в руке поднялась, топнув ногой.

Джонни глядел на него, а не на женщину. Но по складкам между бровями и по полузакрытым векам было ясно, что он боится ее.

— What is the matter, Ducky? ² — спросил, не поднимая век.

— Мать твоя — утка. Уличная проститутка, которая сейчас в Солсбери валит на себя чернокожих.

— Do you speak English, my boy? ³ — спросил Джонни. Вопрос был к нему. Кивнул головой.

— She knows quit well, that my mother is dead. ⁴

— Хорошо, я знаю, — закричала она. — Но спроси, отчего она умерла? Ладно, спроси по-английски?

Джонни сел напротив на стул. В правой руке рюмка, налитая до половины.

— Если сейчас же не встанешь и не уберешься вон, я ему расскажу, все расскажу, — закричала женщина.

Она выговаривала слова четко и отрывисто, как будто говорила по-английски. Или старалась, чтобы Джонни все точно понял. Джонни поднес бокал ко рту:

— Cheers! ⁵

— Я сказала, что расскажу, — закричала женщина. — Историю того негра тоже расскажу. И вырезки из газет принесу. Ты же знаешь, мне известно, где они лежат.

— Знаешь, утром нашли старуху пятидесяти с чем-то лет в его постели, совсем голую, — тихо заговорила она, обращаясь теперь к нему.

— She is now dead honey, dead, ⁶ — сказал Джонни и, сделав глоток, кивнул ему, добавил:

— Cheers!

Женщина нагнулась, ударила плеткой по столу:

— Заткнись, идиот, какое еще здоровье?

Швырнула плетку на стол, улеглась на диван, голову положила ему на колени.

— Погладь мне волосы, не бойся, погладь.

Взяла его руку и положила себе на шею. Горячая, белая и, конечно же, длинная. Смотрел на склонившегося над бокалом Джонни, широкоплечего, лохматого. Служанка придвинула поближе столик на колесиках.

¹ — Ну, давай, малыш, выпей, здесь нечего бояться.

² — В чем дело, Уточка?

³ — Ты говоришь по-английски, мой мальчик?

⁴ — Она прекрасно знает, что моя мать умерла.

⁵ — Будем здоровы!

⁶ — Она мертва, мой мальчик, мертва.

— Я сама тебе налью.

— Я же сказал, что буду пить водку.

Пока она накладывала лед в два бокала, заметил бутылку смирновской.

— Разбавить водку? — спросила она.

— Нет, только со льдом.

Было не горько, не настолько горько, чтобы на глаза навернулись слезы. Отец когда-то показывал: «Стакан подносишь к губам и сразу опрокидываешь, одним махом. Смотри, вот так...»

Женщина налила себе виски.

— Знаешь, нашла его в одном из этих баров. Сидел в углу и, как свинья, гушил виски. Решила, подойдет. Знает здесь все лучше, чем я. К тому же, когда такой рост и такая фигура, никто больше не решится бросить на меня косой взгляд.

— Please, don't ¹, — процедил Джонни сквозь зубы.

— Как-то вечером в отеле он стал умолять меня: «Перекрась свои волосы в рыжий цвет. Я хочу познакомить тебя с матерью». Я ему: «Нет, не перекрашу. Чтоб тебе провалиться с твоими неграми». Сказал: «Они не поверят, что ты белая». Ответила: «В таком случае проваливай». И приказала, чтобы его выгнали. Но потом, когда вышла, увидела, как он стоит перед дверью отеля весь мокрый.

— Please, don't, — повторил Джонни.

— Куда бы я ни заходила, он тащился за мной. Что было делать с ним? Ну, отдала ему все свои покупки, чтобы нес. Разрешила поймать для меня такси. Но его в мокрой одежде нельзя было сажать. К тому же, подумала, если брошу его там же — может быть, отстанет. Но он не растерялся. вечером позвонил.

— Find something else to talk about, please. ²

— Он не хочет, чтобы я рассказала, чем все кончилось. Знаешь, когда позволила ему прийти ко мне, он привел и свою мать.

Засмеялась громко, правой рукой похлопала его по ноге.

— Это надо было видеть. Ростом ему до половины. Лицо как у мышки. В очках. Конопатая. Юбка до полу, седые волосы в пучке.

Еще громче засмеялась, даже оставшиеся льдинки в ее пустой рюмке задрожали.

— Why do you always have to tell such lies? ³ — сказал Джонни.

— А знаешь, что было потом? Познакомил меня с матерью и сказал: «Как только приедем в Иран, поженимся».

— I didn't, ⁴ — сказал Джонни.

¹ — Пожалуйста, не надо.

² — Поговори, пожалуйста, о чем-нибудь другом.

³ — Почему у тебя в запасе всегда столько вранья?

⁴ — Нет, я не говорил.

— Представляешь, он это сказал. Даже пояснил: «Поверь, мама, она не мулатка — иранка. Арийская раса. Из потомков Каджарской династии». Достал из портфеля карту и показал ей Иран. Оба водили носами по карте. Мать все время обращалась и через толстые стекла разглядывала меня. Тогда я заявила: «Нет, это не так». По-английски заявила. Старуха услышала в моих словах, что я не из династии Каджаров и не арийского происхождения, что не из тех мест, которые были под протекторатом Советской России, не с лазурных берегов Персидского залива. Посмотрела на меня, оглядела с ног до головы. Когда я закричала: «Да провалитесь вы все, белые», — она двумя пальцами подхватила юбку, подняла ее, как будто хотела переступить через вонючие трупы всех чернокожих, и на цыпочках, на цыпочках двинулась к двери. Джонни шел за ней и, наклонившись, орал ей в ухо: «Поверь, это так. Шутит. Это так и есть». Я сказала... Не помню, что сказала. Но хотела сказать: «Кто заявил, что мы собираемся пожениться?» Но физиономии этих двоих были такие смешные, а я так разозлилась, что не могла ничего точно сказать, не могла вспомнить слова. Джонни умолял меня: «Скажи, что ты из Каджарской династии, прошу тебя, скажи, что ты арийка». Потом кидался к этой очкастой мыши и твердил: «Посмотри, сама посмотри, глаза-то у тебя есть, какая же она мулатка?» А я все время хохотала. Меня разбирал смех из-за его огромной неуклюжей фигуры, когда он, наклонившись, поцеловал руку матери. И повторял ей: «Не цветная, мама, поверь». В конце концов мать спросила меня: «Пожалуйста, скажите — мне остаться здесь или нет?» А я ей: «Ваше место в сортире». «В сортире» я произнесла по-персидски. Та не поняла. Спросила у Джонни, а Джонни тоже не понял. До сих пор не понимает.

Обратилась к Джонни насмешливо и надменно, словно не она рассказывает эту историю:

— What does it mean, Johnny? ¹

Голова Джонни была опущена. Она налила себе. Его пустую рюмку тоже наполнила, продолжила:

— Потом вдруг увидела, что Джонни плачет...

— I didn't, ² — возразил резко Джонни.

— Матери твердил: «Поверь, шутит, большая шутница». Я вижу, дело принимает неприятный оборот. Подошла, взяла старуху за руки. Сказала, что я Каджарского рода и дед мой со стороны отца был шахом, и только хотела сказать, что я не собираюсь выходить замуж за ее дылда, как старуха вскочила, поцеловала меня и стала поздравлять Джонни своим визгливым голосом. Я стояла, оторопев, в этом гостиничном номере, а эти двое, взявшись за руки, несли какую-то чушь про Исфакан и что-то про тысячу и одну ночь. Я точно не

¹ — Что это значит, Джонни?

² — Нет.

понимала. По правде сказать, меня разбирал смех. Как же мог этот верзила и медведь помещаться в животе этой полувершковой старухи. А потом они начали танцевать. Надо было это видеть. Танцевали вальс и что-то пели. А когда я пришла в себя, старуха уже исчезла. Поцеловала меня в лоб и пошла сообщать другим. А я все, что накопилось во мне, обрушила на голову этого верзилы. Я дала ему две такие пощечины, что до сих пор болит кисть. И знаешь, что он сделал? Не поверишь, — вот так стоял напротив меня и плакал.

— I dind't, — сказал Джонни.

— Ты диднт, да? Кто же тогда держал меня за руку и целовал? Целовал много раз. Но я совсем ничего не хотела. А когда поняла, что не смогу с ним справиться, позвонила, чтобы пришли слуги и выбросили его вон.

— Повтори ему, что я тебе тогда сказал, — спокойно сказал Джонни.

— Видишь, — засмеялась женщина, — видишь, я же говорила, что он говорит по-персидски. Притворщик, не прошло и года, как выучил.

— Пожалуйста, скажи, что я тебе тогда сказал, — повторил Джонни.

— Когда?

— В то время, в тот момент, когда я взял тебя за руки и поцеловал.

— Не помню, совсем не помню. — Пей свою водку, — толкнула она его локтем в бок.

— Я ей сказал: «Люблю тебя. Поверь. Иначе вот этими руками задушил бы тебя».

— Ты? — удивилась женщина.

— И задушил бы, честное слово. Я задушил бы ее.

— Так что ж не задушил? — сказала женщина. — Почему же, когда те два верзилы схватили тебя под руки и пинком под зад выбросили вон, ты так позорно сдался?

— Ты спроси ее, — сказал Джонни, — что было у меня с рукой. Это-то, вероятно, она помнит.

— Пальцы и правое запястье были забинтованы просто так, — засмеялась женщина.

— Пей свою водку, — снова сказала она ему. — Хочешь, сам налей. Эй, Фатьма, — закричала, — куда ты запропастилась?

— Скажи ему, почему, — обратился Джонни к ней.

— Shut up! ¹ — крикнула она и схватила плетку.

— Скажи, пожалуйста, скажи, — продолжал твердить Джонни.

— God damn you, J said shut up! ²

И хлестнула плеткой. Попала по левой руке. Яркий косой

¹ — Заткнись!

² — Черт побери, я сказала, заткнись!

след, оставшийся на локте Джонни, на глазах становился сизым.

Фатьма появилась на пороге.

— Принеси на двоих, — скомандовала женщина, — этот, если захочет, пусть ест на кухне.

— Я не голодный, — сказал Джонни.

— Голодный, видно, что голодный, — возразила она. — Жрет, как свинья, — сказала, обращаясь к нему. — Только и умеет жрать да переводить мое виски.

— I had a good job there¹ — сказал Джонни, тоже обращаясь к нему.

— Ничего подобного — он был бродягой.

— I had², — крикнул Джонни.

— Нет, — повторила она.

И хлестнула снова плеткой. Удар предназначался Джонни, но пришлось по столу, по стеблю надломившейся и упавшей гвоздики.

Она легла, положив голову на ручку кресла, теплой живой тяжестью тела надавив на его колени. Закрывает глаза. Прядь волос сбилась на лоб, накрыв тенью левый глаз.

— Мне светило будущее, — сказал Джонни.

— Пожалуйста, заткнись сейчас же, — медленно и четко произнесла она.

— Бить надо было.

Она протянула руки, обхватила его за шею и потянула к себе.

— Поцелуй меня.

— Так сильно врезал по столбу в отеле, что повредил запястье, — выцедил Джонни.

— Не бойся, поцелуй, — сказала она. — Он пьян. Не понимает, что болтает. С обеда пьет.

— Не надо было сомневаться, — сказал Джонни.

— Он хотел покончить с собой, но испугался, — громко в ухо ему сказала она. — Знаешь, мать позвонила, сказала, что не может найти пистолет мужа, думает, что Джонни взял. Боится, если позвонит в полицию и они приедут, Джонни непременно застрелится. Я ответила: «Ну и черт с ним». Старуха заплакала. Мне пришлось отключить телефон, чтобы хоть заснуть.

— А про пачку чеков тоже расскажи, — сказал Джонни.

— Не болтай вздор, — ответила она.

— Я хотел сначала тебя убить, потом себя.

— Поцелуй, поцелуй, пожалуйста. Не убирай голову, а то мне неудобно.

— Именно для этого и приходил я тогда в твою комнату, — сказал Джонни.

— Знаешь, когда вернулась с покупками, — не помню

¹ — У меня там была хорошая работа.

² — Была.

откуда, — сквозь смех заговорила она, — вижу, сидит у меня на постели. Спрашиваю: «Ты что тут делаешь? Хочешь, чтобы опять позвонила и тебя выбросили вон?»

— Не говорила, — сказал Джонни.

— Вижу, в его руке пистолет, и позвонила.

— Не звонила.

— Звонила... А что бы ты хотел, чтобы я сделала? — закричала, встала. — Оставить у себя в комнате... Это я-то? Опершись на его плечо, села.

— Опять разозлила меня. Всегда она заводит об этом разговор, чтобы разозлить меня. Знаешь, не думай, что она такая простая, она очень хитрая. В ту же ночь я понял — ловчит. Но я по простоте своей сказал...

— Приставил пистолет к виску и продолжал смотреть на меня.

— I didn't cheat you. ¹

— «Вставай и уходи, здесь место не для самоубийства», — сказала я.

— You didn't², — ответил Джонни.

— I did³, — сказала женщина.

— Умоляла, говорила, что любит меня, что хотела только проверить меня.

— I didn't⁴, — сказала она.

— Заплакала, целовала мне руку. Забыла? Ты всегда забываешь.

— I kicked you out⁵, — сказала она.

— Не выставляла, говорила: «Люблю тебя, честное слово, люблю».

— Be quiete, please⁶, — сказала она.

— Плакала, — повторил Джонни.

— Shut up, please⁷.

— You kissed me⁸, — сказал Джонни, добавил по-персидски: — Поцеловала мне руку. Говорила: «Если не веришь, пойдем в церковь, прямо сейчас поженимся».

— Брешет как собака, — закричала она. — Говорил: «Если не выйдешь за меня замуж, убью тебя, а потом покончу с собой».

— Ты врал, — сказала она, обратившись к Джонни. — Я еще тогда поняла, что врал.

— Она вынула пачку чеков и сказала: «Сколько хочешь, бери».

1 — Я не обманывал тебя.

2 — Ты не говорила.

3 — Я говорила.

4 — Я не говорила.

5 — Я выставила тебя вон.

6 — Успокойся, пожалуйста.

7 — Заткнись, пожалуйста.

8 — Ты целовала меня.

— Ты меня обманул,— сказала она.

— Даже платье сняла, голая-преголая, твердила: «Я твоя». Представляешь? «Я твоя столько, сколько хочешь. Только брось пистолет».

— Я правда испугалась,— возразила она.— Своими здоровенными руками держал меня за руки, тряс, приговаривал: «Если еще хоть один раз скажешь, что не любишь меня, убью. Сначала тебя, а потом себя».

— Это я сказал потом, когда она легла со мной.

— Shut up, I didn't! ¹ — закричала она.

— Легла, поверь мне.

Фатъма накрывала на стол. Не заметил, когда появилась.

Сейчас накрывала на стол. Руки ее дрожали. В дверях с шапкой в руке стоял Рахим. Удивленно глядел куда-то — не на женщину и не на него, и даже не на Джонни, склонившегося над пустым стаканом в руке.

— Что ты тут делаешь?— спросила она.

Фатъма обернулась, руки сунула в карманы фартука:

— Рахим спрашивает, можно ли привязать собак.

— Зачем?— громко спросила.

— А входная дверь?— спросила Фатъма.

— Конечно, запирайте, разве не видите, что он пьян вусмерть,— указала на Джонни.

— I don't go anywhere ²,— заявил тот.

— Он уходит, когда напивается,— тихо объяснила ему женщина.— Уходит и приводит какую-нибудь уличную проститутку. Когда я сплю, заводит в свою комнату.

— Врет!— закричал Джонни.

— Только проститутки ему нравятся, поверь,— засмеялась она.— И чем безобразней, тем лучше. Кладет голову им на колени, чтобы они гладили ему волосы. Гладили и разговаривали с ним. Платит им, чтобы плясали перед ним. Поливает их водкой, наливает им даже в туфли и вылизывает их.

— Каждый раз вранье. Каждый раз все новая ложь.

Фатъма стояла рядом с Рахимом. Шарила в его карманах.

— Куда его спрятал опять?— спросила.

— Отдай ключ ей, Рахим,— приказала женщина.— У него в кармане брюк.

— Я нашла, ханум,— ответила Фатъма.

— Когда запрешь дверь, ключ ему не отдавай. Пусть будет у тебя. А не то после полуночи они с этим верзилой отправятся искать шлюх.

— Я не пьяный,— сказал Джонни.

Она держала его правую руку и пожимала.

— Сначала он их спаивает, а потом привязывает за руки и за ноги.

Джонни грохнул стаканом по столу:

¹ — Заткнись, не было этого.

² — Я никуда не пойду.

— Я ненавижу шлюх!

На лице его выступила гримаса боли. Плечи не дрожали, но что-то происходило с нахмуренными бровями и мелкими морщинками у глаз. Сжал зубы и кулаки, стараясь сдерживать рыдания.

— Не волнуйся, с ним ничего страшного.

Дышал сквозь сжатые зубы, шумно и прерывисто. На глазах выступили слезы, крупная дрожь охватила плечи. Вытянутые вперед руки что-то искали.

— Таким играм он недавно научился.

Резко вздохнул, опустил голову и, подавшись вперед, не успев схватиться за скатерть, всем телом ружнул на пол между столом и креслом.

По тому, как заходила бутылка на столе, понял, что это не Джонни — это его ноги дергаются. Нет, здесь ему нечего делать. Что-то подобное призыву, какое-то слово, услышанное некогда от учителя, заставило его подняться. Только он приподнялся, как она схватила его за руку:

— Не обманывайся. Это он разыгрывает.

Бутылка упала. Встал. Ее руки все еще держали его, тоже дрожали. Выдернул свою руку. Вдруг подумал, что Джонни, кажется, не дышит.

Тот лежал на боку между столом и креслом. Ноги поджаты к груди, руки прижаты к сердцу.

— Большой дурак.

Ее голос откуда-то из глубины. Понял, что она поднимается по ступенькам. И если он замешкается и станет прислушиваться к ее шагам, будет слишком поздно. Пошарил у себя в карманах — ключ от его комнаты на месте.

Зубы Джонни были стиснуты, правая рука что-то хватала в воздухе. Повернул его на спину, прижал ухо к волосатой груди, стараясь уловить стук сердца. Не уловил. Пластинка, звучавшая выше этажом, мешала. Та же пластинка, которую он слышал, когда входил. В воздухе стояло что-то похожее на запах заплесневелого сыра. Слишком поздно — нельзя уже просто повернуться и уйти. Прижал рот ко рту Джонни и выдохнул воздух из легких. Согнутые ноги мешали. Рукой разогнул ему колени, взял за подбородок, поднял лицо и снова вдул в него воздух, стараясь не обращать внимания ни на запах алкоголя, ни на отвратительный звук пластинки. Выпрямил его ноги на ковре, повторил все снова. Старательно, не спеша, с каждым выдохом нажимал на грудь. Дыхание Джонни вырвалось вместе с каким-то непонятым словом. Надо бы еще пару минут продолжать. Не стал. Только плечом двинул стол в сторону. Стол на маленьких ножках качнулся, но не упал. Теперь можно рассмотреть лицо Джонни — морщины разгладились, грудная клетка сначала прерывисто, а потом все более ритмично поднималась и опускалась. Руки в поисках чего-то хватались за ковер. Помог

подняться. Понимал, что один он не сможет усадить гиганта в кресло.

— Я не люблю шлюх,— произнес Джонни.

— Знаю.

— Если бы я не попал сюда, сейчас мои дела были бы о'кей.

Не ответил. Помог добраться до кресла. Посмотрел на мясистые розовые бедра и волосатые икры Джонни. Раздвинутые ноги заполнили все пространство перед креслом. Грудь дышала спокойно.

— Убью ее в конце концов, как-нибудь ночью убью.

Не глядя, правой рукой стал шарить по столу. Бутылка валялась внизу. На ковре осталось только маленькое пятнышко.

— Будьте любезны, наполните мой бокал.

Надо ответить: «Вам вредно». Не сказал. Подвинул стол на место. На сервировочном столике было виски. Сначала налил бокал Джонни, положил лед. Себе налил водки, тоже со льдом.

— Прошу вас, сядьте здесь — сказал Джонни, указав на стул перед собой.

— Здесь лучше,— ответил, присаживаясь на диван.

— Вы очень молоды,— сказал Джонни.

Понял, на что намекает. И чтобы спрятать лицо от маленьких, глядящих в упор глаз Джонни, сделал глоток. Бокал продолжал держать около рта.

— За здоровье,— сказал Джонни.

Не ответил. Джонни сказал:

— За ваше.

Чтобы не отвечать, сделал еще глоток. Сквозь стекло бокала маленькие глазки Джонни казались еще меньше, как будто их вообще не было. Все лицо стало одним носом, еще более бесформенным и огромным. Таким, что хотелось врезать кулаком. Волосы прямые, растрепанные. Уши оттопырены.

— I was a poet. She spoiled my career.¹

Только взглянул на него сквозь бокал. Глазки словно сдвинулись, а нос слился с потрескавшимися губами.

— Вы должны их посмотреть. Они еще сохранились. Вот там, можете взглянуть,— сказал Джонни, кивая на нижние ящики книжных шкафов.

Четыре или пять ящиков, все закрытые.

— Ключ рядом с журналами.

Лежал на журналах.

— Еще один в сундучке,— сказал Джонни.

Внутри ящика был маленький сафьяновый сундучок.

Портфель — черный и пузатый.

— Я сам открою.

¹ — Я был поэт. Она загубила мой талант.

Поставил портфель на колени, открыл. Внутри оказалась пачка тетрадей, бумаг и журналов. Взял верхнюю тетрадь, стал листать так, что, казалось, порвет ее. Читал про себя или только просматривал.

— Вам налить?— спросил он Джонни.

В ответ молчание, но явно не откажется. Себе тоже налил. Фатъма накрывала на стол. Она или все это время находилась здесь, или, по обыкновению, тихо и незаметно вошла.

— Ты снова сел на своего любимого конька?

Ее голос. Со стороны лестницы.

Руки Джонни вздрогнули, и по той спешке, с какой он начал пихать бумаги обратно, понял, что Джонни видит ее.

— И, конечно, сообщил ему, что я испортила тебе жизнь?

«Молния» портфеля застряла, и уголки нескольких листов остались снаружи. Руки Джонни продолжали дрожать.

Почувствовал дыхание женщины, стоящей за спиной. Потом — тяжесть ее тела на своих плечах.

— Попроси почитать тебе хотя бы одно,— громко сказала над ухом.

— Я собирался читать.

— Так я помешала? Дала повод покапризничать?

— Не начинай снова.

— А если я уйду, как?

Джонни закрыл «молнию», прислонил портфель к ручке кресла.

— На английском. Ведь ты понимаешь?

— Всегда только показывает,— сказала она.

— На английском,— сказал Джонни.

— Видишь?— хлопнула она его по плечу.— Если и начнет читать, как в тот вечер... Знаешь, у нас было несколько иностранных гостей, не помню, как их звали. Один из них был выпускником Кембриджского университета.

— Don't, please¹.

— Бойся.

— Не боюсь.

— Почему же не даешь рассказать?

— Иди в бассейн, прошу тебя. А потом мы придем.

— Видишь, дорогой,— сказала женщина ему на ухо и громко, обращаясь к Джонни:

— Нет, сначала я должна рассказать тот вечер.

Женщина обошла диван и села в кресло справа от Джонни. Она была в купальнике. Чтобы не видеть ее стройные ноги, он смотрел на Джонни, на бокал в подрагивающей руке. Льдинки бились о стекло и предательски звенели.

— Сначала разыграл эту сцену с обмороком. Ведь играл — не помню в какой университетской пьеске. Свою роль

¹ — Не надо, пожалуйста.

исполняет превосходно, во всяком случае, эту роль. Видишь, даже тебя обманул. Пока я ходила туда и обратно, смотрю — он листает бумажки. Думаю, дам ему возможность хоть раз почитать, и остановилась там, на лестнице.

— Ты же видела, что я читал.

— А потом что было, рассказывай же.

— Хвалили, ведь знаешь.

— А что им оставалось делать, к тому же я стояла там, наверху. Англичане ведь вежливые, внешне приветливые. Они вообще пожалели тебя, но потом, когда ты обнаглед и снова стал читать, — ведь помнишь?

— А ты сама — что?

— Садился напротив меня и читал мне, — она громко засмеялась. — Вот это же самое или нет, не знаю. Быстро, быстро, со своим йоханнесбургским акцентом. А я не понимала. Знала лишь, что речь идет о принцессе в длинном голубом платье. Сам говорил, что это я.

— А как же в ту ночь, в парке? — спросил Джонни.

— Вранье, сплошное вранье, — встала она.

— Мы сидели в парке, — сказал Джонни, обращаясь к нему. — Сама попросила почитать ей. У меня оно еще осталось. Какое-то мгновение пристально смотрел на бокал, а потом выпил.

— Сейчас уже не помню.

— Видишь, я же говорила, что врет.

— Ей оно понравилось, даже сказала, что мой рот можно наполнить золотом, как в той легенде о шахе, наполнившем драгоценностями рот поэта.

Она присела, подогнув обнаженные ноги, прихлопывая руками и посмеиваясь:

— Шах задушил его. Представляешь, столько драгоценностей насыпал поэту в рот, что тот задохнулся. Расскажи ему. Ты расскажи.

— Целовала, руки мне целовала, — сказал Джонни.

— У меня ничего не было, было только пять монет.

С бутылкой и бокалом в руках пошла в сторону коридора. Джонни подогнул ноги, крест-накрест обхватив их руками, голову вжал в плечи. Стал меньше. Подумал, если сейчас не заговорить, то Джонни так и застынет. Пригубил водку. Горечи не чувствовалось, уже не чувствовалось. Часы пробили в коридоре или в прихожей.

— Почитайте, пожалуйста, если хотите.

Две слезы, катившиеся по щекам, упали в рыжую гущу на груди.

— Зачем?

— Знаю, что не пойму, но вы ведь можете перевести, объяснить.

Распрямылся на диване, расставив ноги.

— Не то впечатление. Стихи в переводе всегда производят не то впечатление.

— Разрешите, я сам читаю. Там, где не пойму, спрошу.

— Нет, спасибо. Некоторые вещи интимные. Невозможно разъяснить.

Понимал, читать не станет. Пока она где-то поблизости, не станет читать. Но приходилось настаивать:

— Но ведь поэт может публиковать свои интимные вещи.

— Сейчас как раз тот момент, когда он пожалеет тебя, понимаешь, Джонни?

Ее голос, наверное, из коридора. Стоит в проеме двери, наливая себе рюмку.

Чтобы не видеть ни ее, ни Джонни, пристально глядевшего на него, поднял свой бокал:

— За здоровье.

— За здоровье.

Джонни продолжал глядеть на него, рукой пытаясь найти свой бокал. Пустой бокал был на столе.

— Лучше пойдемте поплаваем, — сказал Джонни, — если хотите. Одежду можете оставить здесь. Около бассейна есть полотенце и все, что нужно.

Если бы Джонни не глядел так на него, можно было бы спокойно раздеться. Снять пиджак легко. Шнурки, даже если они в тугом узле, займут не более одной-двух минут. Все еще стоял. Сначала расстегнул пуговицы на рубашке. Снял.

— Не бойтесь, здесь никого нет.

Джонни снял даже плавки и удивленно смотрел на него, как будто ждал, чтобы двинуться вместе: рука в руке, плечо к плечу. Или призывал сразиться? Принудил себя пристально взглянуть Джонни в глаза. Тот направился к двери. Но и без Джонни не мог раздеться догола. Была бы комната поменьше — смог бы. Или снаружи, под соснами.

Закрыв за собой дверь из коридора, вышел в парк. Женщину не увидел. В воде плескался Джонни. Прошелся вдоль бассейна и стал, положив руку на перила лестницы в углу бассейна.

— Есть плавки, если хочешь.

Джонни указал на край бассейна. Женщина сидела в кресле за границей светового круга от лампы, на голове сетка для волос. А на свету столик с бутылкой виски и двумя бокалами.

— Будешь пить?

— Нет, спасибо.

Взял плавки. В беседе было темно.

— Там собаки, обе. Будь осторожен.

Стоял в нерешительности, в плавках. Чтобы не подумали, что испугался или не может решиться, — прыгнул в бассейн. Вода холодная, чистая. Лег на спину. Увидел луну. Не думал, что эта ночь может быть лунной. Полнолуние. На светлом небе разглядел Большую Медведицу. Сосны и две чинары загораживали созвездие, но верхушки деревьев покачивались.

— Дорогая, луна сегодня недурна.

Это Джонни. Около столика наливал себе виски. Сказал нарочито громко, чтобы ему в воде тоже было слышно.

— Нравится?— спросила женщина.

— Так, ничего, но, думаю, немножко худой, ноги, например.

— Будь уверен, если он тоже побудет несколько лет на моих харчах, станет толще тебя.

— А что потом?

— Потом?

Нырнул и поплыл под водой.

Вышел на противоположном краю бассейна. Лег под тенью сосны. Собаки здесь, поблизости. Понял по их повизгиванию. Где-то на середине аллеи, ведущей к веранде. Рахим держал их за ошейники, изогнулся, стараясь удерживать. Он не шевельнулся. Куда еще можно укрыться? Луна высвечивала все вокруг, и тень была спасением.

— Разрешить?

Она с бокалом в руке. Рукоятку плетки закинула на плечо. Отодвинулся, чтобы руки и ноги их не соприкасались, если она захочет прилечь рядом.

— О чем думаешь?

— Завтра экзамен.

Поправила волосы на лбу:

— Ах ты, мой маленький, какой экзамен?

— По анатомированию.

— Так ты доктор?

И громко крикнула:

— Джонни, знаешь, он доктор. Может быть, он поймет, почему у нас нет детей?

— Все знают, что дело в тебе. Ты не можешь.

— Ты уверен?

— Уверен.

— Почему же не соглашаешься показаться специалисту?

Засмеялась. Села рядом, погладила по подбородку.

— Поверь,— тихо сказала она,— это его вина. В нашей семье такого не было. У моей матери девять детей, один здоровее другого. А этот верзила, несмотря на то, что...

И крикнула:

— Джонни, сколько лет я имею тебя?

— Пожалуйста, не начинай снова.

По всплеску воды понял, что тот прыгнул в бассейн.

— Видишь,— сказала она,— боится, что будем говорить о нем.

— Вы все бесплодные,— закричал Джонни из воды.— Все стали бесплодными. Врачи тоже тебе об этом говорили.

Она швырнула в его сторону бокал:

— Я бесплодная?! Толстопузый верзила.

— Сама знаешь, что это так.

Она поднялась. Джонни лежал в воде на спине и прерывисто дышал. Держался в середине бассейна.

— Я тебе покажу, кто бесплодный, сегодня же ночью.

— Я уверен, что это так. Я ничего не боюсь.

Поплыл в противоположную сторону. Она побежала. Прежде, чем рука Джонни коснулась края бассейна, настигла его. Свистнула плетка. Судя по звуку — промахнулась. Джонни снова оказался в середине бассейна:

— Как ни проверяй, будь уверена, ничего не получится. Это предел. Кстати, дорогая, напomini мне это выражение, как по-персидски тебя называют?

Кружился на месте, незаметно приближаясь к нему, лежавшему на краю.

— Не скажешь «нет»?

Она подходила к этому же краю:

— Сейчас, дорогой, не урок персидского языка, видишь ведь.

— Ага, вспомнил — «слепой очаг». Да, у тебя слепой очаг. У всех у вас слепой очаг. Это уже предел.

Она размахнулась и хлестнула. Удар пришелся по плечу. Он не успел перевернуться на спину.

— Послушай, юноша, моя учительница ходила даже к предсказателям и хиромантам. Одного из них ночью даже привела домой.

И обращаясь к ней, добавил:

— Помнишь, дорогая?

— Нет, не помню. Ну ладно, если ты помнишь, расскажи ему.

Джонни дышал все тяжелее. Женщина стояла на углу с другой стороны бассейна. Плетка в руке.

— А ту ночь, в покойницкой? Этого ты тоже не помнишь?

— Конечно, помню, но ты лучше рассказываешь. К тому же можешь продемонстрировать, как продвинулся в персидском.

Джонни поплыл к ступенькам. Когда она подошла, повернул обратно.

— Знаешь, однажды вечером заставила меня повести ее на кладбище, в покойницкую. Так боялась, так боялась, что говорю ей: «Давай вернемся». Ответила: «Нет, это я сделаю». Говорила: «Я неполноценная. Каждый раз, когда смотрю на свое тело, вижу — чего-то не хватает». Я ответил: «Я и так счастлив». Рахима тоже взяли с собой. Рахим еще больше боялся, чем ханум. Побледнел. Заранее послали Фатьму, чтобы договорилась с обмывателями покойников. Они согласились дверь покойницкой оставить открытой. Сама тоже ездила туда, просила, чтобы покойника уложили прямо около бассейна, голенького молодого покойника твоих лет. Ханум держала в руках фонарик. Я и Рахим держали ее под руки. Дрожала. Свет мигал. Просила, если даже испугается, силой отвести ее и толкнуть внутрь. Хиромант говорил, что она должна быть одна. Мы довели ее до самой двери.

Она приблизилась к Джонни. Уже не спешила. Успеет. Джонни тоже понял это и повернул к середине.

— Видишь, дорогой Сохраб,— сказала она,— как хорошо он изучил персидский язык.

Джонни застыл в центре бассейна и только медленно двигал руками:

— Сохраб? Значит, в конце концов он назвал свое имя.

— Нет, дорогой, я просто так сказала.

— Почему же именно Сохраб? Назови его Парвизом или Хосровом.

— Ладно, Парвиз, Хосров, мерзость, гадость — какая разница? Ты не увливай, закончи свою очередную сказочку.

— Мы договорились назвать нашего ребенка Сохрабом,— сказал Джонни.— Говорила, если буду уверена, что рожу, согласна даже мертвеца вытащить из могилы и принести его в саване домой.

— Не тяни, дорогой, у тебя мало времени, расскажи ту историю.

— Я пошутил, дорогая, разреши выйти из воды, ты ведь знаешь — у меня тяжелое дыхание.

— Нет, неправильно, надо говорить «задыхаюсь».

— Извини, задыхаюсь.

— Так на чем ты остановился?

— Пожалуйста, разреши.

Поплыл в ее сторону. Не успел коснуться стенки, как она ударила. Еще раз. Била куда попало. Джонни вынырнул с другой стороны. Задыхался.

— Пожалуйста, я больше не могу.

— Сначала доскажи, можешь без подробностей.

— Ничего не произошло. Ты ведь помнишь. Рахим тоже испугался. Стоял около двери и дрожал.

— А ты?

— Я? Я ведь... Кто же тогда помог тебе, взял тебя на руки? Ты потеряла сознание. Ты закричала, я вбежал...

— Закричала? Нет, не помню. А что произошло?

— Пожалуйста, дорогая...

— Нет уж, рассказывай. Мне хочется, чтобы этот момент ты вспомнил поподробнее.

Поплыл в ее сторону.

— Вернись, дорогой, держись середины.

Нагнулась и ударила. Джонни поднял руку, не смог поймать хвост плетки. Отпрянул назад.

— На твоём месте я тоже потерял бы сознание.

— Нет-нет, все это не только Саиду, но и мне не интересно. Выкладывай суть. Расскажи, как я лежала, в какой позе — я и покойник, расскажи подробнее.

— Сама знаешь, сто раз рассказывал.

Джонни дышал с трудом.

— Нет,— сказала она,— никогда не рассказывал, сказал только, что как цифра шестьдесят девять.

— Ты ведь была одета.

— Была одета? Слышал, Хосров?

— Так,— обратилась она к Джонни,— значит, никаких проблем не было. Но ты не рассказал, где была моя голова, точнее, где были мои губы на покойнике?

— Дорогая...

— Если представить, что моя голова была между ног покойника...

Он рывком бросился в воду. Джонни больше не выдержит, даже не сможет доплыть до бортика. Помог ему подплыть к краю и вылезти из бассейна. Ее не было. Джонни растянулся на мраморной плите около бассейна. Плечи и руки дрожали. Звонок. Джонни тоже, несомненно, услышал. Посмотрел на дверь коридора. Собак нет.

— Слышал ведь?— сказал Джонни.— Время ужина. Ты иди, я приду позже.

— Я не голоден.

— Прошу, иди. Постарайся изобразить аппетит, как будто ничего не произошло.

Стоял в нерешительности. Плавки бросил на ступеньки.

— Потом переоденешься,— сказал Джонни.

Пришлось идти. Надо кончать. В коридоре сложностей не было. Но на веранде стояла Фатьма. Стояла, скрестив руки на груди. Его одежды не было. Оставляя ее на подлокотнике дивана. Не было. Женщина сидела за столом. Что-то ела. На стульях тоже не было, даже на вешалке.

— Не бойся, не пропадет. Фатьма отнесла наверх, в спальню. Она всегда относит и вешает в шкафу. Такая привычка.

Это второй этаж. Прошелся между стульями.

— Сначала поешь. Поспать мы еще успеем, у нас много времени.

Указала на стул по другую сторону стола. Фатьма не смотрела на него.

— Может быть, Джонни тебе что-то сказал?

Остановился и пристально взглянул на нее. Она в пеньюаре. Кружева голубого цвета, воротник белый, фиолетовые цветочки, без рукавов. Волосы распущены по плечам. Больше не смотрел на нее. Она что-то ела. Стол богато сервирован, словно накрывали на десятерых. И только один еще стул. Сел напротив нее. Перед ним пустая тарелка. Фатьма держала в руках супницу.

— Ржаную похлебку я сама сварила. Будешь есть?

— Нет, я не хочу суп.

— Ладно, тогда бери сам, что захочешь.

Что брат? Будь он Сохрабом или Хосровом, с чего бы начинал? Какие у них были на этот счет правила?

— Хочешь, Фатьма поможет тебе?

Фатьма наложила ему немного белого плова, пару ложек

гормэсабзи¹ и кусок куку.² Сам взял шампур с кебабом. Этого было даже много.

— Оба дрожали,— заговорила она.— Лампа горела над входом. Джонни дрожал даже больше Рахима. Держали меня под руки. Я тоже боялась. Если бы так крепко не держали, обязательно вернулась бы. Джонни насильно сунул мне в руку фонарь и толкнул в проход. Сама просила его, чтобы толкнул меня внутрь. А пришли — так от страха язык онемел. Хочу сказать: «Джонни, прошу тебя, не надо. Мне ребенок не нужен». Не получается. Протянула руку и ухватила его за бок, чтобы понял. Не понял. Впихнули меня внутрь. В конце коридора было темно. Зажгла фонарик и увидела перед собой стену. Если бы коридор не поворачивал, а шел прямо к покойницей, наверное, вернулась бы. А может быть, и нет. Ведь это то, что требовалось: покойник, бассейн, ведро. Днем была здесь. А этот поворот не помню. Неясно, где кончается коридор. Страшно от звука собственных шагов, свет дрожит на кафельной стене. С того самого вечера Рахим ослых. Немым был раньше. Может быть, нарочно ослых, как нарочно стал немым. Джонни тоже молчал. Оглянулась назад, увидела, что за дверью светло — светло и пусто. Никого из них нет. Если бы вернулась, они снова впихнули бы меня. Все, что мне сказали сделать, я сделала. Я в такие вещи не верила. Джонни говорил, что в этих обрядах и обычаях, несомненно, заключена какая-то мудрость. Тысячу лет испытывали. Все, что об Иране написано на английском языке, там же — в Лондоне — прочитал. Здесь засел за персидскую литературу, превратился в книжного червя. Предсказателей приводил. И я постепенно поверила. Сидела над тазом. Зажигала сальную лампадку на старом кладбище. Думала, попробую и это, посмотрю, что получится. Когда повернула за угол — та же темень. Потом еще один поворот, а за ним — мертвецкая. Увидела дуги сводов, две ниши, горящую лампадку. Утром этого всего не замечала. Водоем увидела потом. Вода стоячая, неподвижная, какая-то тяжелая и вязкая. Если бы покойник лежал в воде, как утром, — не испугалась бы, была готова к этому. Но его положили на краю бассейна. Подошла ближе, осветила его с головы до ног фонариком. Понимала, что это покойник, но ничто не говорило об этом. Одна рука на бедре, вторая со сжатым кулаком лежала на земле. Голова наклонена слегка к правому плечу. Как будто спал, голый заснул. Перестала дрожать. Разглядела его как следует. Что же, до сих пор все это не имело значения. Подумала даже, что он красив. Особенно хорош был его подбородок. Черные мокрые волосы. Гадальщик говорил, что надо трижды перешагнуть через него. Достаточно поднять ногу, опустить ее со

¹ Подливка из жареного мяса и зелени.

² Куку — омлет с душистыми травами, приправами.

стороны сжатого кулака, потом переступить назад. Когда это сделала, свет фонарика упал ему на лицо. Прядь волос лежала на лбу. Глаза закрыты, как во сне, подумала. Но губы, очертания складок вокруг рта такие, что, казалось, он улыбался во сне, а потом проснулся и видит, что у меня под платьем трусиков нет, лифчика, вообще ничего — абсолютно голая. Я вся горела, грудь напряглась, почувствовала ее, кожа пошла мурашками. Откуда-то звуки падающих капель. Сейчас-то я понимаю слова гадалщика. Он говорил, если я смогу это сделать, а потом тут же лягу с мужем, обязательно забеременею, в общем, если суждено забеременеть, это произойдет. Говорил, если переступлю через красавца, ребенок тоже будет красивым. Говорил, зависит от бога — мальчик или девочка, что бог захочет, то и будет. Именно в третий раз, когда собиралась переступить, почувствовала, что сердце замирает, а тело становится мягким, как воск, тает, как снег в тепле. Когда переставляла ногу, наступила на его сжатый кулак...

Надо было есть. Все еще первый кусок. Старался как-нибудь проглотить его. Кебаб сочный, с запахом крови. Вытянул голые ноги, постарался отвлечь взгляд женщины от своего горящего тела и покрытого испариной лица звуком вилки по тарелке и кубиками льда, брошенными в рюмку. Женщина уже не смотрела на него, глаза закрыла.

— Было страшно, — продолжала она. — Начала куда-то проваливаться. Дальше не помню, что было, что делала потом. Джонни твердит, что я лежала на покойнике.

— С любой другой было бы то же самое. Но бывает, что страх пропадает.

Кусок во рту, все еще вкус крови и теплого мяса.

— Значит, и ты почувствовал? — спросила она.

Он только взглянул на нее, на ее белые руки выше локтей, точеную шею и ямки под ключицами. Зачем нужно было спрашивать? Преподаватель внушал: «Тело человека для нас не должно быть тайной за семью печатями, надо привыкнуть смотреть на него как на предмет, как на механизм. Мы должны обращаться с ним, как с механизмом: разбирать колеса, передачу, разбирать и собирать и больше ничего. Если задумаешься хотя бы на одно мгновение, что кроме этих жил, сосудов, этой крови и газа есть что-нибудь еще — рука дрогнет, и ты его зарежешь, убьешь».

— Эй, ваше высочество! Вы что, заснули? — спросила она. — Я спрашиваю, с тобой случалось подобное?

— Что?

— Что «что»?

Все не мог одолеть первый кусок.

— Знаешь, я испугалась. Поставила ногу прямо на его кулак — как будто мой покойный отец воскрес и схватил меня за запястье. Как в детстве, когда кокетничала с мальчиками.

— Нет, с нами такого не бывает.

Сказал нарочито грубо. Чтобы отвязалась.

— Извините, я забыла, что ваше высочество собирается стать доктором — уже вспарывал животы нескольким покойникам, чтобы показать их аппендикс преподавателю.

— Все боятся.

— Я спросила, что с тобой было в первый раз.

Так и пришлось проглотить непрожеванный кусок.

— Ну?

Старался думать о еде, о запахе шафрана на кебабе. Или, если удастся, — о темно-зеленом цвете петрушки. Под этой синей марлей на ней нет бюстгальтера.

— Я с тобой разговариваю, — сказала она.

— Пожалуйста, не кричи на меня, я не Джонни.

И поднялся. Невозможно рассказать про это, никогда не мог. Пытался, даже на следующее утро — друзьям, а через неделю — Насирин. Она громко рассмеялась, и он, увидев щербинку в переднем зубе и поняв, что они стали близкими, сказал: «Я вчера видел странный сон, кошмар, который не могу забыть». Но когда начал рассказывать, поймал взгляд Насирин — казалось, сейчас она начнет растолковывать по Фрейдю. Нет, это уже были не колеса и передача, которые можно разбирать и собирать. Насирин спросила: «Ну, а что дальше?». Ответил: «Не помню, нет, извини, лучше в следующий раз». Это было что-то личное, частная практика, назло всем тем рассуждениям, которые они шептавали друг другу, чтобы доказать, что человек — видовое животное, которое относится к определенному классу и эпохе. Говорить о запахе хлороформа и камфары в препараторской и о подобных вещах, даже о специфическом запахе трупа, не трудно; даже о том, как легко расходитя кожа и мышцы человека при малейшем прикосновении к ним скальпеля, или о том, как разрезают тело, которое точно такое же, как у тебя, а несколько человек в зеленых халатах с круглыми от удивления глазами стоят вокруг этого тела, чтобы увидеть почку, печень или поджелудочную железу. Все это можно бы рассказать этой Пари, или Парвин, но... Но именно это трудно, как будто оно то самое, что не должно появиться под скальпелем хирурга, чтобы его рука не дрогнула. Да, все было обыденно, как что-нибудь, например, по вторникам после обеда с двух до пяти. Лишь лампа светила над их головами и было темно за спиной, вне круга света. Он не оборачивался. Знал, что там темно, хотя вполне мог ощутить запах камфары и трупов. И даже представить разложенные на столах тела с распоротыми животами и отчлененными от плеча одной или обеими руками. Он слышал четкий монотонный голос преподавателя, как будто тот читал молитву. Голос его звучит в ушах до сих пор. То, что произошло позднее, он не мог вспомнить детально, со всеми подробностями.

ми. Был уверен, что он вскрикнул тогда так громко, что прибежал хозяин дома и спросил: «В чем дело, что случилось?»

Может быть, если напиться или же увидеть это во сне, то можно было бы понять его смысл. Или если бы, когда он был на лугу рядом с Насирин, последовательно рассказал бы ей, то вспомнил бы все. Но не хотелось, даже если это угрожало забвением. И чтобы не вспоминать, он смотрел на женщину. Она сидела с бокалом виски в одной руке, пальцы другой сжимали сигарету. Джонни накладывал себе в тарелку еду. На спине видны следы ударов плетки — несколько темных перекрещивающихся линий.

— Не обиделся на меня? — Она поднесла ко рту сигарету.

— Позволь сесть рядом? — спросил Джонни, придвигая стул.

— Кто тебе разрешил появляться?

Не успел сесть, рука еще на спинке стула.

— Куда же мне идти?

— Почему я знаю? На кухню или к себе — куда хочешь, только не здесь.

— Ты все еще сердисься?

Она резко поставила бокал на стол.

— Сержусь? На тебя?

Два кусочка льда выскочили из бокала. Виски выплеснулось на стол и облило, наверное, подол пеньюара из марлевки.

— Знаешь, я только однажды по-настоящему рассердилась на тебя, только один раз.

— Прошу, не начинай сначала.

— Нет, я должна сказать тебе. Если даже тысячу раз это повторяла. Видишь ли, этот верзила, — обратилась она уже к нему, — когда вошел и увидел меня, позвал Рахима, и они вдвоем вытащили меня наружу, он тогда увидел мои напрягшиеся груди, и, по его словам, не знаю — погладил рукой мое влажное тело, а потом...

Джонни с рюмкой в руке подошел к ней и, наклонившись, хотел поцеловать в лоб.

— Проваливай! — воскликнула она.

Поцеловал.

— Иду спать, — сказал. — Спокойной ночи, дорогая. Спи крепко.

— Спи крепко? Вообще не желаю спать никогда! Наверное, когда меня несли в машину, тоже поцеловал в лоб?

— Я тебя люблю, дорогая.

— Так же, как свое виски.

Джонни не качался, но по тому, как он — тяжелый и голый — шел осторожной походкой, останавливаясь через шаг, чтобы сделать глоток, по тому, как его рука касалась подлокотников кресел, было ясно, что он пьян. Он оказался за его спиной.

— Никто не смог бы, наверное, лечь так вот на покойника, как ты. Я забыл совсем об этом.

— Ну да, а там в коридоре, не ты ли был? — крикнула женщина.

— На глазах у Рахима? Ты же была без памяти!

— Конечно, без памяти! А тело-то мое? Право, ты ведь — дурак.

Джонни провел рукой по его волосам, сбросив прядь на лоб.

— Тебе не надо говорить при детях такие слова.

— Он не ребенок. На твоём месте он бы...

Джонни снова погладил его по голове.

— Невинный ребенок!

Мужчина в нем дернул головой, откинув пряди назад.

Джонни, бросив взгляд на него, отвернулся. Направился к закрытой двери. В открывшемся проеме, наполовину заслоненном фигурой Джонни, он увидел часть комнаты, угол узкой кровати, тумбочку с хрустальной вазой на ней. Закрывающая дверь, Джонни высунул голову:

— Будь осторожен, мальчик. Такие опыты иногда дорого обходятся. — И с громким смехом захлопнул дверь.

— Ну, что же ты стоишь и смотришь?

Она обращалась к Фатьме. Фатьма показала на тарелку Джонни: «Господин ведь еще не докушал!»

— Ну и черт с ним. Убирай! А лучше — отнеси ему, поставь рядом, когда проснется — съест.

Фатьма начала складывать пустые тарелки в стопку. Их звуки раздражающе царапнули слух.

— Ты что, не слышала, что я тебе приказала?

— Ханум, я боюсь. Вы сами же видели, какие они пьяные!

— Ну а этот, твой верзила, для чего? Если у него нет языка, руки-то есть?

В правой руке Фатьма держала тарелку с едой, нож с вилок — в левой. Голову опустила.

— Иди, дорогая, не бойся. Я велю джиннам, чтобы они охраняли тебя. К тому же мы тут. И у тебя, слава богу, язык не отнялся.

По жесту женщины он понял, что Рахим, должно быть, стоит за дверью. Стоял. За резной дверью в коридор. Приближаясь к двери Джонни, Фатьма пробормотала: «Каждую ночь одно и то же!»

— Что ты там ворчишь? — воскликнула женщина.

— Ничего.

Не повернулся, чтобы взглянуть на Фатьму. Слышал: приоткрыла дверь.

— Я принесла вашу еду.

Стоит в проеме двери.

— Иди, дорогая, не бойся, — сказала женщина. — А ты, — обратилась она к нему, — доедай свое.

Надо только один или два куска. Это-то правило, по крайней мере, ему известно. На голодный желудок трудно не распуститься.

— Не принимай всерьез слова Джонни. Он дурак, дурак и завистник.

Его рюмка пуста. Голова отяжелела. Нельзя было смешивать. Но теперь уже поздно. Поднялся с рюмкой в руке. Она не смотрела на него. Даже если он качался, это было неважно. Повернулся: Фатьма переставляла еду на тумбочке. Там стояли еще бутылка и стакан. До этого он их не заметил. Оперся рукой о край стола, чтобы лучше разглядеть. Бутылка большая, с пробкой, но тут дверь стала закрываться. Не от ветра.

— Дурак! Снова начал, — произнесла женщина.

Поднялась, глядя на закрывавшуюся дверь.

— Что он собирается делать?

Впрочем, понял, что последует дальше. Даже услышал голос Фатьмы: «Ханум, ханум-джан!» Здесь он никто. Но как будто все кружилось вокруг него, или — если уж он пьян и какая-то пелена перед глазами — он был центром происходящего. Пьяный или трезвый — ничего не изменишь. У каждого свое место — это зависит от его положения. Два кусочка льда. Два небольших опрокинутых стаканчика на серебряном подносе. Взял один. Надо быть внимательным, чтобы не пролить виски на стол или не переполнить стакан. Услышал голос Фатьмы: «Умоляю, отпустите меня!»

Виски, налитое до краев стаканчика, перелил в свой бокал. Недостаточно. Наполнил стакан еще раз, постарался не долить до краев. Голоса Фатьмы не слышно. Открыл бутылку содовой. Налил немного, чтобы разбавить виски.

— Что ты делаешь?

Женщина открыла дверь. Джонни сидел на кровати. Фатьма боком к нему стояла на коленях. Наклоненная голова ее почти касалась наполненного стакана на тумбочке. Было ясно — Джонни выкручивает ей левую руку. Правой рукой Фатьма придерживала платок на голове.

— Have a sip, girl, don't be afraid ¹

Фатьма еще ниже наклонилась к стакану. Бутылка наполовину пуста. Без наклейки. В бокале Джонни остатки виски.

— Фатьма-джан! Только один глоток, выпей. Он говорит, что отпустит тебя, если выпьешь только глоток, — произнесла женщина.

— Не хочу, не могу. Пожалуйста, скажите, чтобы отпустил меня.

— If you don't drink, i'll take your charged off ²

Правой рукой он пытался выдернуть платок из-под руки Фатьмы.

— Ханум-джан! Умоляю вас, ради бога, скажите ему, я не буду пить, даже если убьет меня, не буду больше пить.

¹ — Выпей глоток, девочка, не бойся.

² — Если не выпьешь, я за себя не ручаюсь.

Платок оказался в руке Джонни. Скомкал его. Длинные черные волосы Фатьмы собраны в пучок на затылке. Джонни отбросил платок в угол. Теперь рука Фатьмы была на груди.

— Only a sip, girl, don't you see, it's locally distilled vodka? ¹

— Осторожней, Джонни. Если сломаешь ей руку, хлопот не оберешься, — сказала она.

Фатьма наклонилась еще ниже, касаясь носом стакана, волосы рассыпались и упали на грудь, — или это Джонни сделал — он расстегивал пуговицы ее блузки на спине, отводя ее правую руку, пытающуюся сопротивляться.

— If you don't to be naked in front of those hungry eyes, you better take a sip ²

По-видимому, спина Фатьмы обнажилась, Джонни пытался стянуть ее блузку через левое плечо. Фатьма взмолилась: — Ханум, он вывернет мне руку, скажите, чтобы отпустил.

Джонни закричал, обращаясь к ней:

— Don't you think it is remarkable that they are naked under their ugly thick cloth? ³

Фатьма простонала:

— Я выпью, не позволяйте ему раздевать меня, ей-богу я сейчас сама выпью.

— Она выпьет, Джонни, отпусти ее.

— Hey, boy, she won't drink, but tell her that she must drink with the hand which is free⁴.

Женщина подошла к нему и взяла из его рук бокал с виски. Прислонившись к дверному косяку, пригубила. Он был уверен, что не сам отдал ей бокал. Руки теперь уже свободны. Левая повисла вдоль тела, правой рукой надо опереться на что-нибудь. Если бы он был в брюках, правая рука нашла бы карман. Джонни взглянул на него:

— They desprately want to become civilired, but it is a pity they are so afraid of god. ⁵

— Отпусти ее, Джонни, — сказал тихо, но прозвучало оглушительно.

Стена справа увешана фотографиями кинозвезд, все — в полный рост, полуголые, в цельных и отдельных купальниках, на одной фотографии голая женщина прикрывала рукой груди. Сквозь занавеску на окне заметил расплю-

¹ — Только глоток, девочка, не видишь, это здешняя чистая водка?

² — Если не хочешь быть раздетой, лучше выпей глоток.

³ — Не думаешь ли ты, как это замечательно, что они голые под их уродливой толстой одеждой?

⁴ — Ну, малыш, она не собирается пить, но объясни ей, что ей надо взять выпивку свободной рукой.

⁵ — Они отчаянно пытаются стать цивилизованными, но жаль, что они так боятся бога.

ценное за стеклом лицо Рахима. Видел ли он Рахима? Теперь его нет. Снова ощутил себя в центре происходящего. Когда приблизился к тумбочке, Фатъма уже была обнажена до пояса. Большие белые груди с коричневыми сосками. Напрягшиеся. Правая рука Фатъмы могла прикрыть лишь ямку между ними.

— Help her drink just a sip then J will be finish with it. ¹

Он взял стакан:

— Я выпью вместо нее.

— Стакан был полон. Это уж слишком. Понимал, что это доконает его, но выпил. Ощутил запах изюма. Горько, как будто пьешь маленькими глотками полынную настойку. Когда он поставил пустой стакан на тумбочку, Джонни уже поднялся. Продолжал держать левую руку Фатъмы. Правой рукой вынул пробку из бутылки.

— Не вмешивайся, пожалуйста, — сказал он и снова наполнил стакан.

— Я могу еще выпить.

И ощутил себя распрявившимся, с поднятой головой, или это взгляд раскрытых глаз Фатъмы заставил его вообразить себя будто в ожидании торжественного кубка — по крайней мере на девять стаканов — с водкой, настоенной на изюме, чтобы выпить его одним глотком.

— Я голый, видишь, — а ее нет необходимости раздевать. Я ведь разделся по-хорошему — ты сам мне предложил.

Джонни поставил бутылку на тумбочку, отпустив руку Фатъмы, выпрямился перед ним во весь рост:

— Выйди вон! — Обратился к женщине: — Скажи ему, чтобы вышел вон. Хотя бы в этой комнате я хозяин!

Подумал, что ударит. Следил за его правой рукой. Не ударил. Когда Джонни указал на дверь, поймал его запястье:

— Отпусти ее, пусть она уйдет.

Джонни схватил его за шею. Почувствовал сильную боль, пришлось согнуть левое колено, опустился на пол. Схватил Джонни за правое бедро. Оторвать его от пола невозможно, но можно заставить его потерять равновесие: достаточно сделать ему подсечку, чтобы повалить. Джонни мог покончить с ним в два счета, но, казалось, не хотел этого. Только держал его за шею и ладонью нащупывал плечо, как будто желая схватить его, а плечо выскальзывало.

— Хватай его за ногу, скорей хватай! — закричала женщина.

Непонятно, кому предназначалось это. Если бы Джонни схватил его под левое колено, он, конечно же, упал бы на лопатки.

Дома он не раз боролся с братом или со сверстниками на лужайке парка. И всегда в соприкосновениях рук и ног,

¹ — Помоги ей выпить только глоток, и тогда я отстану.

порой груди и спины, была какая-то грубость и в то же время — двойственное чувство: грубость и ощущение теплоты чужого тела, живого и горячего. Случалось и так, что, обмениваясь приемами, они, сцепившись на некоторое время, останавливались, чтобы передохнуть, и тела их, ощущая теплоту друг друга, замирали, казалось, им хотелось оставаться так, чувствуя щекой плечо, рукой — тяжесть бедра. Такое же чувство возникло сейчас, когда, наконец, он оторвал одну ногу Джонни от пола, а тот, отпустив его шею, сцепил руки у него за спиной и, несомненно, хотел, опираясь на левую ногу, вывести его из равновесия.

— Так не получится, ты выдохнешься в конце концов, — сказала женщина.

Не имело значения, кому она это говорила. Он отпустил ногу Джонни и попытался схватить его под обе коленки, и, не обращая внимания на мощный давящий захват противника, прилип к его икрам. Почувствовав ноги Джонни, сообразил, что нельзя оставаться неподвижным — Джонни с ним справится, поэтому постарался упасть не на спину, а на левое предплечье. Упал на бок. Лицо Джонни оказалось рядом с его шеей. Он чувствовал его частое дыхание.

— Еще одно усилие — он уже выдохся, — сказала она.

Фатъма, сидя на кровати с другой стороны, поправляла воротник. Джонни лежал на правом боку, пытаясь вывернуться наверх. Если так держать руки и надавить на грудь, можно покончить с ним. Он скрестил свои ноги вокруг левой ноги Джонни, потом, опираясь на его левое колено, привстал. Джонни теперь не мог дотянуться до его плеч. Оставалось только схватить его за предплечье и закрутить его через правую ногу. Но голый Джонни оставался неподвижным, как будто сдался или ему нравилось находиться в таком положении. Если бы не чувствовать это тяжелое дыхание, если бы не бросало в дрожь от прикосновения потных рук, он бы тоже замер и рассмотрел лицо Рахима, наполовину видневшееся за краем занавески на окне.

— Не давай ему передохнуть, — сказала женщина.

Может быть, расплюснутый нос Рахима заставил его закрутить Джонни и, уткнувшись лицом, прижать к полу сначала одно его плечо, потом другое.

— Все, конечно, — сказала она.

Взглянув на лицо Джонни, он тоже понял, что кончено. Его утомленное лицо было спокойно, умиротворенно, крупные капли пота выступали на разбитой переносице, рыжие волосы прилипли ко лбу. Он ровно и глубоко дышал. Поднялся. Действительно, все было кончено. Эти полузакрытые глаза, дрожащие ноздри, даже губы, растянутые в улыбку, вызывали отвращение. Руки вытянуты вдоль тела, ладони с растопыренными пальцами касались ковра, ноги раздвинуты. Рахима в окне не было. Фатъма по-прежнему сидела на краю кровати, поправляла юбку. Даже не улыбну-

лась ему. Женщина открыла дверцу платяного шкафа и вынула длинную габу¹.

— Надень, ты вспотел, можешь простудиться.

Габа была такой легкой, что, казалось, не скрывала его наготы перед Джонни, Фатьмой и перед ней, пока она не завязала на нем концы пояса. Перед габы от плеча до подола вышит. Край подола и манжеты тоже вышиты. Теперь он не ощущал себя голым, как будто и не раздевался.

— Чего сидишь? — обратилась она к Фатьме.

Фатьма вышла, быстро, почти бегом. Пара пуговиц на вороте и спинке блузы остались незастегнутыми. Женщина стояла рядом, тонким белым платком вытирала с его лба пот, кончиками пальцев отодвигая мокрые пряди.

— Вот тебе в награду! — И поцеловала его в обе щеки.

— Ханум, куда положить?

Это Фатьма. Держала в руках целую кипу журналов, все иностранные.

— Брось ему.

Вся стопка шлепнулась на ковер. Женщина ногой разбросала журналы перед Джонни. По-видимому, все сплошь порнографические.

— Полистай, Джонни, — сказала женщина. — Если тебя вдруг начнет мутить от такого количества разноцветных потаскушек, можешь сегодня же ночью... — Просунула в карман габы руку и вытащила оттуда изящный пистолетик, бросила его на фотографию голой женщины. Фотография изображала ее во весь рост, пистолет упал на большие обнаженные груди.

Джонни не повернул головы. Глаза прикованы к фотографии или, может быть, к пистолету.

— Ну, пойдем, дорогой?

Протянула руку. Он взял ее. Ногой женщина прикрыла дверь. Фатьма расставляла посуду на сервировочном столике. Когда стали подниматься по ступенькам, она положила голову ему на плечо.

Ряд дверей, одна открыта. За ситцевой занавеской просматривалась комната. Это была спальня — в углу большая латунная кровать. С четырех сторон свисал кружевной полог. Когда он прикрыл за собой дверь, женщина сказала: «Накинь крючок».

Она присела на табурет. Рама зеркала из потемневшей латуни была украшена чеканкой в виде виньеток из листьев и цветов. Рядом с зеркалом — небольшая инкрустированная шкатулка и изящный серебряный подсвечник на три свечи. Женщина расчесывала волосы.

— Папаше писала, что собираюсь выходить замуж. Сообщила о Джонни, постаралась даже его расхвалить. Вообще-то он был ничего, а может быть, тогда казался таким.

¹ Габа — просторная мужская одежда с длинными рукавами.

Знаешь, надоедает, когда каждое утро встаешь и думаешь, куда бы еще поехать в такое место, где раньше не была, или что бы еще предпринять, чего раньше не делала. Право же, утомительно. Тогда начинает привлекать все новое, сколько бы оно ни стоило. К тому же, куда бы я ни отправлялась, управляющий делами отца и прислуга заранее все подготавливали. Поэтому я удрала, отправилась в ЮАР, просто так. С Джонни познакомилась там, я уже говорила. Потом как-то шутя и незаметно привязалась к нему. Вообще-то тогда он был молодой, высокий, стройный, даже гордый. Если назвала его верзилкой — это так, посмеиваясь. Увидел бы ты тогда его — подумал бы, мир хочет покорить. Папаша мой дал телеграмму, мол, срочно возвращайся. Грозил, если не вернусь — лишит меня наследства. А я уперлась — думала, что мне это надо. Я говорю о замужестве с Джонни. Папашины возражения, да еще то, что впервые не разрешили мне делать, что я хочу, — пусть даже это была и прихоть, — сделали Джонни чем-то недосягаемым для меня. Знала, что управляющий отца едет из Европы по мою душу. Пошла в церковь, все как в кино. Конечно, немного грустно было. Были только его мать и несколько друзей. Мы заранее все подготовили с обрядом крещения. Венчание — в этом ничего особенного не было, сейчас такие вещи, наверное, устарели. Двое влюбленных, взявшись за руки, отправляются в церковь.

Глаза ее были закрыты, уголок верхней губы подрагивал.

— Одним словом, романтика. Тогда мне это было интересно, в новинку. Я так часто видела у нас свадьбы, что они мне осточертели. Когда венчание закончилось, мы сели в машину и слиняли, пока папашин управляющий не прибыл. Все это я помню. Лил дождь. Мы остановились в загородном отеле. Джонни был великолепен, вполне великолепен. По утрам приносил завтрак мне в постель. Мы посетили все окрестности, на велосипедах побывали в нескольких деревнях. Фотографировались с чернокожими, купались в бассейне, не помню — то ли около отеля, то ли где-то рядом, в клубе для белых играли в теннис. Джонни писал стихи. Неплохие. Но я больше всего была счастлива от того, что папашин управляющий исколесил за это время весь Йоханнесбург, а сам папаша в нашей родовой усадьбе, вероятно, растравил себе печень от собственного бессилия.

Она рассыпала волосы по плечам и груди и теперь подрисовывала брови, соединяя их в одну широкую дугу.

— Через пару месяцев мне все надоело. Не Джонни — отели, слуги, счета. Отправились в Лондон, потом — не помню уже куда. И вдруг я почувствовала, что сердце томится по прохладе наших комнат. Все готова отдать, чтобы насладиться ломтиком арбуза, сидя на краешке бассейна в нашем дворе. А может быть, это было интересно и Джонни, — и поэтому тоже мне захотелось вернуться. Он буквально

вынимал из моего сердца воспоминания. Я рассказывала о наших обычаях, о горшках саману¹, о лапше для жертвований бедным. Отец упрямылся, не пускал к себе, назло нам устроил роскошную свадьбу для дочери своей сводной сестры. Невесту посадили на лошадь, перед этим — фейерверк, дорогу освещали факелами, стреляли из ракетниц. Нас там не было. Нам с Джонни рассказывали об этом.

Она подкрашивала глаза.

— Вот мы и приехали сюда. Было неплохо. Приходили кое-какие деньги. Папаша до аграрной реформы продал часть своих земель и имения, а на остальные завезли технику. Он знал заранее. Я тоже получила свою долю. Но даже умирая, при последнем вздохе, не позволил навестить его. Но Джонни был хорош. Говорил по-персидски свободно. Вел себя прекрасно. Все время придумывал что-нибудь новенькое. Каждый день новая затея. Мы ездили осматривать достопримечательности или покупать антикварные вещи. Все это он сам купил. Сам выискивал по кусочку и сам собирал эти витражи в окнах.

Она показала на два окна с поднимающимися рамами. Рядом с тахтой лежало несколько подушек, украшенных бахромой. Расстелены две кожаные подстилки. Между ними канделябр с бирюзовым колпачком. Во всех нишах по периметру комнаты множество фарфоровых тарелок и пиал, чайников, рюмок, блюдов, рогов для шербета, хрустальных ваз. Правую стену закрывала большая занавесь на случай траурных церемоний. Перед ней стояли тяжелые кресла, обтянутые тканью ручной работы, и небольшой столик, инкрустированный эмалью. На столике какая-то старинная плошка, разбросаны маленькие курдские под сумки для наездников и пара небольших ковриков для седел. Рядом на керманском ковре сафьяновые сундучки с бронзовыми заклепками. В колониях с лепными украшениями по краям окон врезаны два зеркала в рамах из шлифованного камня. Стены сплошь увешаны резными картинами, миниатюрами, рисунками. Мозаика, изображающая нагруженного верблюда с погонщиком. Портреты женщин в платках или в чадре. Их лица напоминали каджарских женщин со сросшимися бровями и маленькими ртами.

— Вот это все и есть?

— Что?

— Антикварные вещи, которые он купил?

— Что — это? Ты так думаешь? Ты посмотри в других комнатах. Еще в подвалах. Одно время ему приспичило собирать верблюжьи седла. Искал их и покупал, какие только попадались, у него больше двадцати их, наверное. В этих сафьяновых сундучках — десятка три старинных националь-

¹ Саману — иранское блюдо из солода.

ных костюмов. А о манускриптах и нечего говорить. Ты бы только видел!

Приподняв подбородок и всматриваясь в свое отражение, она рисовала мушку между бровей. Он нагнулся, поцеловал обнаженное плечо. Пахло розовой водой.

— Где же они?

— В доме отца. Настоял, чтобы я выкупила дом из оставшегося наследства. А теперь, когда купили его, уже целый год ремонтируют.

— А что-нибудь отослал?

— Куда?

— Ну, не знаю, — например, за границу, чтобы продать музеям или антикварам.

— Нет-нет, — пристально на него из зеркала. — Он не маклер и не контрабандист. Для себя хочет, для нас. Говорит, что кто-то в конце концов должен это сохранить и оживить.

Она наносила румяна на припудренные щеки. Повернулась, взглянула на него. Когда говорят «сильно накрашена», наверное, про такую. Протянул руку, взял ее за подбородок, поцелуем стер краску. Она схватила его запястье:

— Я уже сказала — не торопись! Дай-ка я покажу его четки. Полная витрина. Вон в той комнате рядом.

Сняла жилетку со спинки стула.

— Не представляешь, сколько денег он истратил. И все еще тратит. Но сейчас он стал опытней. Эти маклеры и антиквары его знают.

Указала на ручную вышивку жилетки.

— Посмотри, вот купил на прошлой неделе. Говорит, что ей лет шестьдесят.

— Прошу тебя, — взял ее за руку. Она взглянула на него.

— Что случилось, тебе неприятно?

Что он мог сказать?

— Нет, но дело в том, что в институте ребята собирают деньги, чтобы купить какую-нибудь книгу, а потом каждый имеет право пользоваться ею только один вечер или ночь. Иногда им приходится переписывать ее от руки. А вы...

Она продолжала вынимать одежды и складывать их перед туалетным столиком.

— То есть, ты хочешь сказать, вы такие нищие? Или, может быть, ты хочешь, чтобы я оплатила вам это барахло?

Взяла одно из платьев — с длинными рукавами и кружевным воротом, юбка — в сборках.

— А это к какому периоду относится?

Она выхватила у него из рук платье.

— Не увиливай!

— Я не увиливаю.

— Скажи-ка, сколько же вас таких, которые не могут купить одну книгу, так что вынуждены сидеть и всю ее переписывать? Или, может быть, здесь что-то другое?

К чему отвечать? Каждому доставалось по сорок-пятьдесят страниц. И только одна ночь. Клали копирку и на следующее утро имели пять экземпляров книги.

— Да я просто так сказал, ради шутки. А вообще-то купить книгу не проблема.

Она взяла его за подбородок.

— Не прикидывайся дурачком. Саид-джан, или как еще там тебя зовут, черт возьми. Вы, наверное, политические книги переписывали. Я знаю. И под любым предлогом устраиваете забастовки, начинаете демонстрации. И сколько вас ни сажают, никак не угомонитесь. И ради чего? Чего вы добиваетесь?

Он взглянул на нее. Никак не подумаешь, что и она в курсе этого или по крайней мере что-то слышала.

— Откуда мне знать, говорил же, что я занимаюсь своими делами. Учусь, вот и все.

Она приподняла его голову, прикоснувшись пальцами к его щекам.

— Чтобы, к примеру, стать врачом и помочь своей любимой семье, стать опорой отцу и вызволить его из какой-нибудь мерзкой деревни или еще более мерзкой провинции? Так я тебе и поверила!

Взял ее за запястье.

— Я — пас, в эти игры не играю. А может, просто не гожусь для этого. Некоторые хотят изменить мир или плыть против течения. Ну что ж, наверное, они уже обдумали последствия. Я же, я просто хочу плыть по течению, хочу стать врачом, самым обыкновенным врачом, вот и все!

Она с силой выдернула свою руку.

— Хорошо, почему же так кричишь?

Затем, потирая запястье:

— Чуть не сломал мне руку.

— Прошу извинить!

Она снова склонилась над сундучком и стала перекладывать одежду. Развернула черный платок с кружевной бахромой. Сложила его треугольником.

— А может, просто боишься, даже меня. Вдруг подумал, что выпытываю у тебя. Джонни говорит, среди ваших полно таких — стоит поймать одного — в двадцать четыре часа развяжут язык, ведь пытки начинают уже в машине.

Она встала позади кресла, напротив зеркала, набросила на голову косынку и завязала ее узелком. Ее лицо в зеркале теперь напоминало графические изображения луноликих каджарских красавиц: дугообразные брови, большие глаза, тонкие губы и локоны на лбу.

— Ты слышал фамилию Надери? — спросила она.

— Кого?

— Полковника Надери, а может быть — доктора Надери. Повернулась, взяла его за обе руки:

— Так значит, не знаешь? Не представляешь, кто это? Почему же тогда щеки твои порозовели?

Приблизила свое лицо. Пахнуло розами, губки бутончиком сейчас коснутся его губ.

— Если и порозовели, то не из-за этих слов.

— А может, ты вообще встречался с ним?

Выдернул руки. Надо идти. Ни о ком ничего не знал. Отец говорил: «Чем меньше знаешь, тем проще живется». Но, в конце концов, и здесь, и там он видел и слышал. Иногда, потянув воздух, можно ощутить это в классе или в больнице, даже возле вскрытого трупа. Оглянулся.

— Я этими делами не занимаюсь и не занимался.

Она развязала ему пояс габы и кончиками пальцев поглаживала ему волосы на груди.

— Я рада, что не занимаешься. Ради твоей же пользы говорю. Страшные люди. Видела этого Надери на одном приеме. Пьяный, стал рассказывать о своих подвигах. Все окружили его. Гогочущий громадина с длинными руками. Хвастался: «Сначала даю им возможность понаслаждаться свободой. Час-другой оставляю возле сортира или в коридоре с завязанными глазами. Потом неожиданно подхожу и срываю повязку». Так он начинал издеваться. Этот дылда наклонялся близко к лицу человека и здоровался с издевкой!

У него такое правило — сначала поздороваться, спросить, как дела, узнать: а ты-то почему здесь, или, может, что-нибудь натворил? Рассказывал: «Протягиваю руку, как будто здороваюсь». И с Джонни так же сделал. Неожиданно. Чтобы защититься, руки Джонни схватились за его ногу. Гоготал, хвастался: «Обалдевают! Теряются, когда обнаруживают мою ногу у себя в руках». Как-то, напившись, показал нам что-то похожее на проволоку с ворсинками, покрутил перед носом каждого из нас, спрашивая: «Угадайте, что это?» Естественно, не угадали. Он сказал, что это конский волос. А потом сообщил, что это он всовывает в мужские члены. Рассказывал, что сам это изобрел, представляешь? Конский волос он всовывал каждому, кто попадался ему. Чудовище. А вы — что вы можете сделать со своими контрабандными книжками. Он говорил, что вы только и можете, что лозунги на стенах сортиров или коридоров писать.

Теперь она уже поглаживала его по животу. С доктором Бехзади, наверное, то же самое делал. Он был долговязый, худой и серьезный, и всегда в одной и той же одежде: джинсы «Ли», рубашка и куртка. Зимой носил плащ и черный замшевый пиджак. Никогда ни одного лишнего слова не произносил, даже намеков не делал, как бывает, некоторые. Ее рука поигрывала краешком его плавок.

— Насколько хорошо ты знакома с Надери? — спросил он неожиданно, остановив ее руку.

— А что? — взглянула на него.

Улыбалась. По тому, как доктор одевался, они, наверное,

пронюхали. На обед брал только сандвич или ходил в студенческую столовую. Кроме того подрабатывал в одной частной клинике. Догадались, что он, конечно же, чем-то занимается. Сначала оцепили улицу, где жили преподаватели, а потом, когда Бехзади открыл дверь, они ворвались к нему.

Отец говорил: «Вы слишком серьезны, редко смеетесь, может быть, вы даже не умеете смеяться».

Он отвечал: «Отец, если у кого-то в кармане ампула с цианистым калием, разве он может смеяться?»

Рассмеялся: «Должен уметь, обязан». Предупреждал: «По вашей одежде можно догадаться, чем вы занимаетесь. Достаточно как-нибудь собрать всех мужеподобных короткостриженных девиц в джинсах «Ли», или этих хмурых, плохо одетых, в парусиновой обуви, или юношей, идущих по тротуарам прямо, вместо того, чтобы заглядываться на витрины и на женщин».

Говорил: «Знаешь, сынок, иногда человек, когда он в темноте один, вслух напевает что-нибудь. Так вот, то, чем они занимаются, — это только пение в темноте, пение от страха и одиночества».

Говорил: «Во всяком случае, они хотя бы поют».

Надо было бы ему ответить: «Но вы-то, отец, ваше поколение — пели только по приказанию».

А может, спросить: «Отец, а вы не боитесь, что теперь вы уже забыли, что такое пение и что такое смех?»

Отец говорил: «Это не пение, сынок, это — плач, это всхлипывание».

— В чем дело, что ты уставился? — спросила она. — У тебя кто там, брат или знакомый?

— Да нет, не знакомый, а так просто — он был наш преподаватель. Хороший человек.

— А что он сделал?

— Никто не знает, но нам известно, что он занимался не простым делом. Мы тогда забастовали всем институтом, а жандармы ворвались к нам и всех избили, некоторых даже схватили. Ректор сказал, что мы этим ухудшаем только его положение. Сказал, что даже он ничего не может сделать: «У него обнаружили оружие, понимаете?»

Она сняла с его плеч габу и бросила на ручку кресла.

— Сколько месяцев?

— Три месяца прошло.

— Ну и ладно, все уже произошло, что должно было произойти. — Она взяла его за руку и потянула к себе. Прощептала на ухо:

— Не полагаешь ли, что сейчас не время об этом говорить?

Прикусила мочку его уха. Он взял ее за руки и потянул к кровати. Когда он отодвинул тюлевый полог, она спросила:

— Кстати, подожди-ка минутку — скажи, как его зовут, может быть, я смогу что-нибудь сделать.

Отпустил ее руки.

— Бехзади. Преподаватель, патологоанатом.

Она подошла к туалетному столику. Выдвинула ящик, вынула и открыла записную книжку. Поискала глазами что-то на столе, выдвинула все ящики стола: «Где же она?» Повернулась к нему, спросила:

— Ты говоришь, Бехзади?

— Фархат Бехзади.

— Я запомню. Вообще, утром напомни мне. А может, у тебя есть ручка? Твои вещи там.

Она показывала на дверцу с другой стороны кровати. Он подошел к шкафу, открыл. Там были все виды одежды Джонни: английский фрак, спортивный пиджак в полоску. Свой собственный костюм он сразу заметил — висел на плечиках. Сунул руку в карман. Вынимая ручку, услышал стук в дверь. Два коротких удара и еще один по сильнее. Дверь была за ситцевой занавеской с изображением Лейли и Меджнуна, стоявших друг против друга под высоким, стройным кипарисом.

— Кто там? — воскликнула она.

— Это я, дорогая.

Голос Джонни.

— Ты? — переспросила.

Подала ему знак, показав на шкаф, говоря губами и жестами: «Одевайся». Даже показала на окно, выходящее на высокую террасу, а потом, повернувшись к двери, тихим и усталым, как будто сонным голосом произнесла:

— Я уже засыпаю.

Раздалось несколько сильных ударов в дверь.

— Я сказал, открой!

— Иди спать, дорогой. Ты пьян и ничего не понимаешь. Завтра я поговорю с тобой.

И снова показала на шкаф и окно, прошептала:

— Чего застыл? Двигайся скорее.

— Жалко дверь, дорогая, — произнес Джонни. — Не заставляй меня ломать ее!

— Кончай свои пьяные выкрутасы, Джонни, — закричала она. — Иди спать! Я тоже хочу спать.

Джонни забарабанил в дверь кулаками. Потом как будто попытался снять ее с петель.

— You know about your law, you know that I can kill you, and no one will ever bother me for it.¹

Она указала на дверь, изобразив кистью руки пистолет, направленный на него, и тихо сказала:

— Понимаешь? Он не врет, может убить нас.

Он взял пиджак и рубашку, футболка висела на вешалке.

¹ Ты же знаешь ваши законы, ты же знаешь, что я могу тебя убить и никто никогда не помешает мне это сделать.

Бросил все это на стул около кровати. Не успел надеть футболку, как она сунула ему в руки пиджак, рубашку, брюки:

— Нет, нет, не здесь! Выходи быстрее!

И подтолкнула к окну. Джонни колотил чем-то в дверь:

— Обои вас убью! Знаешь, что убью!

Она по очереди подняла жалюзи с каждой половины окна, закрепив их крючками. Указала наружу, на террасу:

— Я отвлеку его, пока ты будешь одеваться.

Он вышел на террасу, было не холодно, но легкий ветерок заставил его все-таки поежиться.

— Убью вас! — вопил Джонни, уже снимая дверь с петель.

Он надел футболку.

— Иду, дорогой! — отозвалась она.

Выбросила его ботинки на террасу, один через решетку проскочил вниз.

— Скорей, дорогой, — поторопила его.

И должна была освободить крючки и взять руками жалюзи, чтобы бесшумно их опустить.

Надел рубашку. Ничего, если пуговицы останутся незастегнутыми. Надел брюки, носком ноги скинул второй ботинок через решетку вниз.

— Убью, знаешь, что убью!

— Что это за костюм на тебе, Джонни? — громко раздался голос смеющейся женщины.

Он уже одет, да и ветер утих. Светились вдалеке отдельные окна. Редкие светящиеся лампочки — свидетели полуночников, ничего не ведающих о нем. Женщина мелко похотывала:

-- Откуда ты откопал его?

Доносились звуки проезжавших машин по невидимым улицам. Кошачье мяуканье раздавалось со стороны дома. Собак не видно. Светился только один фонарь, да и то с другой стороны бассейна.

— Сначала ты мне должна сказать, что любишь меня, — настаивал Джонни.

— Скажи правду, Джонни. У тебя что — в Йоханнесбурге был только один этот костюм?

— Я не отпущу тебя, пока не скажешь, — твердил Джонни.

— Джонни! — она залилась громким смехом.

— Умоляю тебя, скажи!

Он добрался до стены, за которой можно скрыться. Надо спуститься с террасы по столбу. Босиком это можно. Женщина говорила:

— Что, обязательно надо говорить? Разве так не видно?

— Должна сказать!

Он поднял воротник пиджака, чтобы прикрыть уши и шею. Но все равно было холодно, он дрожал.

— Ну ладно. Люблю, люблю.

Она говорила, продолжая похохатывать.

— Нет, так не пойдет! Ты говоришь так, как будто я ставляю тебя, как будто боишься. А завтра обязательно заладишь, что я угрожал тебе пистолетом.

— Не начинай опять, — сказала она.

Он добрался до края ограды, схватился за нее, нагнулся. Увидел основание столба. Из комнаты доносился шепот. Они разговаривали по-английски, тихо посмеиваясь. Услышал ее голос, с хрипотцой, капризный:

— Ты не должен был этого говорить.

Одну ногу он перенес через решетку, схватился рукой за прутья. Джонни что-то ответил и громко засмеялся.

— Ты чуть не сломал ему шею, — сказала она.

Он повис на решетке, ногой нащупал столб. Шепот едва доносился. Теперь он уже не различал, кто из них говорил. Характерное сопение Джонни ему уже знакомо. Он обвил ногой столб, перенес руку, потом другую, и потихоньку сполз вниз. Услышал глухое ворчание собак. Нашел ботинки. Отец всегда поджидал его перед гаражом. Обычно просил: «Дай, сынок, мне».

Если у него был чемодан или какой-нибудь сверток — отдавал. Единственную зеленую улицу они проходили по краю тротуара. Отец спрашивал: «Что нового?» — «Все в порядке».

Начиналось всегда именно так. Раз в две недели он навещался в Абадэ, вечером по средам. На рассвете возвращался, отец провожал его, сигарета в зубах, шляпа в руке. Отец говорил: «Я слышал, вы бастуете?»

Он знал все новости. Потом рассказывал о себе: «Наше поколение, сынок, проиграло. Или я проиграл. Я уже говорил тебе. Раньше нас уверяли, что главная проблема — сохранить страну Советов. Когда дошла очередь до нас — обсуждали вопрос о приоритете Китая или страхе перед третьей войной. Я был молод, был глуп. А что было потом — ты сам знаешь».

Как-то ночью всю дорогу он говорил о кандалах, о том, как их надевают, а когда подвешивают гири — в плечах рвутся связки, грудную клетку пронизывает нестерпимая боль. Отец говорил: «Человек не может выдержать долго».

Тогда отец потерял сознание. Подойдя к бассейну, он поднял голову. В спальне горел свет, края жалюзи оранжево светились. Выше жалюзи были два ярких окошка с цветными витражами. Собаки залаяли. Их не видно. Не доходя до беседки, повернул. Надо было обходить бассейн с другой стороны. Потом надо одним прыжком, схватившись за край стены, взобраться наверх. Он поднял голову. Чей-то силуэт в рамке жалюзи. Это Джонни. На голове у него высокая шляпа, на плечах — габа. Ухмыляется. Он спрятался за дерево. Джонни не видел его.

Что-то сжало ему горло. Так бывало каждый раз, когда он вспоминал о матери. Они всегда ждали в конце улицы, где

кончались ряды фонарей. Старшая сестра с ребенком на руках присаживалась на каменную скамью, два младших брата — напротив, на другую скамью. Отец говорил: «У политики нет ни отца, ни матери. Человек не знает, в чьих руках находится конец нити, ты должен подумать о них. Со мной уже все кончено. У меня нет больше сил».

Появлялась окруженная вопящими детьми мать, с платком на голове, с засученными рукавами. От нее всегда исходил свежий запах молока. «Видно, мать, ты снова приготовила шами-кебаб?» — спрашивал он.

А мать всегда отвечала: «Почему ты так похудел? Разве тебе не хватает еды?»

И пока он нагибался, чтобы погладить головы мальчиков, мать краем платка вытирала глаза.

Он надел ботинки, носки в карманах, ученическая тетрадь — в левом. Осмотрелся. Джонни уже нет в рамке жалюзи. Перебежал от дерева к дереву. Пока бежал к стене, услышал лай собак, заметил их тени у края бассейна. Прыгнув, схватился за верх стены и подтянулся. Не смог подтянуть левую ногу. Услышав глухое рычание, оглянулся. Одна из них схватила его за штанину и рванула. Вторая прыгнула вверх, скребнув когтями по стене. Громко рычала, открыв пасть с белыми зубами.

Он дернул ногой, она тянула, не отпуская. Штанина уже трещала. Он еще дальше подтянулся вверх и дернул ногу. В икре почувствовал обжигающую боль. Теперь, высвободившись, лежал на каменной поверхности стены. Обе собаки подпрыгивали и скребли стену когтями.

Раздавался смех ее и Джонни. Они смеялись оба. Горел на террасе фонарь. Женщина наклонилась над ним. На Джонни рубашка без воротника, сейчас он натягивал жилетку. На ней ночная рубашка без рукавов, распущенные волосы падали на плечи. Он щекой прижался к холодному камню. Потянул двумя руками концы воротника, чтобы прикрыть голую шею. Не вышло.

Отец тихо говорил: «Вам надо быть настороже, чтобы не оказаться орудием в чьих-нибудь руках. Мы-то ведь проиграли, наше поколение околпачили. Конец нити был у других. Мы все ждали, что придут — нас освободят. Ну что ж, не вышло. Знаешь, мы, я и еще несколько приятелей, ждали в условленном месте двадцать четыре часа, может быть, даже сорок восемь — по очереди несли караул. Нам сказали: ждите, пока не получите приказ. Наверное, собирались устроить переворот. Они только тратили время попусту. Я считаю, они нарочно послали нас за птичьим молоком. А потом вернулся наш связной и приказал разойтись. Мы ответили, что пока подождем... Говорили: «Международное положение...», «Соотношение сил...» А потом пришли и забрали всех нас по-одному. Садигэ тогда был один год. С матерью приходили навещать меня».

И однажды вечером он, наконец, признался: «Послушан отец, я боюсь, только в этом дело. Иначе давно бы уже начал».

Сейчас он тоже боялся. Но что-то согревало его тело, что-то такое, что не знало страха. Помнил, как был в анатомичке. И все. Встал и пошел по стене. Левая нога горела. Собаки бежали в сторону террасы. Фонарь около ворот горел, фонарь в сторожке горел тоже. За окном он различил лицо Фатьмы с толстым носом, который еще больше расплющился на стекле.

Если бы он прошел до конца стены, то достиг бы крыши сторожки, а за ней уже переулок. Нет, не мог. Повернулся, взглянул. В раме жалюзи усмехался Джонни. Нагнулся, смеясь, показывая на него. Что-то говорил. Было не слышно, о чем он говорил. Спрыгнул со стены. Прошел между деревьями около бассейна. Протянул руку, чтобы сломать ветку. Собак не видно. Она предупреждала его, чтобы не влезал на стену. Дошел до беседки. Рахим был у ворот. Откуда-то повизгивали собаки. Рахим открывал ворота. Отец сказал ему: «Я слышал, что вашего преподавателя арестовали».

— Да, отец.

— У него было оружие?

— Да, отец.

Отец взял чемодан в другую руку: «Игра в анархизм — это левацкие штучки. Они этим подталкивают правительство вправо. Чем больше они выпустят пуль и снарядов, тем больше будет шума от выстрелов, тем сильнее будет реакция. Ведь колесо истории нельзя повернуть. Не так ли?»

Он отвечал: «Отец, у вас все было, кроме революционного порыва и желания изменить мир».

Отец поставил чемодан на край тротуара: «Изменить голыми руками? Пойдите, это ведь не наше с вами дело, это задача рабочего класса. Для этого у нас есть металлургический завод. Предпосылки подготавливаются. Вы не даете. Разве плоха была земельная реформа? Мы же тоже этого хотели. Но вы, вместо того, чтобы поддержать, хотите все задуть. Вкладываете меч в руки разбойнику, чтобы он завтра имел предлог вломиться в наши дома».

Он отвечал: «Будет, отец. Что плохого, если они придут в наш дом? Вы сидите и слушаете свой приемник, а я учу свои уроки — это же не преступление».

Отец тогда закричал: «Ты издеваешься надо мной? Я знаю, у меня есть опыт. Я не хочу, чтобы ты попал в тюрьму. Я не хочу, чтобы ты испортил себе жизнь».

Рахим около ворот ждал. Взглянул на него. Густые брови, маленькие глазки. На серых усах желтизна от сигарет. Остановился рядом с ним в ожидании. Женщина была на террасе, собаки вокруг. В упор посмотрел на Рахима. Он был уверен, что тот заговорит, заговорит в конце концов. Рахим не подавал виду, но правая щека подергивалась. Он спросил:

— Ну?

Чтобы не закричать, он произнес «Ну?» Чтобы не расплакаться от схватившего горло спазма, сжал кулаки.

— Я, я... не виноват. Вы поймите, жена... жена, двое детей. Меня тут же уволят...

Он изо всей силы кулаком точно в нос ударил Рахима. Понимал, что должен ударить, почувствовал, как нос Рахима расплющился под кулаком. Выскочил из ворот. Радость свободы после всего помогла ему пуститься так быстро, что никакой Рахим не мог бы его догнать. Собаки заливались лаем, но он был уже далеко. Завернул в какой-то проулок. Зеленый, с журчащим арыком и с холодной, наверное, водой. Холодный ветер навстречу. Над воротами какого-то дома горел фонарь. Он обернулся. Никого.

«Отец, отец! Я переполнен. Все мои поры переполнены не алкоголем, не никотином, они переполнены болью. Болью твоих рук в колодках, которые надел на тебя полковник Сияхатгар. Болью твоих горящих рубцов от ударов плетки. Светом лампадки в маленькой комнате матери. Заплатками на наших носках!»

Отец говорил: «Что с нами будет — с детьми, с сестрой? Посмотри, она развелась и вернулась с ребенком. И брат твой вкальвает, но все без толку, к тому же — эти два ребенка. Вся надежда на тебя. А здесь, как видишь, нужен врач, здесь нет ни одного настоящего врача».

Он отвечал: «Вижу, отец. Я по горло сыт всем тем, чего у нас «не было», «нет» — не могу всего этого переварить, отец. Не получается. Желудок не справляется, как с сырым мясом».

Отец поставил стакан с чаем на стол. Пожевал кончики седых усов и сказал: «Я приехал сюда, понимаешь? Я похоронил себя заживо в этой развалюхе. Зачем, а? Чтобы они забыли обо мне. Я завел эту лавчонку, чтобы они не вспомнили обо мне. Прекратил все отношения с друзьями. Я, правда, их иногда встречаю, ну так и что? Они говорят, что мое дело еще не закрыто. Раз в год вызывают, чтобы напомнить. Я говорю, что распрощался с политикой, забыл все. А теперь ты меня упрекаешь? У меня теперь только этот приемник. Мать попрекает меня из-за него — голова у них болит от приемника. Ты тоже дуешься, посмеиваешься надо мной. Издеваетесь над отцом. Твоя мать боится, что кто-нибудь может услышать. Она говорит, что у меня — сын, если они будут обыскивать и раскопают книги, что делать тогда? Видишь? А еще ты... тоже...»

Он отвечал: «Отец, ты меня воспитал. Первое слово о политике я услышал от тебя. Ты помнишь? Ты рассказывал об офицерском кружке, как их забрали! Как все было легко, как просто! Тетрадь с цифрами и их именами была на письменном столе, — не помню, у кого. Ты говорил, на стенах ваших камер были призывы, еще сохранились их стихи.

Даже темные пятна их крови ты видел на полу. Ты говорил, они пели во время расстрела. Один не разрешил завязать ему глаза, привязать к столбу. Но я переполнен этой темной кровью, сгнившими книгами, зарытыми в твоём саду, огнем и дымом спаленных книг».

Отец говорил: «Я хотел, чтобы ты знал, чтобы ты действовал с умом».

«Нет, отец, я только плакал, я всегда плакал, я переполнен плачем. В ту же ночь, когда услышал об офицерском кружке, я пристрастился к сигаретам. Я подкрался к твоему изголовью, взял пачку сигарет, открыл ее и взял штук десять. В полночь я снова приходил. Утром ты все понял и на следующий вечер положил в нишу моей комнаты пачку «Винстона». Теперь, я, отец, полон дыма твоих сигарет «Винстон».

Отец убрал звук своего приемника: «Не могут, только самых лучших посылают на смерть, идиоты! Жаль молодых, жаль всех этих сил, разве так можно? Есть ли разумные причины всему этому?»

Остановился, тяжело дыша, около арыка. Сказал: «Видишь, отец?»

Потоптался тихонько.

Сказал: «Я всегда подчинялся, был первым учеником. У меня еще осталось сто грамот. Все мои отметки были всегда двадцать, даже по ручному труду — двадцать. Наказаний — никогда, нулей — никогда. Прогулов — никогда. Никогда не выгоняли из класса. Поведение — двадцать. Конкурс тоже прошел, оставалось только четыре года, отец, нет — только три».

Начал пританцовывать.

«Я всегда танцевал, как медведь, отец, ты сам говорил, что медведю подставляют горячую медную сковородку, чтобы он плясал. И он пляшет. Бьют в барабан, дудят в трубу, а медведь танцует: переваливается с ноги на ногу, иногда даже помахивает лапой. Ему больно, обжигает, вот он и двигается. Я танцевал, отец, только танцевал. Бехзади, наш бывший преподаватель анатомии, — он не хотел танцевать под музыку саза тех или иных. Поэтому он ложился на голую землю, поэтому он бегал, каждое утро бегал босиком по камням в горах. Я видел, отец, как ребята, сокурсники, начинают потасовку, в шутку дерутся, но бьют по-настоящему, так, что избивают друг друга. Даже руки выкручивают или сигарету гасят о ладони, чтобы научиться не бояться. Сяхатгара из вашего поколения или Надери — из нашего. Но я сыт твоими рассказами, твоими наставлениями, голосом диктора твоего приемника, сыт «мирным сосуществованием», сыт запахом паленой кожи, твоими нашептываниями, инструментами «Made in USA», торговым обменом стиральных порошков на русское оружие, присутствием иностранных особ на праздновании 2500-летия шахской династии, сыт

от тысячи тысяч девочек-китайнок с цветами в руках, стоящих у трона ее величества шахини».

Голова его закружилась, он схватился за дерево, сказал: «Я сыт тобой, отец». И нагнулся к арыку.

Присел, его вытошнило, вывернуло всего наизнанку. Сказал: «Видишь, отец, вот это все, только это и есть».

Сказал: «Я боюсь, отец, напуган, напугали».

Протянул руку. Вода холодная. Ополоснул руки. Набрал воды в пригоршни и из ладоней плеснул на лицо, шею, голову. И отправился. Слева был переулок, длинный и узкий. Ни над одной дверью не светился фонарь. Дуновения ветерка доносили запахи реки, тины. На дереве чирикали воробьи. Остановился. Глубоко подышал. Пошарил в карманах. Выбросил пустую пачку из-под сигарет. Вскоре увидел вдали у горизонта металлический блеск предрассветного неба. У тлеющего костра сидел дворник, прислонив к дереву метлу.

— Папаша, нет сигареты?

Мужчина взглянул на него. Глаза блестят, небрит. Покопался в карманах, достал пачку. Сигарета была только одна.

— Оставь себе.

— Бери, бери, юноша. Я только что выкурил.

Присел рядом с костром. Прикурил от зажженного прутика. Вспомнил, очень ясно. Как будто не во сне, а наяву: он и другие студенты наклонились над трупом, а преподаватель анатомировал. Услышал его голос, объясняющий урок. Слова не вспоминались. Только ощущал, что его речь похожа на молитву, однообразную и размеренную. А потом представил лицо покойника. Такие же очки, такие же скулы, как у доктора Бехзади, даже подбородок похож. Он резал. Отбросив простыню, ножом надрезал белую кожу живота. Разговаривал и такой же белой, костлявой рукой вынимал внутренности, показывал их одну за другой. Потом вдруг окровавленным указательным пальцем той же левой руки показал на небо: «Несмотря на все, надо быть осторожным. Если ошибешься — умрет, понимаешь? Зарежешь его!»

Вздрогнул, не от страха. Полсигареты вернул мужчине.

— Спасибо.

Теперь уже утро. У него должен был быть экзамен, экзамен по анатомии.

Перевод с персидского ДЖ. ДОРРИ.

СОВРЕМЕННЫЕ ИРАНСКИЕ ПОЭТЫ

Ахмад Шамлу

Снег

Приветствую снега неслышный полет!
Садись поудобней, спускайся с высот!

Укрой чистотой и надеждой окутай
В ту пору, когда повсеместно разброд.

Наполнены горечью кубки и чаши,
Певец невеселые песни поет.

Со смехом бывшие грехи искупаем,
Но слезы глотает смеющийся рот.

Все та же картина — вчера, как сегодня,—
И год отошедший, как нынешний год.

Спускается на руку птица удачи,
Да поздно — безрукий ее не возьмет.

Дорога уже не крута, а полога,
Да поздно — безногий по ней не пойдет.

Кто жаждал, нашел утоление в смерти,—
Так пламя вбирает растаявший лед.

Все сыты по горло своим обладаньем,
Желанья нашли долгожданный исход.

Так как поживаем? Да так: доживаем.
Вали белый снег день и ночь напролет.

Есть в душе моей пепел остывший,
где таится мятеж огневой.

Есть в душе моей бездна морская,
где тайфун вызревает глухой.

Есть в душе моей топи глухие,
где восходит надежда зарей.

Риза Баракхани

Чингиз-Хан

Меч мой —
Он головы отсекает.
Обезглавленные тела во мрак погружаются.

Вино мое —
Оно из глаз моих в глотки зверей капает.
Опьяненные звери во мрак погружаются.

Руки мои —
Они на рассвете мечом играют,
Всех, кто зрит,— ослепляют.
Глаза ослепленных во мрак погружаются.

Ноги мои —
Они по городам мира как по траве ступают,
Пламя, горящее в храмах, в прах обращают.
Прах и пепел во мрак погружаются.

Сердце мое —
Оно от виденного в содроганье приходит.
Живым и мертвым покой приносит.
Мертвые и живые во мрак погружаются.

И глаза мои —
Они в одиночестве плачут,
Над трупами жертв моих плачут.
И я, одинокий, жертва себя самого.
Плачущие глаза во мрак погружаются.

Перевод с фарси Виктора ПОЛЕЩУКА.

Йоргос Сеферис

*Йоргос Сеферис (1900—1971) —
греческий поэт.
Лауреат Нобелевской премии.*

Июньские дни 1941 года

Вот и новая всходит над Александрией луна,
старую обнимая обеими своими руками,
а мы шагаем сквозь сумрак нашего сердца
к Воротам Солнца — нас было трое, трое друзей.

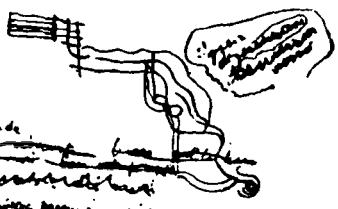
Кто же теперь захочет омыться в водах Протея?
Искали метаморфоз мы в молодости нашей далекой,
в той страсти, что билась огромной рыбой
во внезапно высохшем море, мы верили,
что мы всемогущи. Но нынче —
нынче новая всходит луна,
ту, прежнюю луну обнимая,
а остров прекрасный изранен и тонет в крови,
тот остров спокойный и сильный, тот остров невинный.
И падали мы, словно мертвые ветви деревьев,
словно корни деревьев, вырванные из земли.

Жажда была
словно всадник бессонный, безмолвный,
закованный в мрамор пред золотыми
Воротами Солнца; она прячется здесь,
на чужбине, рядом с могилой великого Александра.

Крит—Александрия,
май—сент. 1941

Утро

Вот и утро—открой же глаза! Разверни, распахни
эту плотную черную ткань—
взгляни на нее, не бойся! И поверь,
что уже не во сне, не в воде и не в тяжком
бреду, что морщины на веки наносит,

Questi alcuni con una stada
 questi venti incidenti, ~~questi venti incidenti~~
 dove non ~~potrebbe~~ ~~potrebbe~~ ~~potrebbe~~
 un'istituzione
 la ~~potrebbe~~ ~~potrebbe~~ ~~potrebbe~~
 del ~~potrebbe~~ ~~potrebbe~~ ~~potrebbe~~
 da un ~~potrebbe~~ ~~potrebbe~~ ~~potrebbe~~

~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 sono ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 dove ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 prima ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~

tanto ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 ai ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 fare ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 prima ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 di ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 sopra ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 il ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 non ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~

~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 di ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 di ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 di ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 di ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 di ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 di ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 di ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 di ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~

~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 di ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 di ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 di ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~

~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 di ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 di ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~
 di ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~ ~~questi venti incidenti~~

S. Desiderio
 agosto 1945

Черновик итальянского поэта Сальваторе Квазимодо

точно трещин узоры на сомкнутых створках моллюска,
 что уже не во сне распускается черная ткань.
 Взгляни — и увидишь, как плотная ткань барабана,
 словно черная кожа, затягивает горизонт —
 нет, тебе отдохнуть не придется.
 Между двух равноденствий, меж весен и осеней быстрых
 пробегает вода
 через сад, где в ветвях многозвучные пчелы поют,
 отзываясь в ушах сладко спящих детей. И восходит
 необозримое солнце, свой свет золотой изливая,
 райским птицам сигнал подавая: увертюру начать! —
 всемогущее солнце свой дар безвозмездный приносит...

Мгновения радости

Утро настало, и нас навестила радость,
 бескрайняя радость.
 Сверкали камни, цветы и деревьев листва,
 светило ясное солнце —
 шар необъятный в немой высоте, обросший шипами.
 Нимфа, унесшая наши печали, растаяла
 между деревьев
 в лесу — меж деревьев Иуды. Пляску
 фавнов и эротид, обнаженных, как дети,
 радостный розовый хоровод на беззаботной заре,
 под черною тенью лавра,
 видели мы на рассвете.
 Радость застала нас утром —
 и стала истоком пещера, юных фавнов отверзтая
 розовонежной пятой: ласковый хохот раздался!
 Дождь и гроза прервали зеленой земли дыхание.
 Умчался смех златоустый, и ты прилегла в шалаше,
 крепко зажмурившись, чтобы увидеть архангела,
 идущего к нам с огненно-светлым мечом.

«Так не бывает,— сказала ты,— так не бывает:
 не понимаю тех, кто, играя цветами деревьев,
 остается угрюмым и мрачным
 до конца своих дней».

Пендели, весной.

Эротикос логос

Куда ушел день коварный, все изменив однажды?
 Разве нет больше рек, чтоб наши суда унести?

Нет разве неба, чтоб исцелить нас от жажды,
Чтобы душу от лотоса ласковой неги спасти?

С окаменелой надеждой мы поверить готовы сказке:
Занавес распахнется, и станет явью мечта.
Мы ангела ждем, как древней драмы развязки
На закате, когда умолкают робко уста

Алых роз... Роза алая ветра и судеб усталых,
В памяти жить ты осталась, но памяти шаток мост.
Ты ушла, стала сном, тяжким ритмом шагов запоздалых,
Перекатами близкого шторма на море... Мир прост.

Афины, окт. 1929 — дек. 1930

Мифисторима III

Вспомни страшные купания!*

Эсхил. Хозфоры

Просьшаюсь со мраморной головою, и руки немеют
под ее тяжким весом — что с нею делать,
не знаю.

Она вторглась в мой сон, когда я уже был
на пороге яви, и сплелись наши судьбы, и их уже
не развести.

Я гляжу ей в глаза — ни закрыты они, ни открыты.
ко рту ее обращаюсь, готовому высказать нечто,
и за щеки беру. — и отделяются щеки от кожи.
Сил моих не хватает —

и руки мои, как чужие, ко мне возвращаются снова
отломленными.

Перевод с новогреческого Евгения КОЛЕСОВА.

* Пер. С. Апта.

МУРЗИЛКА

*...Вы же знали того самого Мюгюэти
всегда с флердоранжем в руке? Так
вот! Он отравил себя глазом трупа.*

КСАВЬЕ ФОРНЕРЕ

Для читателя, лучшее, что удалось в наши глянцевые, сказочные времена Андре Бретону — то, как он заставлял его признавать за одиноким искусством жизни подлинное, сродни магии, творчество. Из всеобщей истории экстравагантностей он вынес перед нами его философский камень, преобразующий косность любых условий — доблестное бескорыстие. Так или иначе, его рассказам мы обязаны примерами чистоты «деяния», прогулок по жизни, за которыми все качество творения проявляется очевидно и, как говорится, без рук.

Эти люди никем не заняты, от них поочередно отказались история, этика и медицина, поэтому случайные доброжелатели принимают их за художников и по-своему правы. Однако, это искусство темное, как ночная Венера, которая не продается, и не купить.

Странности судьбы, напоминающей истовый и бесполезный труд китайского резчика, ближе всего поэзии, искусству настолько же неуловимому, избегающему слов таким образом, что те переворачиваются, как побитые мишени, картинка, которая, по воле своего лукавого мастера подвешенная вниз головой, дает неожиданный пейзаж. Бретон, учившийся медицине, разбирался в симптомах. Как испытанный библиофил, поэт искушал своего читателя Книгой Истории, раскрывая ему незамеченные ссылки, комментарии и нота бене, так, что она вдруг каббалистическим образом исчезала вокруг него.

Я слышал, это та самая «Черная Книга», о которой давно рассказывают на Украине, что она под спудом, ее знают

только волхвы и чаровницы, а найдется она в последние времена. Еще говорили, и более правдоподобно, что это — рукопись сошедшего после переворота с ума профессора из Петербурга, одно время ходившая у оккультистов, после расстрела последних то ли сгоревшая, то ли пропавшая в коммунальных катакомбах. Возможно, кто-то и сейчас надеется найти ее неразобранной, в спецхране или в одном Большом Доме на Литейном проспекте.

Призраки желанного чувства, восковые персоны и дежавю, сквозняки, гуляющие в провалах нашей сентиментальности, дают эти легенды, привычки, упрямые суеверия. Ведь почти все, что мы помним из нашей жизни еще сорока лет тому, сказки. Но неизвестное, скрытое от уверенной подслеповатости, обладает еще большей силой, чем знание. Это незримая сумма судеб, забытых или обманутых нашим воображением, ведет нас по Петербургу в тумане, постукивая белой тростью.

Позже, вечером, когда проходишь по недавно еще солнечной стороне Невского проспекта, в толпе возникает ощущение, что, как в «Оле Лукоие», дух прожигателя жизни бродит, заглядывая в витрины, выстукивает по запертым дверям, прислушиваясь, как щелкают цифры автоматического казино. В этих местах, не доходя до Вокзала, он потерял жемчуг, рассыпавшийся по тротуару, в сумерках это легко спутать со светлячками, пургой носящимися вокруг от сутолоки и электричества, к тому же прошлое и теперь создает просто невыносимую давку. Он в белом плаще, шляпа, трость и перчатки — все белое, и сигарета, и даже очки изморозились. В старину те, кто его видел, принимали за мельника, и правда, у него есть свои чары.

Но меня, когда я спускаюсь от этих миазмов в кафеинный подвал, кроме загадки не покидает и суеверный страх. Я помню поверье, что самоубийцы имеют несчастную, беспокойную слабость покидать свое тело, блуждать, как бродили при жизни, по улицам, от скуки одолевая нас кошмарами и заставляя проделывать странные вещи. Ведь именно скука, говаривал Жак Риго, доведет до Рима.

И еще мысли; только ли те самоубийцы, кто с силой и разом вышли из физической жизни, нет ли здесь и другого порядка вещей, а значит, и патологии? Какие ее правила, не представляет ли и моя жизнь ее случай, о котором еще неизвестно, нет ли такого яда, который я очень давно, ничего не зная, выпитываю, и в чем он, если я все ищу, не нахожу ничего? Не составляют ли все эти люди, которые так очевидно объединяются в моем сознании, сговора, тайного общества, особенно властного и разветвленного потому, что его нет? Да, и еще почему самоубийство всегда как-нибудь связывается с любовью?

Если от таких людей остаются книги, то чаще чужие, даже и не на память, а просто случайно зачитанные навсегда.

У меня тоже от приятеля, которого нет, лежит довольно истрепанная книжка с еще, кажется, новеньким его экслибрисом. Это старинные выпуски «Приключений Мурзилки и лесных человечков», не тех, впрочем, которые поменяли свои метрики и нанялись в «Рабочую газету», — теперь они получают карточки старых большевиков, — а еще петербуржцев, потом эмигрантов. Книга, изданная в Париже, пахнет трухой и паленым. Знак моего приятеля, маленькая ксерография, изображает древнейший со средневековья экслибрис. На нем виселица, повешен Пьеро в своих балахоне и шапочке, под виселицей скрипка и трубка. Надпись на «поросячьей» латыни французских студентов, как обычно, о том, что здесь повешен Пьеро, не вернувший книжку.

От нее еще больше не по себе, потому что в клубах зеленоватого дыма, где приятель пытался углядеть себе одну дамочку, его вынесло за окно, и свысока; как я теперь отдам его книгу? Что меня ждет, если я не могу понять, как это человек, после кофе спокойно выкуривший — до фабрики — свою папиросу, встает, закладывает книжку и, накинув пальто, выходит из комнаты в никуда, бросив спичку на ворох бумаги, раскиданной по столу?

Я не случайно спутал последний вечер моего приятеля с первыми страницами «Шампавера»; часто, думая о нем, я вспоминаю Петрюса Бореля, пугающего поздних парижских прохожих своей причудливой накидкой «цвета польской крови». В одиочестве, в боли, с которой ему давался каждый искусный шаг, как угаданная карта, есть волевая сила, близкая характеру Ликантропа. Я чувствую, что когда он вылетел, опрокинутый, из своего окна, то оказался в мире, где все читается наоборот. Может быть, его счастье; его эпитафией может быть «Эпизод корейской войны», некогда пересказанный нашим «Синим журналом» по воспоминаниям г-на Бамблби, английского консула в Тянь-цзине.

На исходе кампании 1895 года, уже после побед при Асане и Сонхуане, отряд японской разведки натолкнулся у переправы с труднопроизносимым названием на передовые расположения хунаньской армии. После первых, церемониальных выстрелов китайцы выстроились в боевые ряды, причем обнаружилось, что кучке «пионеров» противостоит воинская элита, штабные офицеры и лауреаты литературных экзаменов; на их шапочках были одни тигры и леопарды. После того, как шеренга за шеренгой они, расступаясь, выполнили перед японцами все доступные воображению чудеса боевого искусства, их порядки незаметно, с почтенным изяществом, отошли, так, что вскоре скрылись из глаз. Близкое поражение казалось неизбежным. Здесь командир отряда, капитан Оба, подошел к речке и, расстелив шинель, мысленно обратился с краткой речью к своим солдатам, а потом совершил харакири; его подхватил адъютант, который на взмахе сабли, по кодексу, отрубил капитану голову.

Сомкнув ряды, солдаты ринулись вперед и, согласно субординации и старшинству, весь батальон последовал за командиром, не считая проводника, корейца, который и сообщил в расположение полка о самой блестящей победе, достигнутой имперской армией в ходе войны.

Однако меня, очень занятого предупреждением на ксенографии, волнует не сам поступок, который можно объяснить и аффектом, а скорее то, когда выносится приговор. Петрюс Борель, Ликантроп, изображенный в черном, держащим у груди кинжал, умер вполне случайно. «Черный человек с белым лицом», Ксавье Форнере, спавший в гробу, воспользовался им совершенно естественно путем. Романтики, сделавшие Смерть своей любовницей, праздновавшие Парижскую Чуму, отголоски которой в маленькой трагедии Пушкина, так жили с этим своим будущим, как будто будущее никогда не придет. Даже и Жак Риго, Первый Самоубийца сюрреалистов, «Риго-Смерть», покончил с собой только на четвертый раз. Что касается моего приятеля, то о его самоубийстве можно судить по его же словам, но не по самому случаю, который легко мог оказаться несчастьем.

Он вообще напоминает мне того Мурзилку, чей портрет на обложке книги, самого умного, ловкого и храброго среди лесных малюток. Он одевается лучше всех, по картинке, которую сам разыскал в модном журнале. Его высокая, лоснящаяся шляпа-цилиндр куплена в лучшем парижском магазине; таких красивых ботинок ни у кого нет, а тросточка, с которой он никогда не расстается, это верх изящества. В одном глазу он носит стеклышко, но не потому, чтобы он плохо выглядел или был близорукий, а потому, что он находит, что это очень красиво. Когда он идет куда-нибудь в гости, то всегда в петлицу втыкает розу и надевает высокие, белые, как снег, воротники, которые очень к лицу. Над ним смеются все лесные человечки, что он щеголь и франт, и даже (он этого не скрывает) зовут его «Мурзилка Пустая Голова».

— Но, конечно, — говорит он, — это просто из зависти. Разве на «пустой голове» сидела бы так хорошо высокая шапка? Понятно, нет! А носить так изящно стеклышко в глазу и держать так ловко трость, и ходить так легко, в таких изящных ботинках с длинными, узкими носками, разве в состоянии была бы «пустая голова»? Конечно, нет! У меня голова не только не пустая, но напротив, полна самых умных замыслов.

Правда; теперь, когда я не вижу его живого, в моих воспоминаниях манера держаться, легкость и интонации сами собой рисуют маленького дэнди, «глоб-троттера», изобретателя и чудака. Он позволил себе роскошь, мысли, которые можно не продолжать, замыслы, осуществимые только в воздухе. Он мог бы стать живописцем, если бы не выдумывал картин, которые можно представить, но нельзя нарисовать; писателем, если бы его образы не выражались в словах.

непечатных не потому, что они гадость, а потому, что их быть не может. Впрочем, с таким же условием он мог бы стать пчеловодом, картографом, брокером или пожарным. Во время наших прогулок он вел себя, как советский разведчик в глубоком тылу врага. Да, его последняя записка подписана «Капитан Клосс».

И еще, Чилим Салтанов, Радж Капут, Семен Растаман и Марлен Заич Мепет-Мепе. Уже в том, как он любил все эти переодевания, двойники и прочее альтер эго, можно понять, почему его исчезновение подогревает мои страхи. Не есть ли эта подозреваемая мной патология, диковинное произрастание человека, в его желании стать тем Фантомасом, который стремится к власти над миром, распространяя себя до его подобия? Какими словами он поджидает момент, когда невероятные измышления Парацельса вдруг сбудутся, уже помимо его самого?

Тем, кто незнаком со слов Альфреда Жарри с делами и мнениями д-ра Фостроля, будет интересно узнать, что есть дисциплина, которая то же по отношению к метафизике, как последняя — к физике. Однако, в отличие от обеих, применяется только в оперативных целях. Основания патафизики были заложены на заре века сильнодействующих средств, на неиспорченный организм она может подействовать, как называют медики, парамнезией, а по-нашему, сделает из него «гага». Мы обращаемся к ней в трудных случаях, когда странности и парадоксы сделали жизнь эксцентрической несколько выше сил. Здесь и вступает не признающая противоречий «наука воображаемых решений», для которой любая возможность дана реально.

Разгадка загадочной смерти моего приятеля в самом способе ее, точнее сказать, технологии, связанной с превышением обычной дозы. Он умер второй раз, второй смертью, всего лишь шагнув в окно, случайно или ему захотелось, не важно. Гораздо больше, и это вещь близкая, мне интересно, когда впервые. Тогда ли, когда в горьком аромате от папиросы, исполнившем дыхание, ему почудился поцелуй? И голос, который он раньше называл внутренним, вдруг нежно, прозрачно заговорил с ним, в дымке почувствовался очертанием, как будто темная женщина закрыла ладонями его лицо, а потом вихрем карт разлетелась по комнате, в окно, и перед ним открылся город, и она в нем, и он, и он в ней. С тех пор каждое его движение, его прогулки составляли танец, которым — не понимаю, как — он призывал тот момент, когда она зашла к нему и села на его колени. Возможно, она была в вечернем платье, каучуковых перчатках и хирургической

маске. Он развязал маску, она наклонилась и поцеловала его, так, что стала его, совсем близко. Все остальное как кинолента, склеенная из счастливых концов.

С моих слов записано верно. Я мог бы этим закончить, если бы то, что я рассказал, было настолько неправдоподобно, что не случилось бы и со мной. Я никогда не стал бы писать о том, кто, удерживаясь за шасси, выдержал шестичасовой перелет над океаном, или кого всей швейцарской семьей — Робинзон — оставили на озерах в Африке. Но суеверные опасения, кошмары ребенка, которому показали мушкетера, заставляют писать, освобождаться, пока мое любопытство не пересилило здравый смысл. К тому же, когда я прочел у Пико делла Мирандола о «поцелуе смерти», или «союзе поцелуя», у меня начались проблемы с женой.

Я верю, что чем больше я буду проникать в жизнь моего покойного приятеля, входить в его роль, тем вероятнее, что он своей гибелью спасет меня, как каскадер, подменивший собой камикадзе. В конце концов, если вспомнить стихи Дени Роша, он был «действительно королевский пилот».

Графика Линды БИШОФ.

Григорий Капцан

Григорий Капцан (1954 г.) — художник, поэт. Родился в Фергане. В 1990 г. эмигрировал в Израиль. Преполагает в художественном колледже в г. Хайфе.

СОСТОЯНИЕ, ЗНАК

Ничтожество и Божество, растворенное в оболочке человеческого тела, пишет живопись и стихи, живет скромно на земле, где-то на окраине Млечного Пути.

Иногда я забываю ощущать себя человеком, ибо природа моя не имеет очертаний. Мне кажется, что моя живопись — это осколки гигантской вазы, которую я бесконечно пытаюсь склеить. Эта ваза словно айсберг, утонувший во времени и пространстве, — нет возможности увидеть ее смутные очертания, бесконечны превращения ее форм, нет слов, чтобы описать любопытство и восторг, когда видишь линии и цвета в окне, вытканном во мраке белизны еще не включенных механизмов будущего.

Внутри этой вазы происходят бесконечные процессы рождения и распада, я, как муравей, в своем окне вижу фрагменты гигантского взрыва.

Гексаграмма

Торопливые сны —
осколки китайской
вазы —
склеились в паутину
отвесных скал.
Луна захлебнулась в
ущелье, повисла в
гортанной молитве
утренней птицы.
В замурованной
пустоте кувшина
неслись облака
тихой воды.

Принцип сделанности картины, провозглашенный Филоновым, совпадает с моим принципом, когда художественное произведение, являющееся драгоценностью, не теряет своей истинной сути при многократном членении. В маленькой клетке картины, как в кусочке кожи, остается генетический код. Иероглиф, сгусток энергетической информации.

Чжуан-Цзы писал, что жизнь человека между небом и землей похожа на стремительный прыжок Белого коня через скальную расщелину: мгновение — и она уже промелькнула и исчезла. Стремительно, внезапно все появляется в этой жизни, незаметно, тихо все из нее уходит.

В некоторых моих картинах слой за слоем рождаются образы и формы, умирая — рожают себе подобных, этот бесконечный путь, когда одна картина пишется десятилетиями, внутри которой покоятся формулы движения вселенной, несут ответ будущим поколениям, которые сумеют найти ключ к прочтению ЗНАКА. Совершенен тот, кто умеет остановиться на том, что ему неизвестно. Как понять принцип движения, когда человеческая жизнь, спрессованная между прошлым и будущим, лишь малая часть траектории смысла. Этот смысл, утонувший в зазеркалье поверхности картины, обязательно откроется.

Всю свою жизнь я писал живопись, когда кончались краски, писал живопись словами, потом были Дао Дэцзин, Танах, Андрей Тарковский, Сэлинджер, Модильяни, Раби Шломо, Карле Бах, Филонов, потом было безмолвие как бы на полчаса, потом мягкая посадка в аэропорту Лод.

Я продолжаю писать живопись, вплавляя в цветную смертность живописи музыку Моцарта и Карле Баха...

От редакции:

Скоро третий год, как Григорий в Израиле. Он очень много ждет от этой страны. Израиль — вообще — страна ожидания. Будь то ожидание того времени, когда олим заговорят на иврите, или ожидание Мессии, или ожидание мира.

РЕКВИЕМ

РАССКАЗ

Я умер в ночь на среду в крошечном северном поселке Гас-Сале. Я приехал туда последним пароходом, когда уже закрывалась навигация и плавающие по Обской Губе льдины скрежетали об исцарапанные борта. И пристань, длинная и узкая, глубоко севшая в бегущие водяные валы, но удивительно ровная, как хорошо выструганное деревенское крыльцо, была сплошь облита ледяной коркой, на которую я и ступил, оскальзываясь на колчак твердыми подошвами кирзовых сапог. Я был тощ и бледен, я не ел к тому времени четыре дня и потому шел медленно, чувствуя под собой неудержимую трясь худых ног. На самом краю пристани у скрипевшей под тугим ветром деревянной будки стояла пожилая, тощая хантайка, видимо, кассирша, продающая билеты на пароход. Я спросил у нее, где можно пожить, пока идет забойка оленей.

— Та на сапойка пиехал? — удивилась она, откровенно улыбаясь и открывая гнилые, шатающиеся в деснах зубы. На ней была драная волчья доха и потертые унты, все в ледяном крошеве брызг.

— На забойку, — подтвердил я, стараясь не разжимать синие губы, в которые летел мокрый снег.

И хантайка, сделав серьезное лицо, с которого, однако, так и не сошло до конца глубокое презрение, довольно толково рассказала мне, как найти дом одинокой женщины Капы, которая сдает комнаты даже отъявленным бичам.

Всего через полчаса я стоял на полуразвалившемся крыльце и слабо стучался в болтающуюся на засове дверь. Наконец вышла женщина грубого вида. Она была сравнительно молода, лет тридцати пяти, широкозадая, низколобая, с лицом мопса и редкими острыми зубами. Непонятно было, беременна она или из под платья выпирает мощный курдюк жира. Окинув меня неожиданно пронизательным взглядом и выспросив, кто я, откуда приехал, на какой срок и зачем,

она согласилась впустить меня в дом под залог паспорта. Я обещал ей, что за период забойки оленей расплачусь полностью. Она усмехнулась недоверчиво, пожав мясистым плечом.

Войдя в дом, я понял причину такого ее недоверия. За длинным столом, грубо сколоченным из досок-горбылей, сидела накачанная спиртом компания, также приехавшая на забойку. Меня здесь приняли с открытым равнодушием, столь обычным для северной простоты нравов. За полтора месяца путешествия уже перестав удивляться и ни с кем не здороваясь, я выпил предложенный стакан чистого спирта, заел говяжьей тушенкой и с наслаждением ощутил, как отравленная кровь пошла толчками по телу, а оттаявшие мышцы начали отлипать от костей. Набив махоркой «козью ножку», затягиваясь до удушья, начал я рассматривать новых товарищей своих. Было их человек десять. Видно было, что шатались они по северу давно. В дымном парном воздухе заплывали передо мной их лица: широкие, красные, острые, бледные, оскаленные, злобные, суровые, печальные. Разговоры велись именно те, какие я и жаждал слышать: расценки на лесоповале в Александровке и новые трудности поисков золота на Таймыре, выгоды сварочных работ под Норильском и воровские разборки в Уральских лагерях... Диким ветром странствий пахнуло на меня. С юношеским восторгом внимал я каждому загадочному слову. Не об этом ли мечтал я, сидя в уютной ленинградской квартире и со стуком сердца читая о Смоке Беллью? Теперь я тоже отважный путешественник: охотник, рыцарь, бич, волк... В помятые жестяные кружки подливался спирт. Полыхала жаром русская печь. Все громче и отрывистей взрывался лающий хохот. Все милей и добрей становилось лицо хозяйки Капы, так просто и сердечно приютившей меня. И все это неотвратимо сливалось в сумасшедшую карусель...

Потом было беспмятство и жестокое пробуждение. Глубокой ночью, мучимый жаждой, сквозь дремоту слышал я: выл за стеною ветер, гуляла на дворе самая настоящая буря, болтался, повизгивая в ржавой петле, сумрачный фонарь над крыльцом. Но вот к шуму ветра примешался какой-то придушенный стон внутри дома, совсем рядом со мной, где-то за тонкой дощатой перегородкой. Стон становился все громче, пронзительнее, словно кого-то пытали с изувеской изощренностью. Я рывком сел на диване. Сердце билось у самого горла. Пружины дивана предательски хрустели, хотя я был недвижим, как мумия. Стон повторился. Теперь он был ближе, отчетливей, и к нему примешались шаркающие звуки, словно кто-то передвигается на четвереньках. Бесшумно открылась дверь, и я уже готов был выбежать из дома в бующий за окном белый океан. Стонущее существо подползало все ближе. Тогда я с внезапной решимостью рванул из кармана спичечный коробок. Серная головка мгновенно

вспыхнула, и я увидел прямо перед собой глаза Капы, стоящей на коленях.

На вспышку света она почти не среагировала. Руки у нее подламывались, тряслись, ноги раскорячились, спина прогнулась так, словно ее перебили железом. На потное лицо свисали мокрые волосы. Глянув на меня исподлобья и еще раз надрывно простонав, она умолкла и вдруг сказала почти спокойно:

— Хоть один... Все спят... Помоги, мальчик...

И снова надолго замолчала. Молчал и я, не зная, что делать. А Капа, глубоко вздохнув несколько раз, выдавила:

— Что сидишь? Свет включи...

Я снова чиркнул спичкой и сразу увидел у косяка выключатель. Оказалось, что я нахожусь в крошечной комнате, почти кладовке, в которой, кроме меня, никто бы не уместился. Я включил свет, бросил жегшую пальцы спичку. Капа, на четвереньках, дышала хрипло и часто.

— Вас били? — спросил я, дико озираясь.

— Дурак, — выдохнула она. — Скорей, мочи нет терпеть... В моей комнате таз с кипятком. Тащи сюда. Стой! На столе спирт. Хлебни сам и дай мне...

В большой комнате, пережигая спички, я поминутно спотыкался о храпевшие тела. Когда, наконец, вернулся с тазом, Капа, не меняя позы, подала мне капроновую нитку и стала неловко задирать платье на голову. Упершись мокрым лбом в пол, хрипло крикнула:

— Обвяжи поясницу полотенцем... Дави!

Дальнейшее напоминало кошмар. При свете тусклой лампы ползала по полу стонущая женщина, а за ней ходил я, все сильнее затягивая узел полотенца, выдавливая из живота плод. Я слышал, как от боли скрипят зубы женщины, как хрустят, раздвигаясь, ее тазобедренные кости. Время остановилось. А когда оно потекло снова, на диване, завернутый в полотенце и в мою фуфайку, надрывно пищал осклизлый красненький комочек ростом с котенка и уже спокойнее дышала полумертвая Капа. Словно сквозь туман видел я, как идет она к двери с ребенком на руках, и опять погрузился в тяжелое беспамятство.

Потом был сон. Видел воочию я, как по снежной пустыне, проваливаясь по колено в сугробы, идет огромного роста ребенок. Был он страшен и неутешен. Подойдя к нашему домику, он взялся ручонками за крышу и стал шатать ее, плача жалобно, ненасытно... Я проснулся весь в поту и стонал от головной боли так, словно в мой затылок вбил кто-то железный костыль.

Потом снова сидел я за столом с моими новыми друзьями, снова лился в стаканы спирт. Озадачивало меня отсутствие хозяйки, но я понимал, что лежит она в постели. Но каково же было мое изумление, когда появилась она — вполне здо-

ровая — и стала пить наравне с мужиками. Но не сразу заметили они опавший живот этой лошадиного здоровья бабы. А когда увидели — поднялся неистовый крик. «Разродилась, Капочка! Прибыло в пещере, а?.. Праздник, праздник, день рождения!» — орали веселые ребята. А один, высокий и худой, с жесткой улыбкой металлических фикс, встал и предложил: «Уж коль пьем, мужики, за новорожденного, то надо его посмотреть...»

Капа лениво отнекивалась, но вскоре ее уломали. Будто кто мохнатой vareжкой сжал мне сердце: пошла она за ребенком не в свою комнату, а на улицу. Не было Капы минут пять. И вот наконец вошла она — белая от снега, держа в руках большую картонную коробку из-под елочных игрушек. С каким-то добродушием откинула крышку, подала коробку в протянутые руки и ловко закурила папиросу, щуря от дыма правый глаз. Видел я, как поплыла коробка из рук в руки, каждый осторожно брал ее и — один щелкал языком, другой строил глазки, третий показывал рожки, а четвертый даже запел колыбельную «спи, моя радость, усни...» Оглушенный, не веря глазам своим, следил я, как коробка приближалась ко мне. Мой сосед уже принял ее, и, заглянув, я увидел — будто хрустальную, чудесную статуэтку — крошечного мальчика. Он был весь белый; тоненькие ножки, согнувшись, прижимались к животу, а раскрытый рот замерз в неудержимом крике. В одно мгновение запомнил я навек этого замороженного мальчика и за всю свою дальнейшую жизнь не видел зрелища более ужасного. Но никто не заметил дрожи моей, и коробка поплыла дальше, теперь уже в руки улыбающейся криво Капе...

Это было во вторник. А в ночь на среду я умер в той же самой кладовке, где принял скользкого человечка и перетянул ему пуповину капроновой нитью. Умер я потому, что не вынес кошмаров, мучивших меня всю ночь. Опять снился мне огромный младенец. Опять плакал ненасытно, умоляя кого-то о помощи, заходясь в крике. Казалось, от крика у него сдавливается голова. А я лежал в кладовке, весь в ледяном поту, и ничего не мог для него сделать. Под утро я застыл совершенно и вставать не стал, поскольку мертвым вставать не положено. Но меня тогда удивило, да и сейчас удивляет одно: почему же окружающие считают меня живым? Через сутки в кладовку стали заходить бичи. Они трясли меня, даже били, но добудиться не могли. Приходила Капа, щупала пульс и хрипела: «живой...» Но она не врач, она, естественно, ошибалась.

Через неделю меня взяли на вертолет, и я в последний раз увидел этот странный городок Гас-Сале, вернее — тонкие струйки сизого дыма из великого множества черных дыр в снегу — так городок хоронится на зиму метелями. И почему, зачем люди живут здесь?

Вертолет прибыл в райцентр Лабитнанги, там меня по-

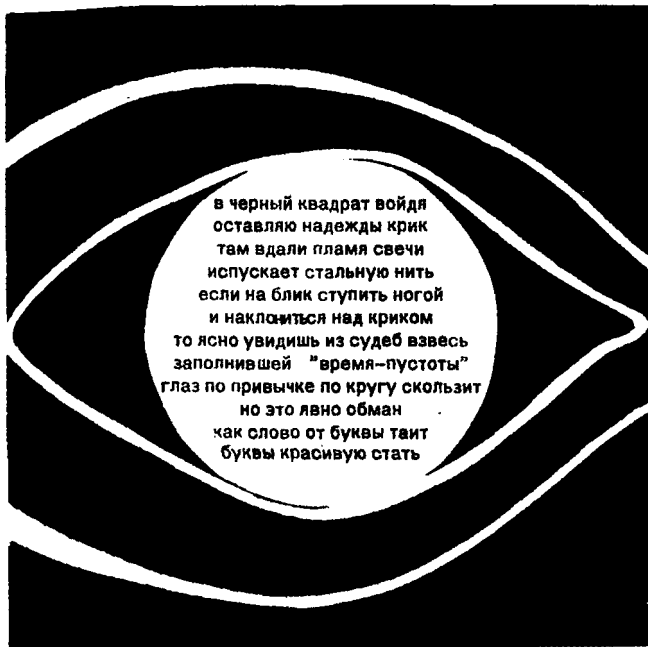
местили в больницу. Даже в отдельную палату. По документам в рюкзаке определили мой ленинградский адрес и до приезда матери делали какие-то уколы. Со мной часами разговаривал доктор, все хотел, чтобы я ответил на его в высшей степени вздорные вопросы. Из этого я заключил, что нахожусь пока в состоянии клинической смерти и меня надеются оживить. Что ж, я не препятствовал добрым докторам, ведь они по-своему жалели меня, кормили жидкой манной кашей при помощи какой-то груши с резиновой кишкой и ставили капельницу. Потом приехала мать, и ее слезы вызвали у меня сочувствие. Истомившись неподвижностью, я начал ходить, и вскоре мать увезла меня в Ленинград.

Я не раз удивлялся, почему клиническая смерть продолжается так долго; ведь меня там ждет мальчик, я отогрею его, и малыш не будет столь одинок. Однажды ночью я стал искать его по квартире, звал настойчиво, мучительно плакал, раздирая ногтями иссохшую грудь, но мальчик не шел, а лишь проснулась мать и стала плакать вместе со мной. В эту ночь я рассказал ей все. Но она, разумеется, не поверила мне.

И тогда я решил прикинуться живым и даже устроиться на работу, но обязательно со служебной жилплощадью. Было радостно видеть лицо матери — такое ясное, любимое. Действительно, зачем понапрасну мучить ее. Я стал много читать, наловчился тонко рассуждать об искусстве, что помогло мне устроиться дворником на нашем участке. Мне дали десятиметровую конуру, где по ночам, запершись, я звал моего мальчика, умолял его прийти. Но прошло лето, затем осень, а он все не приходил. С каждой полочки я покупал ему игрушки, вскоре завалил ими всю комнату. И вот настала зима, завыл ветер, поползла поземка, и однажды ночью он пришел ко мне — фарфоровый, крошечный. Я носил его по комнате, отогревал дыханием и плакал, плакал. Под утро он отогрелся и засмеялся счастливым смехом...

Днем я мету улицы или убираю снег, а ночью играю с малышом. Я теперь отец. Мальчик растет и смеется все чаще. Все больше становится в моей комнате детских игрушек, скоро их некуда будет класть. Правда, мой мальчик пропадает куда-то летом, но это не беда — тем радостнее будет зимой наша встреча. Удивительно, никогда в жизни не знал я такого счастья. Я чувствую себя намного богаче живых.

Эти строчки я пишу поздней осенью. Диктор говорит по радио о циклоне в северных районах и, как следствие, об обильных снегопадах в средней полосе. Приятели — дворники — ходят хмурые: им предстоит ненавистная работа. И только я в радостном ожидании. Скоро повалит хлопьями снег, навьюжит сугробы, ночи станут длиннее и темнее, и в одну из таких ночей снова придет ко мне замороженный мальчик. Он сядет среди игрушек, упрется тонкой ручонкой в ковер, печально склонив пушистую головку, и ласково, весело улыбнется мне. Мы будем играть в кубики...

в черный квадрат войдя
 оставляю надежды крик
 там вдали пламя свечи
 испускает стальную нить
 если на блик ступить ногой
 и наклониться над криком
 то ясно увидишь из судеб взвесь
 заполнившей "время-пустоты"
 глаз по привычке по кругу скользит
 но это льво обман
 как слово от буквы таит
 буквы красивую стать

4786 \$24.95/\$12.98

6643 \$19.95/\$8.98

3998 \$18.95/\$8.98

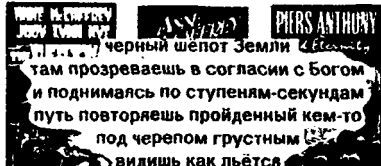
4804 \$5.98

4820 \$18.95/\$8.98

0384 \$18.95/\$8.98

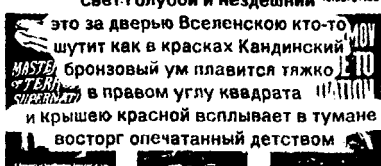
0834 свет голубой и нездешний \$15.95/\$7.98

4645 \$18.95/\$8.98

6448 \$24.95/\$14.98

3533 \$15.95/\$8.98

2864 \$19.95/\$7.98

4448 \$18.95/\$8.98

4448 \$18.95/\$8.98

5314 \$18.95/\$8.98

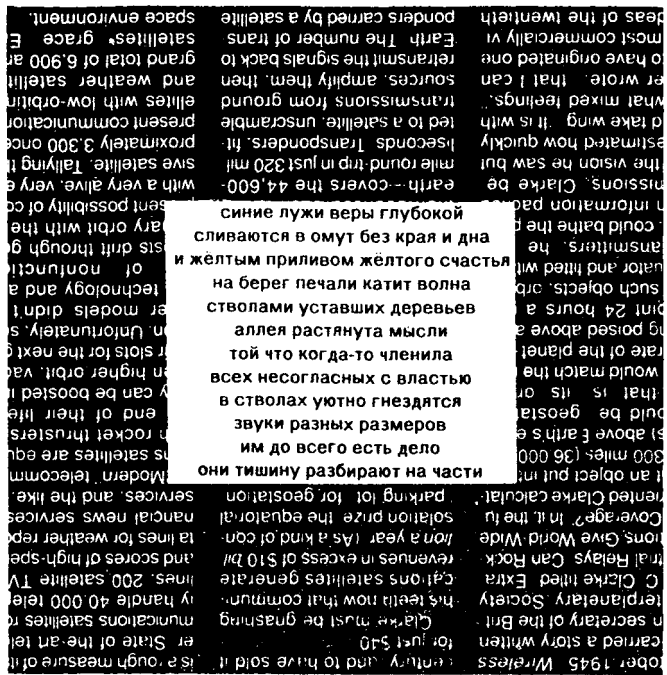

4448 \$18.95/\$8.98

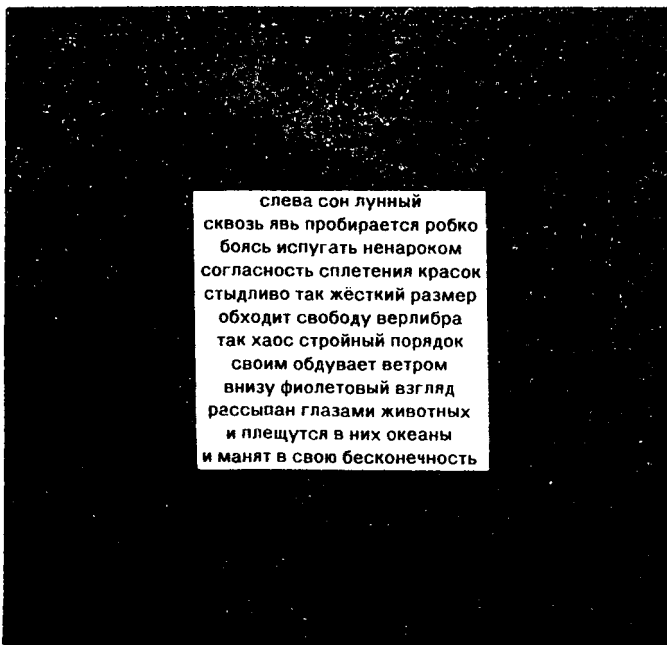

4448 \$18.95/\$8.98

Дмитрий Яковлев

синие лужи веры глубокой
сливаются в омут без края и дна
и желтым приливом желтого счастья
на берег печали катит волна
стволами уставших деревьев
аллея растянута мысли
той что когда-то членила
всех несогласных с властью
в стволах уютно гнездятся
звуки разных размеров
им до всего есть дело
они тишину разбирают на части

слева сон лунный
сквозь явь пробирается робко
боясь испугать ненароком
согласность сплетения красок
стыдливо так жёсткий размер
обходит свободу верлибра
так хаос стройный порядок
своим обдувает ветром
внизу фиолетовый взгляд
рассыпан глазами животных
и плещутся в них океаны
и манят в свою бесконечность

К
В
Е
Р
Ш
И
Н
Е

В
П
О

В **В** **В**
Е **Е** **Е**
Р **Р** **Р**
Т **Т** **Т**
И **И** **И**
К **К** **К**
А **А** **А**
Л **Л** **Л**

Ь **И** **Ь**
Н **О**
Ы **Й**
Й

Д **В** **М**
Е **Р** **Ы**
Н **Е** **С**
Ь **М** **Л**
И **Е** **И**
Н **Н** **,**
И

ЧТОБЫ ПРОЗРЕТЬ ОСНОВУ БЫТИЯ.

Пёсья песнь

«множество старых псов, которые
все имели одну и ту же кличку...»

Г. Гессе

Пока святому Губерту поминок*
Не закатил поскребышек цепной,
Из четырех живых картинок —
Три невозможнее одной.

А там пора идти мириться,
Похорошев от худобы,
И цвета молотой корицы.
Любить потлаенные стопы.

И с этим в пик водобоязни
Сплясать в пределах понимания
За право после смертной казни
Осесть в тени у основания.

Допотопная песнь

Длиннот — на вырост. Минут — в обрез.
Нас любят здесь, мы приняты в домах,
Где сводит сырость, сводя с небес,
Святых угодников с ума.

* Св. Губерт — католический святой, в обязанности которого
вменялось излечивать укушенных бешеной собакой.

Глухая ночь. В скорбях сужает петел
Под топ и лепет ласковый зрачок.
Такие звездочеты есть на свете,
Все могущие знать наперечет.

Но ни один из этих не услышит,
Как сырость метит крестиками крыши.

Или же впрямь бескровней
Дем, или все свет клеветет? *
Опомнитесь, он вам не ровня.
Он — стар. Он теряет вещи.

Вы — неженка. Вы — одет.
Горячка. Он вас не помнит.
Он — болен. Он слег в кювет
Со слабыми легкими комнат.

Карантин. Кювет. Вода.
Качает очами невинными:
Глоточек, вот уже
Аз воздам —
Тепличными георгинами.

* Свет как понятие физическое. Иное толкование автора не устраивает.

IN MEMORIAM

Абдулхамид Чулпан

(1897—1938)

Вон!

Вон! Глаза мои слепящий, лживый свет!
Вон! К огню в душе моей дороги нет!
Вон! Не нужен зорь мне ядовитых мак,
о, не оставь на сердце безнадежный мрак!
Вон! Не затапывай же совесть чистую мою,
не ставь кресты на месте том, где я стою.
Вон! Девятиглавый, шестикрылый серафим,
в провалах сердца эха нет словам твоим!
Вон! Пропади, великий враг любви моей,
среди проклятий собственных себя развей!

Не отыскав дорог, погибли старые друзья,
и высмеяли это новые друзья,
и если не пойду по этому пути,
скажу, что не спасет он, если некуда идти,
поведай, на какой наставил бы ты путь?!
Как ты сумел бы у беды меня свернуть?
Нет, голос груб... мучительно лицо твое.
Вон! Не поверю в имя вещее твое!

Вон! Не читай мне свитки ангелов своих.
Вон! Не рассказывай легенды о деяньях их!
Вон! И в покое сердце мне оставь и не тревожь!
Вон! По земле прошла тебя заждавшаяся дрожь...

Вон! Злая сила, нет во мне глагола, нет!
Вон! Вон! Глаза мои слепящий, лживый свет!

Песня прислуживающего мальчика

Когда же лекари мне пульс прощупают, когда?
Когда начнется ураган, сметающий года?

Опала осенью листва, скрежещет сухостой.
И для ничтожных эта жизнь как смерть, как звук пустой...

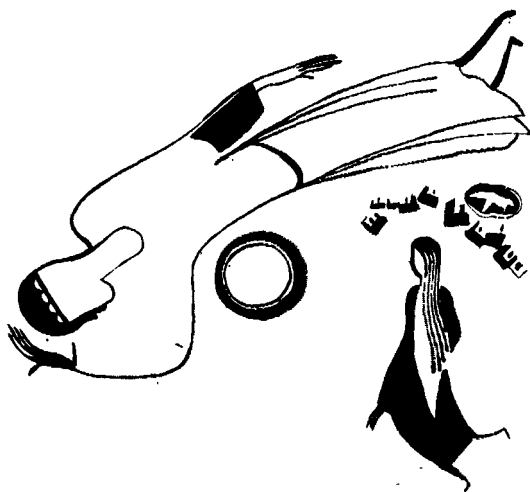
И эти ночи, что темны, богатым только впрок,
а для таких бедняг, как мы, и смерть торгует срок.

Великому путнику

Не заметил: цветы в цветниках облетели,
не заметил: растившие осиротели,
не заметил: душа зачерствела ли в теле,
только то, что ушел ты из сердца,— заметил...

Ты ушел по дороге, которой нет края:
впереди пустота, обернешься — другая,
между этой и той лучшей не выбирая,
ты следами ее безвозвратность отметил.

Ты ушел, но оставил свой взор на дороге,
на иссохших губах шелестящие строки,
нас оставил, затем, чтоб, усвоив уроки,
мы ловили слова сквозь рыдающий ветер...

Путник

На холмы напротив
поникла устало
его голова.
Там чудилась пропасть,
над пропастью вяла
больная трава...

Графика Вяч. АХУНОВА.

Ходок на привале
умом пораскинул,
деревья зажглись
последним огнем.
И отблески листьев,
и треск тамариска
над высохшим днем
бесшумно взвились...

Их взглядом окинул
ходок на привале.
Мгновенье спустя
упало перо, и
ночью сырою
наполнился воздух...

Скрипела повозка...
«Я всех, кто устали,
посланник...» — так ветер
шептал всем, грустя.
И тронулся путник
за прорезью света.
И грустью наполнился вечер,
и астмою мучился ветер...

Перевод с узбекского
Хамида ИСМАЙЛОВА.

ЖИЗНЬ ТИМУРА

Мы уже опубликовали «Уложение Тимура» («Звезда Востока», 1992, №5). Предлагая нашим читателям новую публикацию из обширной, но мало у нас известной французской историографии об Амуре Тимуре, предполагаем еще не раз вернуться к его личности и эпохе.

...Тимур жил в эпоху, когда религиозное сознание во всем господствовало над малыми достижениями науки. Являлся ли Тимур благочестивым мусульманином? В этом отношении он был типичным представителем военно-тюркской аристократии, среды, которая всегда подчеркивала свою приверженность к мусульманскому благочестию. Будучи во всем прежде всего политиком, стараясь из всего извлечь пользу для государственного дела, Тимур сохранял самые дружественные связи с различными представителями мусульманского духовенства, создававшими ему популярность в широких кругах населения. В духе своего времени он держал при себе духовника, кото-

рый молитвой старался подкрепить то, что делал Тимур мечом... И все же, несмотря на все старания держаться благочестивым мусульманином, Тимур ставил политический расчет выше споров между отдельными правоверными толками. По словам В. Бартольда, «тот же Тимур, который в Сирии выступал защитником Алиа и его потомков, вследствие чего сирийцы считали его ревностным шиитом, в Хорасане восстановил суннитское правоверие, в Мазандеране наказывал шиитских дервишей за оскорбление памяти спутников пророка».

Беспрерывные войны Тимура невольно наталкивают на сравнение его с таким завое-

вателем, каким в XI в. являлся Махмуд Газневи. Однако у них имеется общее лишь в разрушительной деятельности. Огромные богатства, которые проходили в качестве добычи через руки Махмуда, не оплодотворяли хозяйственной жизни Газневидского государства. Иное дело — Тимур. Он, как хороший, расчетливый хозяин, все, имеющее ценность, тянул в Мавераннахр, в центр своего обширного царства, которое он один держал в ру-

ках. Сюда он свозил не только разнообразные материальные ценности, но в еще большей мере использовал пленных специалистов — ремесленников, художников, архитекторов, ученых — не потому, что Мавераннахр был беден этими специалистами, а полагая, что чем больше будет приток культурных сил, тем богаче станут ремесла, тем выше будут искусства и науки...

А. ЯКУБОВСКИЙ.

Тимур родился в Сябзе, местечке, находящемся близ стен Кеша, города Трансоксании, в ночь вторника, 7 мая 1336 года. Он родился со скатыми и полными крови руками: то же самое рассказывается и о Чингизхане. Его отец, Амир Тарагай, был незначительным князьком, зависевшим от Казана, 21-го хана Джагатайской области.

Ребенок Тимур был воспитан среди молодых вельмож своего племени и, хотя был равен им или стоял ниже их по положению, имел на них большое влияние, какое обыкновенно дает людям превосходство гения. С самого раннего возраста он только и говорил, что о коронах и завоеваниях; в этих беседах голос его оживлялся, его физиономия принимала выражение, совсем не подходящее к его возрасту: он обращался со своими товарищами, как с подданными, и обращал их в воинов: его игры состояли в битвах. Тело его укреплялось с каждым днем, а ум, развитый не по летам, внушал ему обширные проекты, и Тимур уже думал о способах их осуществления.

Однажды ночью, запершись в отдельном помещении, молодые друзья предавались развлечениям своего возраста. Тимур, которого слушали всегда с удовольствием, начал рассказывать товарищам следующую историю: «Моя бабушка, — сказал он, — имела дар отгадывания. Она увидела однажды во сне, что одному из ее сыновей или племянников предстоит завоевать царства и покорить народы, что он-то и будет героем своего века и что монархии мира будут повиноваться ему. Этот герой — я... Да, время приближается: оно уже пришло. Клянитесь же, клянитесь мне, что вы никогда не оставите меня!»

Убедительный тон оратора, мрак ночи, всеобщее удивление

увлекли слушателей: они поклялись Тимур в неизменной верности, которую и доказали впоследствии.

Лишь только окрепло его тело и стало помогать силе его гения, он принялся за более трудные и более серьезные занятия: то он фехтовал на мечах или пиках, то на пылком коне охотился на диких зверей. Наконец, 12-ти лет от роду, Тимур поступил на военную службу, но в истории он становится известным только на 25-м году своей жизни при обстоятельстве, поистине интересном.

Уже давно Трансоксания страдала от анархии. Хан Джагатайский, Казан, сделавшись ненавистным вследствие своих притеснений, был убит. Три других хана, его преемники, потерпели ту же самую участь. Мелкие князья своими междоусобными войнами разорили государство, которым каждый хотел овладеть.

Хан Джета (Монголистан), по имени Тоглук-Тимур, потомок Чингиза, только что объявил себя ханом Джагатайским, не испугавшись судьбы своих предшественников. Это новое достоинство давало ему право на Трансоксанию, и он решил успокоить ее, покорив под свою власть. Испуганные этим князья отступают и, убегая в Хорасан, оставляют свое государство без защитников. Тогда-то Тимур и выступил из мрака неизвестности; он появился как гений-хранитель своего отечества.

Сначала он заслужил расположение начальника неприятельского авангарда, затем отправился к Тоглук-Тимур, который принял его радушно.

В числе милостей Тимур получил от него управление Трансоксанией и был назначен командиром 10 000-го корпуса. Удовлетворенный такой покорностью Тимур возвратился в Джагатай, куда его призывали новые беспорядки.

Тимур умел оценить дар Тоглука: его в особенности трогало то, что он сумел отвлечь несчастье; но он недолго радовался своим успехам.

Князь, по имени Амир Хусаин, внук честолюбивого Амира Казахана, который воспользовался оплошностью Джагатайского хана, чтобы объявить себя наместником Трансоксании, хотел наследовать своему деду. Его притязания вновь разожгли пламя раздора; мелкие тираны вновь появились, и гражданская война началась с большим ожесточением, чем когда-либо.

Тоглук-Тимур, вызванный этими новыми распрями, возобновил свои завоевательные планы. Он снова привел армию в Трансоксанию; Хусаин был разбит, а жители покорены. Победитель назначил на трон сына своего Ильяс-Ходжу и дал ему Тимура в качестве первого министра и главнокомандующего.

Трансоксания, меняя правителя, переменала только тирана. Ильяс-Ходжа не стремился прекратить бедствия государства и только увеличил их.

Тимур, предвидя продолжение ненавистного поведения Ильяс-Ходжи и не будучи в состоянии предотвратить бедствие, оставил своего нового начальника, чтобы отправиться к Амир

Хусаину, на сестре которого женился. Этот султан обращался со своими союзниками как с врагами и открыто нападал на них. Последние, соединивши войска, выдержали войну и, наконец, изгнали из Трансоксании войска Ильяса, который был принужден сам перейти в Джет, чтобы занять трон, который оставался свободным по смерти его отца. Этот хан впоследствии еще сделал попытки, но все его войска были разбиты.

Во всех сражениях Тимур показал свою храбрость; войско, которое его любило, следовало за ним, не колеблясь в опасных случаях, и обеспечивало ему победу.

Хусаин, князь завистливый, недоверчивый и не знающий благодарности, не успев освободиться от страха, какой внушал ему его враг, сейчас же поклялся погубить своего союзника, но последнему удалось избэжать сетей и перейти в оборонительное положение.

Хусаин выразил искреннее раскаяние и легко получил прощение. Однако новые измены заставили его шурина прибегнуть к оружию: ненавидимый солдатами и военачальниками, Хусаин пал жертвой своего собственного вероломства. Он был убит двумя офицерами, которые ненавидели его.

Смерть его сделала Тимура неограниченным владельцем Джагатайской империи. Тотчас все правители провинций собрались к нему, и он, среди многочисленной свиты, садится на трон, сам опоясывается царским поясом и возлагает на голову царскую корону. Затем представители империи, которые лежали ниц, встают, осыпают его золотом и драгоценными камнями, по обычаю монголов, и называют его «Сахиб-кырани», но он никогда не хотел называть себя ханом; этот титул принадлежал только преемникам Чингиза, и Тимур всегда придавал этот титул какому-нибудь князьку из этой фамилии, по отношению к которой он считал себя наместником.

Тотчас после обряда восшествия на царство новый правитель ввел порядок в делах империи, которая давно уже не пользовалась сладостями мира. В Самарканде, своей столице, он созвал общий совет, на который были приглашены главные представители. Это был мудрый способ узнать не расположенных к нему лиц. Один только осмелился уклониться от покорности, но скоро принужден был сдаться. Первые шесть лет царствования Тимура были заняты экспедицией против Джета и в Хоразмию, правитель которой хотел увеличить свои владения за счет своего соседа. Страшные ополчения Тимура смирили его врагов; женитьба на племяннице владельца Хоразмии служила залогом мира между этими двумя монархами. Многие другие правители, которые осмеливались делать нападения, были тотчас же разбиваемы наголову. Но среди своих триумфов победитель перенес потерю, которая наполнила его сердце горечью. Он имел и печальные предчувствия, и зловещие сновидения, что заставляло его опасаться за судьбу своего старшего сына Джигангира, оставшегося в Самарканде. Его опасения были очень основательны. Въезжая в свою столицу, он

увидел законовевов и вельмож погруженными в скорбь, одетыми в черные и голубые одежды и с головой, покрытой пылью. Но гораздо более почетным для памяти Джигангира был траур народа: нужно было видеть, как жители Самарканда с непокрытыми головами, в рубищах, плакали, приговаривая: «Как жаль, что Джигангир, столь храбрый воин, мелькнул на земле как роза, которую уносит ветер! Как жаль, что смерть низвергла в могилу такого справедливого принца».

Наконец, войско, одетое в черное и голубое платье, спешилось, чтобы выразить этим чрезвычайную свою печаль.

При таком зрелище несчастный отец был поражен печалью. Он не сомневался более в своем несчастии; его щеки почти всегда обливались слезами, и его жизнь сделалась невыносимой.

Однако его дела начали приходить в упадок. Встревоженные начальники старались вывести своего царя из оцепенения, в какое повергло его горе. Ему были приятны заботы их, так как он знал всю их привязанность к себе. Мятежи, происшедшие в Джете, заставили его очнуться. Он уехал и тотчас заставил непокорных возвратиться на путь послушания.

При своем возвращении из этой экспедиции он встретил Тохтамыша, одного из потомков Чингизхана, который приехал просить у него помощи, чтобы возвратить трон Великой Татарии, на который ему давало право рождение и которым владел тогда другой князь, по имени Урус, также потомок Чингиза. Тимур согласился, и его обычное счастье помогло ему без затруднений возложить корону на голову своего протеже.

Поощряемый удачами, какими увенчивались все его предприятия, Тимур решил перенести войну в Персию, владения которой оспаривали друг у друга многие лица, столь же честолюбивые, как и сам Тимур. Победа повсюду сопровождала его, но он должен был часто возвращаться назад, чтобы укрощать уже побежденных подданных. Это сильно замедляло его успехи. Тем не менее ему удалось покорить весь Хорасан.

Между тем, этот монарх, до того времени избалованный счастьем и постоянно одерживавший победы, испытал несчастья, которые ему напомнили, что и он человек. Смерть похитила у него дочь, сестру и одну из жен. Эти три потери, скоро следовавшие одна за другой, были столь тяжелы для Тимура, что приглушили на некоторое время его честолюбие; он не хотел более заботиться о делах своего государства. Но ученые богословы и духовные лица напомнили ему о религии, а вельможи о славе, и Тимур был тронут; продолжая раздавать милостыни, которые при своей жизни расточали эти щедрые принцессы, он утешился в своем горе. Новые проекты завоеваний увлекли его к новым случайностям. Первою его заботою было отправить армию в Джет, где всегда находились недовольные и мятежники. Он сам повел более ста тысяч воинов в Мазандеран и в Систан, и эта экспедиция была из числа наиболее кровавых.

Столица Систана была взята и разрушена, а жители переби-

ты, без различия лет и пола. Победитель совершил еще несколько подвигов в горах Кандагарских, которые разбойники выбрали для своего убежища, и вернулся в Самарканд. Спустя три месяца после своего прибытия, он опять прошел в Мазандеран, которым старался вновь завладеть бывший хан, Али. Но полное поражение показало этому сверженному монарху, что право всегда уступает силе.

Затем татары перенесли свое оружие в Ирак-Аджами и оставили эту страну, не имея там больших успехов. Тем не менее, Тимур снова привел войска в следующем году в эти самые страны. Провинция Азербайджан была покорена первою, а Тавриз, столица, откупилась деньгами. Пробывши некоторое время в этом новом владении, победители напали на Грузию. Грузины недолго сопротивлялись, царь Ипократ был взят в плен. Он был христианин, и Тимур, как говорит Шерифэддин, «так просветил его сведениями о религии Мухаммада, что, по особому действию благодати, призвание проникло в душу этого неверного, находившегося во мраке. Ипократ вышел из заблуждения и сделался мусульманином».

Тимур отпраздновал свои последние победы охотой, подобно персам; ибо Грузия, покрытая лесами и горами, — очень удобная страна для охоты.

Поражение Тохтамыш-хана (который имел неблагодарность напасть на своего благодетеля) и несколько других подвигов, менее значительных, предшествовали въезду победителя Тимура в Ирак-Аджами и в провинцию Фарс, где правили Мазеферины. Эти владетели осмелились бросить в темницу одного из послов Тимура. Их враждебный поступок был для Тимура прекрасным предлогом для объявления войны: он продолжил свой поход и приблизился к стенам Испагани. Губернатор города, видя, что не в состоянии сопротивляться Тимуру, отдал ему городские ключи, а жители приговорены были к кровавой мести за то, что один кузнец во главе толпы народа умертвил назначенных для получения выкупа чиновников. Тимур, возмущенный этим вероломством, поклялся отомстить и сделать на город общее нападение. Его солдаты, взяв приступом стены, вошли со всех сторон в Испагань и вступили в рукопашный бой с жителями. В ярости они пощадили только квартал потомков пророка, улицу богословов и дом одного великого проповедника, умершего за год перед тем. Это кровопролитие было совершено в ноябре месяце, в течение того же самого месяца сдался и Шираз.

Наконец завоеватель, после трехлетнего отсутствия, возвратился в свой царственный город Самарканд. Ему было тогда 52 года. Увлекаемый то честолюбием, то возмущением народов, которые он покорил, Тимур не наслаждался ни одной минутой спокойствия. Только что он оставил Персию, как взбунтовалась Хоразмия. Эта провинция стоила ему уже многих трудов. Чтобы предупредить новые смуты, он уничтожил ее столицу и переселил жителей в Самарканд; но через три года

снова восстановил город в прежней красоте. Между тем хан Джагатай умер. Тимур, верный своей мудрой политике, возвел тотчас на ханский престол Джагатаева сына, но оставил за ним так же немного авторитета, как было и при его отце.

Между врагами своими Тимур имел несчастье считать хана Великой Татарии, Тохтамыша, которого он сам же посадил на трон. Этот неблагодарный хан осмелился напасть на страну, которая раньше служила для него убежищем. Его многочисленные войска были перебиты и обращены в бегство. Тохтамыш получил уже несколько уроков в этом роде, но эти несчастья не могли его исправить.

Тимур хорошо понимал, что единственное средство быть в мире с этим врагом — истребить его, но чтобы преуспеть в этом, нужно было пройти огромные пустыни Великой Татарии. Благодаря своей опытности он основательно снарядился и отправился во главе сильной армии. Один только слух об этом походе заставил Тохтамыша удалиться в глубь пустыни.

Так как Тимур был намерен преследовать до последней возможности своего бегущего врага, то военачальники Тимура доложили ему, насколько важно отнять у каждого дурно расположенного к нему соседа средства вредить ему во время движения. Правитель Монголистана уже открыл неприятельские действия, и потому зная Тимура сейчас же отправилось в эту сторону. Чтобы действовать с большею энергией, войска, разделенные на пять корпусов, рассеялись по стране. Большая часть воинов и обитателей Джета была перебита, а их жены и дети уведены в плен. Тимур сам преследовал монгольского хана, который отказался от короны, чтобы сохранить себе жизнь.

Отдохнув, воины Тимура возвратились в Самарканд, откуда уже отправились в свою большую экспедицию на Кыпчак.

Слух об их походе вселил ужас в сердце Тохтамыша; страх, а не раскаяние внушал ему идею примирения с рассерженным благодетелем, доверия которого он лишился.

Когда все предложения Тохтамыша были отвергнуты, он ясно увидел, что единственное его спасение заключается в бегстве. Неприятельские войска преследовали его до местностей, где день длится полтора месяца. У них был недостаток в съестных припасах, и они много страдали от голода и усталости. Когда хан татарский подумал, что они достаточно изнурены, то остановился и предложил битву. Лишь только две армии стали одна против другой, Тимур сошел с лошади, чтобы помолиться по своему обыкновению. Он имел тогда около себя одного из потомков пророка по имени Имам Береке, которого он очень любил и который некогда предсказал ему восшествие на престол. Этот праведный человек, сняв шапку, поднял руки к небу и просил у Всемогущего победу для своего хана. Затем, взяв земли, он бросил ее в глаза врагам со словами: «Пусть лица ваши будут очернены срамом поражения». А обратившись к Тимур, он сказал: «Иди и будешь победителем».

Битва была кровопролитная и продолжительная, и перевес оставался некоторое время неизвестным; но знаменосец Тохтамыша заранее был подкуплен врагом: бросив знамя, он заставил своего начальника проиграть сражение. Поражение было полное; бегущий хан удалился в глубину гор, а поля на протяжении сорока миль были устланы трупами побежденных.

Когда Великая Татария была завоевана, утомленная армия Тимура нуждалась в отдыхе; никогда она не совершала столь трудной экспедиции; полководец повел ее к берегам Волги, в приятную поляну, где она забыла о всех своих тягостях. 26 дней она провела в удовольствиях стола и любви.

Эти удовольствия не отвлекали Тимура от забот о своем государстве; он знал, сколько беспокойства могло причинить его отсутствие, и ему хотелось видеть другие провинции своих владений. Слишком нетерпеливый, чтобы урегулировать свой ход по шагам армии, нагруженной добычей, он поручил вести ее опытным полководцам, а сам быстро вернулся в Самарканд.

Прибыв туда, он узнал, что новые распри рассорили Персию и Мазандеран; тогда он решил отдать Хорасан одному из своих сыновей, Забюлистан другому; а сам собрал новую армию и, во главе 80000 человек, предпринял поход, который должен был длиться не менее пяти лет.

Мазандеран вскоре подчинился Тимуру, и он оставил эту страну, чтобы вернуться в Персию. Овладев Персией во второй раз, Тимур приложил все свое старание, чтобы исправить зло, причиненное ей гражданской войною. Он восстановил там правосудие, умерил таксы и налоги и, наконец, отдал управление над этим могущественным царством своему четвертому сыну, Омар Шейху. Другому сыну своему, Мирзе Миран-Шаху, он отдал царство Азербайджанское, чтобы наградить его за услуги, какие оказывал ему этот молодой князь.

Оставив Персию, Тимур сопровождал своих солдат к Багдаду, где царствовал тогда Султан Ахмед Джелаир. При слухе о прибытии татар, Султан убежал, и покорение Багдада решило участь Ирак-Араби. Тимур перешел Тигр, и вскоре все окрестные князья подчинились ему.

Среди военных своих трудов Тимур не забывал ни своей жены, ни своих детей; он пользовался всяким случаем, чтобы то подарками, то письмами показать им свою любовь. Однажды посланные им подарки были перехвачены Амиром, князем Месопотамии. Он презирал все требования Тимура, который быстро направился к Месопотамии. Столица была осаждена, взята и разграблена. Армения не была пощажена; и татары, придя эти страны с быстротою потока, вернулись в Грузию. Лишь только настала весна 1395 года, как неутомимый Тимур приготовился совершить новые подвиги.

Тохтамыш, которого считали уничтоженным, причинил новые беспокойства; а труды последнего похода против этого врага не были настолько забыты, чтобы император не употребил все средства умиротворения. Великодушное и трогатель-

ное письмо, написанное его рукой, возбудило опасения и беспокойство его прежнего любимца; Тохтамыш готов бы был заключить мир, если бы военные, которыми он был окружен и которые желали войны, не заставили его решиться на это; ибо, хотя он искренне желал добра своим подданным, все-таки не имел силы исполнить его; он был из числа тех слабых монархов, которые берут на себя ошибки царедворцев и только представляют из себя орудие страстей тех, которыми, как им кажется, они управляют.

Когда война была открыто объявлена, Тимур сделал смотр своим войскам, число которых простиралось до 400 000 человек.

Расставленные в боевом порядке, они растянулись от подножия Эльбруса, близ Кавказа, до Каспийского моря, вдоль реки Семура, т.е. на пространстве 5 лье. Все военачальники, стоя на коленях и держа узды лошадей в своих руках, поклонились Тимуру в верности, а солдаты с громкими криками прошли перед ним церемониальным маршем. Обе армии встретились недалеко от Волги. Битва была не менее кровопролитна, чем предыдущая, а Тохтамыш был настолько же несчастен. Его поражение стоило ему короны, ибо Тимур заменил его сейчас же другим ханом.

Ожесточенные преследованием бегущих, победители углубились в Сибирь, до берегов Ледовитого океана, до самых возвышенностей, которых они уже раньше достигали.

Наконец, обремененные громадной добычей, они вернулись к Тимуру, который оставался на берегах Волги. Он воспользовался деятельностью своих войск, чтобы сделать нападение на Европу.

Тимур пошел прямо на Москву. Его приближение распространило ужас в этой столице, но он не взял ее, как говорит его историограф Шерифэддин. Он остановился на границе Рязанского княжества и вдруг вернулся назад. Причина перемены его намерений неизвестна. Некоторые из его полководцев отделились, чтобы произвести набеги на разные местности России и на Венгрию. Наконец, опустошив эту северную часть Европы, они вернулись в Азию, отягощенные добычей, ведя за собою бесчисленную толпу рабов.

Теперь Тимур пожелал вернуться в столицу, подчинив своей власти Великую Татарию, Россию, часть Венгрии, Мидию и оба Ирака. Он прошел через Каспийские ворота и провел несколько дней на берегах Куры, где устроил празднества для своего войска.

По дороге он постоянно осведомлялся о поведении губернаторов и о положении народа. Угнетенные приходили жаловаться и добивались правосудия. Грабители предавались смертной казни. Так как он знал, что главный долг монарха состоит в защите народа, против захватов и тирании людей могущественных и богатых, всегда готовых притеснять народ, то назначил окружных надзирателей в различных областях своего государства. Тимур свернул со своей дороги, чтобы

пройти через свою родину. Там он посетил гробницы святых, гробницы своего отца и любимого сына Мирзы Джигангира. Он роздал милостыню отшельникам и заплатил чтецам с тем, чтобы они читали Коран. Наконец он совершил торжественный въезд в Самарканд. Снова начались празднества разделом добычи, приобретенной в Европе и Азии. В то время, когда народ и войско, предаваясь восторгам удовольствий, благоговляли своего монарха, он занимался управлением государством.

Во время этого короткого промежутка мира Тимур, желавший закрепить одну из своих корон за Шахрухом, своим наследником, провозгласил его монархом и самодержавным государем Хорасана, Систана и Мазандерана. В присутствии всех вельмож он вручил ему меч и нежно поцеловал его в лоб и в глаза.

Праздники продолжались до конца года. Мирза Мухаммед-Султан вернулся, покоривши царство Ормуздское; а Мирза Искандер, другой внук Тимура, женился по его приказанию, и сам Тимур также женился, ибо, сообразно с заповедью Корана, «он очень любил заключать священные узы брака».

Затем он стал объезжать некоторые из своих провинций для личного осмотра и для поддержания к себе преданности своих народов. Но он не мог удержаться от желания провести несколько дней в прекрасных лугах Кеша, которые ему напоминали невинные игры его темного детства.

Глубокий мир царил в Джагатае. Но беспокойный характер Тимура не мог довольствоваться этим. Границы его владений доходили до границ Индии. Уже давно эта страна возбуждала его честолюбие. Его поддерживали в этом намерении постоянные раздоры между государями Индии. Их деспотизм и бесконечные войны сделали их ненавистными своим подданным, которые стонали под гнетом жестокого правления.

Тимур сообщил свой план военачальникам, указывая им на счастье, каким судьба их осыпала, выгоду и легкость этого завоевания. Последние, чтобы угодить ему, проявили большую деятельность в своих приготовлениях.

Мирза Пир-Мухаммед, который управлял Кандагаром и провинциями, смежными с Индостаном, получил приказание вторгнуться в эту страну; Тимур не замедлил выступить в сопровождении нескольких ханов Азии, которые явились предложить ему свои услуги.

Во время похода Тимура главной заботой его было уничтожить многочисленные шайки разбойников, которые наполнили дороги в Индию. Распространяя перед собой ужас и оставляя позади отчаяние, татары вступили в эту прекрасную страну... Через день Махмуд, губернатор Дели, вышел из города во главе своих войск. Он осмелился вступить в битву.

Испуганные неожиданным видом слонов, татары едва не обратились в бегство, еще даже до начала боя; но благоразумные меры и твердость их начальника ободрили их: завязался рукопашный бой; индийцы, несмотря на свое мужество, не

могли выдержать натиска своих врагов, так же привыкших побеждать, как и сражаться. Что же касается слонов, то с ними обошлись не лучше, чем с людьми: поле битвы было усыпано их хоботами.

Дели подвергся всем ужасам грабежа, продолжавшегося три дня. Наконец, Ганг послужил границей их похода и разбойничества.

Довольный тем, что уничтожил идолопоклонство и идолопоклонников и совершил подвиги в священной войне, завоеватель вернулся в Самарканд, откуда вскоре отправился в экспедицию, продолжавшуюся семь лет.

Новые смуты, начавшиеся за время долгого отсутствия Тимура, требовали его присутствия в Персии и Азербайджане. Ахмед-Желаир, султан Багдадский, воспользовался небрежностью Мирзы Миран-Шаха, чтобы расширить границы своих владений. Приближение победителя остановило вдруг тщеславные замыслы султана: он даже оставил столицу из опасения, что ему будут отрезаны все пути для отступления, и удовольствовался тем, что оставил губернатора в Багдаде.

Тимур напал на грузин, которые подверглись большой резне. Одним из самых крупных преступлений, в котором упрекали этих несчастных, было то, что они пили вино; поэтому татары не преминули истребить все виноградники страны; они даже содрали кору с плодовых деревьев и разрушили храмы, «где эти неверные поклонялись Всевышнему способом, который был Ему ненавистен».

...Гордясь своими великими владениями и еще более победами, одержанными над христианами, Баязет-Громоносец напал на Азербайджан, где командовал губернатор, назначенный Тимуром. Последний не преминул уведомить своего начальника о нападении Оттоманского властителя.

Некоторые писатели утверждают, что Палеолог, император Константинопольский, видя себя притесненным Баязетом, умолял и получил помощь от татарского хана, предлагая признать себя его вассалом.

Как бы то ни было, татарский завоеватель, исчерпав тщетно все мирные средства перед смелым и непоколебимым противником, явился в Анатолию с армией в 800 тыс человек. Себастья, столица провинции, выдержала пятнадцатидневную осаду. Осажденные были принуждены сдаться. Жизнь всех мусульман была пощажена, но они должны были заплатить выкуп. Победитель не захотел просить армянскую кавалерию, которая храбро защищала город: четыре тысячи человек были брошены в колодцы и тотчас же засыпаны землей. Тимур предал город на разграбление, хотя дал слово не причинять никакого зла жителям.

Соседство Сирии напомнило Тимуру про жестокость, совершенную некогда над его послами последним государем Баркуком, который, кроме того, заключил в темницу одного татарского военачальника. Баркук уже умер, но сын его, Фа-

руж, не выказывал признаков покорности. Он не только не хотел удовлетворить справедливых требований Тимура, но еще арестовал послов, которых отправлял ему этот государь: ибо, по словам Мухаммада, «Бог ослепляет ум и уничтожает разум всех тех, гибель которых он решил».

Это насилие недолго оставалось безнаказанным. Татары напали на Сирию и дали кровопролитное сражение военачальнику Фаружу и губернатору Алеппо, соединившимся под самыми стенами города. Полная гибель сирийцев повлекла за собой взятие Алеппо. Цитадель сопротивлялась некоторое время и наконец сдалась безусловно.

Там нашли большую добычу, ибо в ней большинство жителей сложили свои сокровища. В продолжение короткого времени, проведенного там, Тимур развлекался состязаниями ученых арабов и сирийцев с теми учеными, которые его сопровождали; и его самым большим удовольствием было ставить в затруднение схоластическими тонкостями этих робких диспутантов, уже смущенных его величественным видом. Когда последние просили у него пощады, то он сказал: «Клянусь вам, что я никого не заставлю умереть нарочно; вы сами себя губите, но не бойтесь ничего с моей стороны — ни за вашу жизнь, ни за ваше имущество».

Затем он отправился в Дамаск. Во время своего путешествия он встретил несколько градоначальников, принесших ему ключи от своих городов. Благодаря этой покорности они были пощажены победителем. Он продолжал свой путь к Дамаску и стал лагерем перед городом. Султан Фаруж, который там заперся, пожелал испытать счастье в битве; но он потерпел такое же поражение, как и его главнокомандующий; мрак ночи содействовал его бегству. Осажденные, получив через парламентаров позволение откупиться, открыли ворота города татарам.

Когда сумма была сосчитана, угрызения совести охватили Тимура, и он сообщил своим военачальникам о своих сомнениях относительно правотера жителей Дамаска: «Они поддержали, — сказал он, — калифов Оммаядов, преследователей Алия и семейства Мухаммада. Каким образом можно следовать пророку и являться врагом его семейства? Их преступление мне кажется тем более несомненным, что поражение их в моих глазах есть только небесное наказание за оное».

Этих слов было достаточно, чтобы позволить войску вновь завладеть добычей, которую оно с таким сожалением выпускало из рук. Огонь показался в одной части города, и скоро весь город был охвачен пламенем. Пожар так быстро распространился, что не могли спасти мечетей; уцелел только один минарет, «на который должен сойти Иисус, когда придется судить живых и мертвых»...

Между тем Баязет, только что взявший город Арзенжам и воодушевленный этим успехом, приготовился к новым подвигам на востоке; когда же узнал он о приготовлениях своего врага, ужас овладел его душой, и он не замедлил просить мира.

Его предложение было тем более хорошо принято, что Тимуру неприятно было сражаться с государем, столь часто побеждавшим неверных, который всегда жаждал украсить себя лаврами в священной войне.

Мир, казалось, был очень прочен; сам царь Грузии освободил свою страну от нового нападения, предлагая несколько подарков, но несчастный туркмен по имени Кара-Юсуф, который грабил меккские караваны и в малом виде занимался завоеваниями, вновь возбудил раздор между двумя соперниками. Баязет имел неблагоразумие дать ему убежище и защитить его. Напрасно Тимур, который хотел наказать этого разбойника, приводил самые справедливые доводы; пришлось поддержать их мечом.

Его войска, которым наскучило столь долгое отсутствие из отечества, не были расположены к новой войне. Начальники ссылались на дурные предзнаменования. Но, поддерживаемый своим гением, Тимур скоро ободрил ослабевшее мужество и разрушил суеверие тем же суеверием. Он призвал своего астролога, который вскоре изрек предсказания более благоприятные: «Появится,—вскричал он,—комета из созвездия Овна и явится с востока армия, которая завоеует Анатолию». Это предсказание, одно из самых верных, которые когда-либо были сделаны, по свидетельству Шерифэддина, вполне успокоило умы.

Оставляя зимнюю стоянку, Тимур сделал смотр своим войскам в присутствии посланников, которых Баязет только что отправил к нему. Эти османы затрепетали при виде 800 000 воинов, глаза которых блистали на смуглых лицах и которые переносили с одинаковым терпением и суровые холода полюсов, и невыносимую жару тропиков.

Когда послы были отпущены, татары направились к Анкире, которую они осадили; но приближение османского государя, который расположился лагерем у них на виду, заставило их подумать о собственной безопасности. Тимур отступал некоторое время и затем решился дать битву. Вот каким образом он расположил свои войска. Оба крыла и центр войска были вверены трем его сыновьям, а сам он командовал резервом, составленным из 40 отборных полков, и усилил свой отряд слонами, нагруженными башнями, полными воинов, предназначенных бросать греческий огонь. Баязет следующим образом расположил свое войско. Он вверил Песирласу, своему шуруну, правое крыло, в котором находилось 20 000 европейцев, одетых в черное и покрытых железными доспехами. Этот вид удивил сначала татар, но не устрасил их. Баязет поставил своего сына Челеби во главе левого крыла, оставивши себе командование центром войска.

Нападение началось около 10-ти часов утра. Татары бросились с обычной пылкостью и были храбро встречены неприятелем; это сопротивление их разъярило, и они удвоили свои усилия. Оба крыла оттоманов стали отступать; смерть Песирласа

докончила их поражение. Баязет, видя их опрокинутыми, ретировался с главными силами на возвышенность. Атакованный внезапно Тимуром с 40 резервными полками, окруженный со всех сторон, он дрался как лев, до самой ночи, и воспользовался ею, чтобы бежать, потерявши около 200 000 человек.

После победы Тимур вернулся в свой лагерь, где он принес благодарность Всемогущему и принимал поздравления от своих военачальников.

Утомленный трудами этого дня, он лег в постель, когда привели в его палатку Баязета с связанными руками и ногами. При неожиданном виде этого государя, взволнованный победитель не мог удержаться от слез; он пошел к Баязету навстречу и, приказавши освободить его от оков, ввел его в приемную залу.

Тогда, посадив своего пленника около себя, Тимур сказал: «Баязет! Обвиняйте самого себя за свои несчастья: это — шипы того дерева, которое вы посадили. Я просил у вас только легкого удовлетворения, а ваш отказ заставил меня поступить с вами так, как я вовсе не желал. Я не только не хотел вредить вам, но я намеревался помочь вам в ваших войнах против неверных. Ваше упорство все погубило. Увы! если бы успех был на вашей стороне, то я знаю, как бы вы поступили со мной и с моей армией! Тем не менее, будьте покойны: вам нечего бояться, спасением вашей жизни я хочу возблагодарить небо за свою победу».

После этих слов он приказал поставить для Баязета палатку возле своего помещения и оказать своему знаменитому пленнику все почести, какие оказываются несчастным.

Такое поведение не согласуется с тем, что приписывает Тимуру Арабшах, его заклятый враг, и греческие и турецкие авторы, которые не менее ненавидели Тимура за зло, причиненное их странам. Они рассказывают, что Тимур не только не освободил Баязета от оков, но, напротив, заковал его в столь тяжелые цепи, что последний с трудом мог их носить. Они прибавляют, что Тимур заключил своего пленника в железную клетку, столь низкую, что она служила этому бесчеловечному победителю подножкой для влезания на лошадь. Наконец, Тимур, по их словам, заставил Баязета присутствовать на распутном пиршестве, на котором этот последний имел несчастье видеть своих жен и дочерей полунагими, прислуживающими за столом; оттого-де с того времени османские государи не женятся более, а имеют только наложниц. Они опасаются, чтобы их законные жены не подвергались подобным же оскорблениям.

Чтобы нас не обвинили в том, что мы придерживаемся мнения писателя новейших времен, заметим, что один только автор, способный разрешить этот вопрос, столь интересный для чести Тимура,— это, по нашему мнению, Шерифэддин Али, который следовал за своим героем в походе против Баязета и история которого была составлена по самым достоверным материалам. Он не только не упоминает об этих ужасных

жестокостях, но говорит, что Тимур отнесся с полным вниманием к монарху-пленнику, обращался с ним как с равным и всеми силами старался заставить его забыть о своей плачевной судьбе. Такое поведение нам кажется вполне согласным с мнениями автора «Уложения» Тимура. Закончим это маленькое отступление примером, приведенным в мемуарах Акбара и рассказанном путешественником Бернье.

«Тимур, призвав Баязета в день его пленения, посмотрел на него очень внимательно и рассмеялся. Османский государь в негодовании сказал ему с гордостью: «Тимур! не смейся над моим несчастьем. Бог раздает государства; Он может и у тебя завтра отнять то, что дал тебе сегодня». Тимур, приняв тотчас же ласковый и серьезный вид, сказал: «Баязет! я это знаю; не дай Бог, чтобы я захотел насмеяться над твоим несчастьем! Когда я увидел тебя, вот что заставил подумать меня твой вид: как видно, Бог ни во что не ставит государства, ибо Он их отдает таким уродливым существам, как мы с тобой. Ты — кривой, а я — хромой».

Полководец, который умел побеждать и пользоваться победой, отправил несколько отрядов в разные части Анатолии. Вся страна была разграблена; в городе Брусс были взяты сокровища и жены Баязета.

Пока татары распространяли повсюду опустошения, их вождь, расположившись лагерем на берегу Анкиры, делал различные распоряжения. Он отпустил двух послов, которых Кастильский король, Дон Генрих III, отправил к нему; Тимур позаботился присоединить к испанцам одного мусульманина, удостоенного титула посланника к их королю. Недовольный константинопольским императором, Тимур истребовал от этого государя дани, чтобы наказать его за то, что он не соблюл заключенных между ними условий тем, что дал убежище беглым туркам. Посреди этих занятий скорбь пленного Баязета печалила его; он изыскивал всякие средства, чтобы утешить его. Он даже вернул ему Анатолию и корону. Но Баязет, воспитанный так, что не умел страдать мужественно, умер от печали.

Тимур оплакал память государя, погубленного им. Детей Баязета он снабдил всем необходимым, чтобы отдать последний долг их несчастному отцу. Спустя несколько дней после смерти османского султана, Тимур потерял одного из своих внуков. Жизненное поприще Мирзы Мухаммед-Султана окончилось на 19-м году жизни. Он уже ознаменовал себя славными подвигами; и его дед сожалел о нем не только как о своем потомке, но и еще как о наследнике своих талантов и своего гения. Как бы ни была печальна для Тимура потеря родственников, он никогда еще не чувствовал более сильной скорби. Чтобы понять тяжесть этой печали, нужно иметь сердце 60-летнего деда, оплакивающего внука, в котором он видел самого себя. Двор ясно выразил свою скорбь. Военачальники умершего Мирзы, по татарскому обычаю, разломали медный барабан своего начальника. Армия также была в глубоком трауре: не

ездили ни на белых, ни на серых лошадях. Генералы и министры успокоили немного Тимура, представляя ему, что рыдания живых людей нарушают покой умерших. Посольство египетского и сирийского султана, который признавал себя данником Тимура, совсем рассеяло его печаль, и вскоре увидели, как его зная вошло в поход.

Оставляя Анатолию, Тимур встретил несколько своих сыновей, которых он осыпал ласками; присутствие двух молодых сыновей Мирзы, о котором он так сожалел, вызвало у него слезы. Он обнял их, прижал к своей груди и нежно расцеловал...

Исламизм начал слабеть в Грузии. Царь грузинский нарушил некоторые условия договора, это было достаточной причиной, чтобы привлечь на него татарскую армию. Города, равнины и горные пещеры были снова облиты кровью.

Стыдясь произведенных в Грузии разрушений, Тимур не захотел покинуть этого государства, не отстроив вновь Баилакана. Полное восстановление этого города заняло армию до конца лета, затем она расположилась лагерем в Карабаге, где провела зиму в маленьких соломенных домах...

Лагерь этот был великолепен: Тимур принимал в нем всех соседних государей, которые явились выразить ему свои соболезнования по случаю смерти его внука; набожный Имам Береке также отправился туда. Увидя, что Тимур идет ему навстречу, он снял свою чалму, чтобы сказать Тимуру несколько утешительных слов, но в заключение пролил целый поток слез на груди своего государя, который, спустя немного времени, имел несчастье потерять этого искреннего друга.

Затем снова принялись за обыденные занятия. Люди, сведущие в административных делах, собирались каждый день, рассуждали о государственных вопросах, и дела велись по их советам. В Рамазан нужно было сделать поминки по умершем Мирзе Мухаммед-Султане. Начались поминальные пиршества; прочли весь Коран, и, в заключение этой плачевной церемонии, приглашенные лица, достойные уважения по своей святости и по своему положению, получили при отъезде значительные подарки; войска же не замедлили снова взяться за оружие.

По выступлении из своих зимних квартир Тимур, в сопровождении своей непобедимой армии, прибыл наконец в свою столицу, в которой он не был уже целых 7 лет. Он поселился в чинаровом саду и начал посещать мечети, госпитали и школы, построенные во время его отсутствия.

Он давал публичные аудиенции, на которых было разрешено частным лицам предъявлять свои жалобы и просьбы. Два начальника грабителей были повешены в пример тем, которые попытались бы им подражать. Он принял также новых послов от испанского короля.

Работники, пощаженные при разграблении Дамаска и которых нарочно привели, получили приказание выстроить дворец в Самарканде; они исполняли это с большим усердием. Другие

художники из Персии украсили наружные стены этого здания казахскими изразцами.

Украшение Самарканда, управление государством — всего этого было недостаточно, чтобы занять ум Тимура. Казалось, что завоеванием Анатолии он увенчал свои труды. Монеты Азии и Египта чеканились с его именем. Молитвы в мечетях совершались в честь его имени. Эти успехи, казалось, должны были ускоить его, но он уже тогда задумывал проекты не менее обширные, чем те, какие уже исполнил; он думал о завоевании Китайской империи. Эта империя представляла для него громадную ниву палм и лавров.

Но Тимуру нужно было быть осторожным с военачальниками, которые уже в предыдущем походе выказали себе неудовольствие. Чтобы уговорить их принять участие в его намерениях, он созвал общий совет, который открылся свадьбой шести мирз. Этот род парламента, во время которого происходили всевозможные торжества, продолжался целых два месяца. Послы Кастилии и Египта были приняты на нем с особым отличием. И лишь вследствие удовольствий, которые он им только что доставил, он созвал их на частный совет и сказал им следующую речь: «Храбрые товарищи! Вы знаете все милости, оказанные нам Богом, и наши завоевания достаточно доказывают Его благоволение к нам. Но увя! нужно согласиться, что в восторге победы мы не раз забывались; и мусульманская кровь не раз проливалась совершенно напрасно. Это преступление, которое требует больших искуплений. Наши войска впадали в наши ошибки, и они также должны разделить наше наказание. Китайская империя, полная идолопоклонников, представляет прекрасное поприще для нашего религиозного пыла. Идемте же разрушать храмы идолов и на их развалинах воздвигнем мечети! Пойдемте против этих неверных; очистимся их кровью: ибо, по словам Всевышнего, священная война искупляет все грехи».

Энтузиазм седого предводителя увлек вождей; они отвечали только криками восторга и благословениями. Приготовления делались с неимоверной быстротой. Вот послы получили прощальную аудиенцию у Тимура. Отпуская их, Тимур не забыл своей обыкновенной щедрости. Поспешность солдат не позволила ему отложить выступление до начала весны.

Пять месяцев спустя после возвращения из великой экспедиции войско Тимура вновь выступило в поход; и, после того как астрологи заметили, что момент благоприятен, Тимур сел на великолепно убранную лошадь и, впереди многочисленной и блестящей свиты, в сопровождении 200 000 воинов в последний раз выехал из Самарканда.

Невозможно было выбрать менее благоприятного времени для похода: небо представляло одно сплошное облако; земля была покрыта толстым слоем снега; большое число солдат и лошадей погибло от холода. Но армия тем не менее продолжала свой поход. Она перешла через Яксарт (Сыр-Дарью)

по льду и прибыла в Отрар, расположенный около границ Китайских. Этот пункт был назначен судьбою как место для окончания трудов и жизни Тамерлана.

Астрологи открыли на небе роковые предзнаменования. Вельможам двора снились страшные сновидения, и пожар вспыхнул в Тимуровом помещении. Когда Тимур собирался отправить в Самарканд свой гарем, им овладела жестокая лихорадка, и ему казалось, что гурии приказывают ему покаяться. Чувствуя всю опасность своего положения, он захотел высказать свои последние пожелания. Вот почему, в присутствии своего двора, он назначил своим законным преемником Пир-Мухаммеда Джехангира и вручил ему управление религиозными и государственными делами. «Я хочу,— сказал Тимур,— чтобы он пользовался в Самарканде высшею властью, и я вам приказываю повиноваться ему, как и мне; я требую от вас торжественной клятвы». Все вельможи поклялись, проливая слезы, исполнять приказания государя, о котором они искренне сожалели. Это зрелище и вопли женщин, удалившихся в соседнее помещение, тронули Тимура; сердце его надрывалось, но лицо оставалось спокойным. «Я сожалею только об одном,— сказал он, поднимая глаза к небу,— именно о том, что умираю, не увидевшись со своим сыном Шахрухом, но так хочет Бог». Затем, обращаясь к другим своим детям, которые окружали его постель, он сказал им следующие слова: «Дети мои, не забывайте наставлений, которые я вам давал для спокойствия народов; осведомляйтесь о состоянии частных лиц; поддерживайте слабых; особенно искореняйте жадность и честолюбие вельмож; пусть правосудие и благодеяние будут путеводителями вашей жизни. Употребляйте оружие с благоразумием и храбростью, если вы хотите пользоваться, подобно мне, долгом правлением и могущественной властью. Берегитесь раздоров, ибо ваши царедворцы и ваши враги не замедлят воспользоваться ими, чтобы разрушить ваше счастье. Соблюдайте верно правила управления, которые я вам начертал в моем уложении, и власть останется за вами. Наконец, помните всегда слова умирающего отца».

Это усилие изнурило больного Тимура, который впал в агонию, но однако не потерял совершенно сознания. Чтецы читали Коран в передней комнате; Тимур сделал знак, чтобы их подвели к нему, и пожелал, чтобы один стал у головы постели и беспрестанно повторял слова мусульманского закона: «Нет бога, кроме Бога, и Мухаммад пророк Его», ибо тот, кто умирает, произнося эти слова, не может не войти в рай. Наконец ангел смерти явился за душой этого великого монарха. Он умер на 71-м году жизни, по Арабшаху, Шерифэддину и Хондемиру, процарствовав 36 лет.

Его тело, тщательно набальзамированное, одетое в саван, было положено в гроб из черного дерева и перенесено в Самарканд, а там похоронено под великолепным памятником, возле Имама Береке, как он сам завещал.

Мы не будем входить в подробности событий, которые последовали за смертью Тимура; укажем только на то, что его многочисленное потомство, которое он оставил, умирая, было, по мнению жителей Востока, одною из немалых милостей, которыми осыпала его судьба. Однако у него было только 4 сына, или, выражаясь словами одного персидского автора, «дворец его могущества был поддерживаем четырьмя колоннами, а именно: Джигангир Султаном (умершим прежде своего отца), Омар Шейхом, Миран-Шахом и Шахрухом.

Арабский ученый, отъявленный враг Тимура, написал его историю с невероятным предубеждением, он постоянно называет его тираном, извергом, бичом. Так как нельзя заподозрить его в лести, то я приведу его слова о Тамерлане. «Тимур был хорошо сложен, высокого роста, имел открытый лоб, большую голову, сильный голос, и его сила не уступала его храбрости; яркий румянец оживлял белизну его лица. Он имел широкие плечи, толстые пальцы, длинные бедра, сильные мускулы. Он носил длинную бороду; правая рука и нога его были изувечены. Его взгляд был довольно ласков. Он пренебрегал смертью; и хотя ему немного не хватало до 80 лет, он умер, но все-таки еще не потерял ни своего гения, ни своей неустрашимости. Он был врагом лжи, шутки его не забавляли. Он не позволял разговаривать при себе о разбоях, убийствах и изнасилованиях женщин; он любил выслушивать правду, как бы она ни была жестока.

Хорошие или плохие успехи не производили никакого впечатления на расположение его духа. Друг храбрых солдат, сам полный мужества, он умел заставить уважать себя и повиноваться».

Тимур благосклонно относился к ученым и доверял тем, в которых он видел честность наравне с познаниями. Он сходил часто с трона, чтобы запросто беседовать с историками и философами и со всеми людьми, сведущими в науках или в администрации, которая была главным предметом его забот. К способности покорять людей, Тимур присоединил еще талант делать их счастливыми под своим владычеством, и, как это говорит один из его историков Шерифэддин, «он был в одно и то же время бичом своих врагов, идолом своих солдат и отцом своих народов». Он сам лично удостоверялся в положении своих подданных, которым давал хороших начальников, ибо он умел распознавать людей и лично заботился о их выборе.

Из всех удовольствий, которым предаются в свободное время властители земли, Тимур занимался только охотой или игрой в шахматы, которую он усовершенствовал.

Никогда его забавы не были губельны и очень дороги для его подданных; они не отвлекали его от прямых обязанностей и не приводили к излишним издержкам.

«Хороший царь,— сказал он,— никогда не имеет достаточно времени, чтобы царствовать, и мы принуждены работать в пользу подданных, которых Всемогущий поручил нам, как

священный залог. Это всегда будет моим главным занятием; ибо я не хочу, чтобы в день Страшного суда бедные тянули меня за края одежды, прося мщения против меня».

Дружба также имела для него прелести. Его ласковость доставила ему друзей, которых он сумел сохранить, не пренебрегая считаться их другом. Ибо Тимур хорошо знал, что дружба может быть оплачена только дружбой и что все его богатства могут ему послужить только для того, чтобы нанимать ему военных или льстецов. Любовь, которую он питал к благочестивому Иمامу Береке, слезы, которые он пролил, узнав о смерти этого потомка пророка,— превосходные черты, в особенности в лице всемогущего властелина.

Но сильный характер Тимура и честолюбие — порок, присущий всем великим людям, увлекли этого воина на предприятие, на которое посягал один только Чингиз. Итак, Тимур желал завладеть миром; это было, по его мнению, единственным способом сделать людей совершенно счастливыми. Зрелище раздоров, которые терзали государства Азии, плачевное положение народов, притесняемых безжалостными тиранами, укрепляли его в этой идее.

«Земля,— сказал он,— должна иметь только одного господина, подобно небу, которое имеет только одного Бога». «Что такое земля,— прибавил он,— и все ее жители для честолюбия одного великого государя?»

Адам Олеарий

ОПИСАНИЕ
НОВОГО ПУТЕШЕСТВИЯ
В ПЕРСИЮ,
ПОВЕСТВУЮЩЕЕ
О РОССИИ И ЕЕ ЖИТЕЛЯХ

Адам Олеарий (подлинная фамилия Эльшлегер) родился в 1599 или 1600 году в небольшом городке Саксонии Ашерлебен. В Лейпцигском университете изучал философию, литературу, географию, математику и астрономию, получил степень магистра философии и звание асессора философского факультета.

Превратности судьбы привели его в начале 30-х годов ко двору Фридриха, герцога Шлезвиг-Голштинского, известного мецената. В это время Фридрих снаряжал посольство к Великому Князю Московскому Михаилу Федоровичу, а также ко двору персидского шаха — для установления с ними торговых

сношений по суше, а заодно и для сбора подробных научных сведений о России и Персии, в тот период еще малоизвестных.

На Адама Олеария была возложена научная задача, он как никто другой подходил для этой цели в силу своей учености и знания языков.

В октябре 1633 года сформированная группа людей отправилась в путь по маршруту: Готторп, Гамбург, Рига, Новгород, Тверь, Москва. Получив согласие царя на проезд по его владениям в Персию, группа вернулась в Готторп. Затем собирается второе посольство и выступает в путь в октябре 1635 года. После многих злоключений, в том числе и кораблекрушения в Балтийском море, оно в марте того года прибывает в Москву, а в конце июня отправляется в Персию по маршруту: Коломна, Нижний Нов-

* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. Книга третья.

город, Астрахань, Дербент, Шемаха и далее по территории Персии. В августе 1637 года путешественники представились персидскому шаху в Испагани, тогдашней столице государства, в декабре того же года двинулись в обратный путь и в начале января прибыли в Москву. Здесь царь Михаил Федорович предложил Адаму Олеарию, с которым был хорошо знаком, поступить на службу в качестве придворного астронома и географа. Переговоры по этому вопросу привели к тому, что царь повелел снабдить Адама Олеария грамотой, позволяющей ему свободно прибыть с его родины в Москву:

«Божиею милостию, от Великого Государя Царя и Великого Князя Михаила Федоровича, всея Руси Самодержца, Владимирского, Московского и проч. и проч., Саксонские земли, Адаму Олеариусу.

Ведомо Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, учинялось, что ты гораздо научен и навычен Астрономии и Географус, и небесному бегу, и Землемерию, и иным многим надобным мастерствам и мудростям, а Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, таков мастер годен; и Мы, Великий Государь, Наше Царское Величество, велели к тебе послати сее Нашу Царского Величества опасную грамоту, и тебе б, Адаму, Нашего Царского жалованья к себе поискати, ехати к Нам, Великому Государю, тем мастерством своим послужити так же, как и в иных в разных Государствах службу свою

объявил, и на Москве, у Нашего Царского Величества, побыти тебе вольно, по твоей воле и хотенью; а Мы, Великий Государь, пожалуем тебя Нашим Царским жалованьем, смотря по твоей, к Нашему Царскому Величеству, службе. А буде ты похочешь ехать назад, в свою землю, и тебе будет тогда, по Нашему Царскому жалованью, назад отъехать добровольно ж со всеми твоими людьми и с животы, безо всякого задержания и зацепки. А ся Наша Царского Величества грамота тебе и опасная.

Писана в государствии нашего двора, в царствующем граде Москве, лета от создания мира 7147, месяца Марта 11 дня».

Однако Адам Олеарий так и не воспользовался царской грамотой. (Академик В. В. Бартольд ошибочно утверждал, что обстоятельства побудили «Олеария отделиться от посольства и поступить на русскую службу»).

Богатые впечатления и ценные материалы, почерпнутые Адамом Олеарием во время его поездки в Россию и Персию, послужили основой для книги «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах», которая у него на родине выдержала несколько изданий, а затем появилась в переводах почти на всех европейских языках: французском, английском, голландском, итальянском и русском. Полный русский перевод, выполненный П. Барсовым, вышел в свет в 1870 году.

По оценке просвещенных людей конца XIX века, описание путешествий Адама Олеария «представляет собой одно из замечательнейших литературных явлений XVII века и вместе с тем, благодаря своей точности, является и од-

ним из важнейших источников для изучения истории России того времени». В справедливости этих слов читатель может убедиться сам, познакомившись с фрагментами книги.

Энвер ХУРШУТ.

Глава I

О Российском Государстве, об областях, реках и городах

Россия, или, как некоторые называют ее, Белая Россия, или же как вообще также называют ее по главному стольному городу Москве, лежащему в середине страны, Московия, составляет одну из самых крайних частей Европы, граничащую с Азией и обнимающую собой весьма значительное пространство. Границы ее, особенно если принимать в соображение земли, ныне находящиеся под владычеством царя, или Великого Князя Московского, простираются: на север, или полночь, через полуночный круг до Ледовитого океана, на восток, или утро, до великой реки Оби, протекающей через земли ногайских татар, на юг, или полдень, до владений крымских, или перекопских татар, и на запад, или вечер, до соседственных земель — Литвы, Польши, Ливонии и Швеции.

В России есть много больших и в своем роде прекрасных городов, из которых важнейшие: Москва, Великий Новгород, Нижний Новгород, Псков, Смоленск.

Что касается до Москвы, стольного и главного города во всем Великом Княжестве, то она весьма заслуживает того, чтобы подробнее поговорить здесь о ней.

Имя свое получила она от реки Москва, которая течет через город в южной его части и обтекает Красную стену.

Город лежит в середине, как бы в сердце страны, и москвитяне полагают, что он отстоит от границ во все стороны на 120 миль. Величина его в окружности считается до 3 немецких миль, но в прежние времена он был, должно быть, вдвое больше. Матфей из Мехова пишет, что в его время Москва была вдвое больше, чем Флоренция в Тоскане или Прага в Чехии. Но в 1571 году, во время великого нашествия крымских, или перекопских татар, и в другой раз, в 1611 году, поляками она была совершенно выжжена до самого Кремля. Говорят, что и теперь еще можно насчитать там до 40 тысяч погорелых прежде мест.

Жилые городские дома (за исключением принадлежащих большим боярам и богатым из купцов и немцев, которые на дворах имеют свои каменные палаты) все построены из дерева, из положенных друг на друга (на концах крестообразно) сосновых и еловых балок. Крыши на домах делаются из тесу, поверх которого настилается березовая кора (береста), а иногда и дерн, отчего бывают частые большие пожары, не проходит не только месяца, но даже недели, чтобы не сгорело несколько домов, а иногда, при сильном ветре, и целых улиц. Во время нашего пребывания несколько раз случалось так, что ночью мы видели огонь в трех или четырех местах в одно и то же время. Незадолго до нашего приезда в Москву в ней выгорела треть города, то же самое повторилось и четыре года тому назад.

При подобных несчастиях наряжаются стрельцы и особая стража, которые должны действовать против огня; но огонь там никогда не тушат водою, а прекращают его распространение тем, что ломают близстоящие строения, и огонь, потеряв свою силу, потухает сам собою. Для этой-то цели каждый солдат и ночной сторож должен носить при себе топор.

В каменных палатах и подвалах (сводах) для предохранения от соседнего пожара делаются маленькие оконца, которые в подобных случаях закрываются ставнями из листового железа. Но погорельцы, потерявшие свои дома от пожара, скоро поселяются в новых: в Москве, за Белой стеной, есть особый рынок разных построек, там стоит множество совсем сложенных и разобранных домов, которые покупаются, перевозятся с небольшими издержками на место и быстро устанавливаются.

Улицы в Москве довольно широки, но осенью и вообще в дождливую погоду ужасно грязны, и грязь там глубокая; но лучшие улицы выложены деревянной мостовой, состоящей из положенных одно подле другого бревен, по которым ходят и ездят, как по мосту.

Весь город москвичи разделяют на четыре части: первая из них называется Китай-город, то есть средний город, потому что он занимает самое срединное место. Он обведен толстою красною каменною (из красного кирпича?) стеною, которая и называется Красная стена. С южной стороны, как выше сказано, он замыкается рекою Москва, а с северной — рекою Неглинной, которая позади Кремля соединяется с рекою Москвою. Почти половину этой части города занимает великокняжеский замок Кремль, который величиною с порядочный город, обведен тройной толстой каменной стеною и глубоким ровом и достаточно снабжен отличным оружием и воинами. Внутри стен находится много богатых каменных зданий, палат и церквей, занимаемых и посещаемых Великим Князем, Патриархом, важнейшими государственными советниками и боярами. Хотя прежний Великий Князь, Михаил Федорович, бывший еще в живых, когда мы были в Москве, и выстроил хорошие камен-

ные палаты, а для сына своего, теперешнего Великого Князя, великолепнейший дворец и палаты в итальянском стиле, но сам он, как нам говорили, жил, ради здоровья, в деревянном дворце. Нынешний Патриарх также выстроил для себя великолепнейший дворец, который разве немного чем будет похуже великокняжеского.

Кроме двух монастырей, мужского и женского, насчитывается в нем до 50 каменных церквей, из которых замечательнейшие и самые большие: Св. Троицы, Св. Марии (Успения), Св. Михаила (где погребаются великие князья) и Св. Николая. В одной из этих церквей есть огромной величины двери о двух створах, все обитые толстым листовым серебром.

Все эти, равно как и все другие каменные церкви по всей стране, имеют по пять белых башен (глав), на вершинах которых водружены тройные кресты. Но в Кремле церковные главы покрыты гладкою, крепко золоченною жестью, которая при солнечном свете ярко блестит и тем придает всему городу великолепный вид, так что некоторые из нас, когда въезжали в город, говорили: «Снаружи город кажется Иерусалимом, внутри же Вифлеем».

На самой середине площади в Кремле стоит чрезвычайно высокая колокольня, называемая Иван Великий, глава которой обита упомянутой сейчас золоченой жестью, а на самой колокольне множество колоколов. Рядом стоит другая колокольня, для которой был вылит самый большой колокол весом в 356 центнеров при Великом Князе Борисе Годунове. В этот колокол звонят только во время больших торжеств или в праздники, как называют их русские, а также при встрече великих послов и при шествии их на торжественное представление; звонят в этот гигантский колокол 24 человека и даже более, они стоят на площади внизу и, ухватившись за веревки, привязанные к двум длинным канатам, висящим по обе стороны колокольни, звонят таким образом все вместе, то с одной, то с другой стороны. Наверху, у самого колокола, тоже стоят несколько человек, которые помогают приводить в движение язык колокола.

Вне Кремля, в части Китай-город, с правой стороны больших кремлевских ворот, стоит искусно построенная церковь Св. Троицы, строитель которой был ослеплен по приказанию тирана с тем, чтобы он уже не смог сделать другой, подобной.

Недалеко от этой церкви находится площадь, на которой прямо на земле лежат два огромных металлических куска, по направлению к большой улице, через которую татары обыкновенно делали свои вторжения. Перед Кремлем находится самый большой и лучший рынок во всем городе, полный по целым дням торговцев, мужчин и женщин, рабов и празднующегося народу.

На рынке и в соседних с ним улицах устроены известные места и лавки для всякого рода товаров и промышленных изделий. Продавцы шелковых, суконных товаров, золотых дел мастера, седельники, портные, скорняки, шапочники и другие,

каждый имеют свои особые улицы, где и торгуют своими товарами. Такой порядок очень удобен, потому что каждый знает, куда ему идти, чтобы купить необходимую вещь. Недалеко же от Кремля находится иконный ряд, где продаются исключительно писанные образа их древних святых. Русские, впрочем, куплю икон не называют куплею, а говорят, что они выменивают их на деньги и при этом большого запроса не бывает.

Далее, направо, когда пойдешь от Посольского двора в Кремль, есть особая площадка, на которой русские во время хорошей погоды сидят под открытым небом, бреются и стригутся. Рынок этот, называемый у них Вшивым, до такой степени устлан толстым слоем волос, что ходишь по ним, точно по подушке.

В этой части живут также лучшие и знатнейшие гости и купцы, а равно и некоторые из князей.

Другой округ города, называемый Царь-город, лежит в форме полумесяца, окружен также крепкой каменной стеной, которую русские называют Белая. Здесь живут многие бояре и московские князья, боярские дети, благородные люди, важнейшие граждане и купцы, а также всякого рода промышленники, преимущественно же хлебники. Тут же находятся семянные и мучные лавки, мясной, скотный рынки, кабаки с продажей пива, меда и водки. В этом округе находится и конюшня Его Царского Величества, а равно и Монетный, или Литейный двор, стоящий на месте, называемом Поганый Пруд, при речке Неглинной, на котором выливается множество пушек и большие колокола. До этого времени русские имели у себя одного искусного мастера по имени Ганс Фалькен из Нюрнберга, от которого некоторые из них только наглядкою выучились отливать довольно изрядно. Ганс Фалькен особым приемом отливал такие пушки, что из них безопасно можно было стрелять 26-фунтовыми ядрами, количеством пороху в 25 фунтов; этим мастерством он до того прославился в Голландии, что о нем печатали там в Меттерановой типографии.

Третья часть Москвы называется Скородом, самая крайняя, простирающаяся на север, восток и запад около Царь-города. Река Яуза протекает через нее и впадает в реку Москву. В этой же части находится упомянутый выше домовый рынок, на котором можно купить дом и в два дня выстроить его на другом месте.

Четвертая часть города называется Стрелецкая слобода; она лежит в южной части, за Москвой-рекой, окружена заборами наподобие частокола или изгороди из кольев и деревянными больверками. Часть эта построена отцом тирана, Василием, для иноземных воинов: поляков, литовцев и немцев и названа Налейки — именно по причине господствующего там пьянства. Это особое помещение для иноземных войск устроено потому, что иноземцы преданы пьянству еще более москвитян, и так как нельзя было надеяться искоренить в них привычку, так давно ими усвоенную и сделавшуюся даже их врожденным пороком, то

им и предоставили полную свободу пить; а чтобы русские не могли заразиться дурным примером, то положено, чтобы горькие пьяницы жили одни, за рекою (так объясняется это у Герберштейна и у Гваньина). Теперь же в этом округе живут стрельцы, или солдаты, состоящие на службе у Его Царского Величества, и другой черной (простой) народ.

Внутри и вне стен города Москвы находится множество церквей, часовен и монастырей. В первом издании я определил число их 1500, что показалось удивительным и даже невероятным Иоанну Людвигу Готфриду, но я показал тогда еще мало, как дознал я потом из дальнейших верных известий, частью от наших соотечественников, несколько лет проживавших в Москве, частью же от самих москвитян, которые жили у нас, в Голштиний, несколько времени при поимке пленника их, ложного Шуйского, и с которыми я ежедневно виделся и беседовал. Эти-то лица единогласно сообщили мне, что в городе Москве находится более 2000 церквей, монастырей и часовен.

Сказанного здесь о городе Москве пока будет довольно.

Так как Архангельск также важный торговый город и о нем, сколько мне известно, нигде еще писано не было, то я хочу сказать и о нем несколько слов.

На карте и в атласе город этот называется Св. Михаилом Архангелом, русские же называют его просто Архангельск. Лежит он высоко на севере. Город и вход в него еще не стары, и прежде корабли входили в левый рукав Двины, у монастыря Св. Николая, от которого и самое место это называлось пристанью Св. Николая. Но устье левого рукава от постоянно наносимого песка обмелело, а в правом оно было глубоким, по нему и стали плавать и построили при нем и самый город.

Город сам хоть и невелик, но весьма замечателен множеством живущих в нем купцов и морской торговлею. Сюда приезжают голландские, английские и гамбургские корабли со всевозможными товарами. К этому времени съезжаются туда и купцы из внутренней стороны, особенно немцы из Москвы, и зимою на санях с своими товарами снова возвращаются домой.

Теперешний Великий Князь наложил на товары, привозимые в этот город, большую пошлину, которую собирает воевода, живущий там в замке или кремле. Так как пошлина эта довольно тягостна для купцов, и напротив, пошлина, взимаемая Его Величеством королем шведским с товаров, идущих через Ливонию в Нарву, простирается только до двух процентов со ста, то полагают, что архангельская торговля упадет и обратится к Балтийскому морю через Ливонию, тем более, что здесь и путь безопаснее везде, чем в Архангельске.

Недалеко от Архангельска, на Белом море, лежат три острова, из которых наибольший называется Соловки. Там есть монастырь, в котором погребен один из русских святых. Этого святого Великий Князь, по просьбе Патриарха, год тому назад велел вырыть и перевезти в Москву, о чем тогда было много толков в народе. Некоторые рассказывают, что прежние вели-

кие князья поперевозили на этот остров, высокий, скалистый и весьма недоступный, богатейшие сокровища.

Глава VII

О домашнем быте русских, об обычной их жизни, пище их и содержании

Хозяйство русских устраивается каждым сообразно его состоянию. Вообще они живут плохо, и на домашнее обзаведение им требуется немного. Хотя в настоящем время большие бояре и богатые купцы живут в богатых палатах, которые, впрочем, начали строиться в России не более тридцати лет назад, зато прежде они тоже довольствовались своими плохими домишками. Большая часть русских, особенно из простонародья, расходует на свое житье-бытье весьма мало. Как жилища их бедны, так и запасы и домашняя утварь, находящиеся в этих жилищах, крайне ничтожны, хотя и достаточны для них. У большей части хозяев найдется три-четыре глиняных горшка и столько же глиняных или деревянных блюд; редко встретишь оловянную, а тем более серебряную посуду, и то разве только одни чарки для водки или меду.

Места для спанья у них обыкновенно лавки, а зимою, как и у жителей Ливонии, печи; в этих печках они готовят себе кушанье, а вверху устраивают гладкие площадки, на которых и спят повалкой: муж, жена, дети, слуги и девицы. Под печью и лавками по селениям видели мы в некоторых избах свиней и кур.

Русские не привыкли ни к каким изысканным кушаньям и сластям: ежедневная пища их состоит из каши, репы, капусты, свежих и соленых огурцов, а в Москве из крупной, большей частью соленой рыбы, которая иногда, по причине малого ее соления, очень воняет, но которую тем не менее они охотно едят. Их рыбный рынок поэтому гораздо раньше почувствуешь носом, чем увидишь его или войдешь в оный. Так как и в России превосходны пастбища, то там много и хорошего мяса бараньего, крупного рогатого скота и свиного; но, имея по своей вере в году столько же почти постных дней, сколько и скоромных, они привыкли обходиться сравнительно малым количеством мяса. Они умеют изготавливать из рыбы, из разного печенья, из овощей или зелени всякого рода кушанья, так что в мясном могут даже и не чувствовать особой надобности. Так, однажды, постом, по царской милости, мы кушали такой обед, состоящий из сорока одних только постных блюд. Между прочим, у них есть особый род печенья, нечто вроде пастетов или еще более блинов, которые они называют пирогами, величиною в круг масла или с нашу сдобную булку, только несколько длиннее, и начинают эти пироги мелко искрошенной рыбой или говяди-

ной с луком, затем поджаривают в масле, а в постные дни в оливе; такие печенья довольно вкусны и ими угощают гостя, если хозяин расположен к нему и хочет хорошенько его накормить.

Довольно общеупотребительное кушанье у них есть еще икра, добываемая из больших рыб, особенно из осетров и белорыбицы.

Отделив ее от кожицы, в которой она лежит, они солят ее и, давши постоять так от шести до восьми дней, мешают ее с перцем и мелко изрубленным луком, некоторые же добавляют еще уксусу и прованского деревянного масла и затем едят. Это вовсе недурное кушанье, особенно если вместо уксусу надавить в него лимонного соку: оно придает выть на пищу и возбуждает силы природы. Такая икра добывается и просаливается на Волге, большею частию близ Астрахани, просушивается на солнце и в количестве нескольких сотен тонн развозится в чужие страны, преимущественно в Италию, где она считается нежнейшим кушаньем и называется к а в ь я р. Некоторые купцы берут торговлю этим товаром на откуп у Великого Князя за известное количество денег. Есть еще у русских род кушанья, которое обыкновенно едят они после попойки, с похмелья или в дурном расположении духа; делается оно так: изжаренную, холодную баранину режут на мелкие кусочки в виде кубиков, мешают ее с тоже мелко нарезанными огурцами, подбавляют перцу, разводят уксусом и огуречным рассолом в равных частях и затем хлеблют эту смесь ложкой. Поевши ее, снова принимаются за питье. Вообще кушанья русских все почти приправляются чесноком или луком, отчего все комнаты и дома, даже пышные великокняжеские покои и палаты в Кремле издают сильный и для нас, немцев, весьма неприятный запах.

Главным напитком у простого народа служит квас, похожий на наше тонкое пиво, также пиво, мед и водка. Знатнейшие господа пьют также шампанское, рейнское и французское вина, всякого рода меда и двойную водку.

У русских хорошее пиво, которое преимущественно немцы умеют мастерски варить весною и сохранять продолжительное время. Для этого в России изготавливаются погреба, набиваемые снегом и льдом: на этот снег и лед кладется ряд бочек, их засыпают снегом и льдом, затем кладется новый ряд бочек и так далее. Поверх снега, укрывающего последний ряд бочек, кладутся солома и доски. Таким образом пиво сохраняется свежим и приятным на вкус на целое лето, которое в России бывает довольно жарким. Вина Россия получает через Архангельск, но его употребляют больше немцы, чем русские, которые предпочитают им хорошую водку.

Русские умеют варить превосходный и превкусный мед из малины, ежевики, вишен и других ягод. Нам особенно понравился малиновый по своему приятному запаху и вкусу. Я сам выучился приготавливать его: сперва совершенно спелую малину кладут в бочку, заливают ее чистою водою, дают постоять

день или два, пока вкус и цвет малины перейдут в воду. Такую воду сливают и примешивают в нее чистого меда: на одну кружку меда две или три кружки настоенной на малине воды. Затем кладут туда кусочек поджаренной булки и небольшое количество дрожжей, и когда мед начинает бродить, булку вынимают и оставляют так бродить четыре или пять дней. Желющие придать меду вкус и запах пряных корней кладут в него мешочки с гвоздикой, кардамоном и корицей. После потребного для надлежащего брожения времени бочки с медом выставляют в холодное место и дрожжи оттягивают.

Некоторые заливают малину простою водкой, хорошенько взбалтывают и после суточного стояния водку сливают с ягоды, разводят медом, и такой настой становится очень приятным напитком.

Русские задают иногда пиры, изобилующие множеством разного рода кушаний и напитков. Если же знатные вельможи затевают пир и приглашают на него гостей низшего сословия, что делается, конечно, с иной целию, а не с тем, чтобы оказать этим людям свое доброе расположение, то тогда яства и хлебы на этом пиру составляют как бы приманку на удочке, которою хозяин приобретает более, чем издерживает; ибо у них уж такой обычай, что гости такому хозяину приносят с собою почетные подарки — приношения. И если, например, какого-нибудь немецкого купца удостоят приглашения, он должен наперед знать, как дорого ему обойдется такая честь. Воеводы в городах, особенно там, где сосредоточивается наибольшая торговля и промышленная деятельность, по два и по три раза в году задают торжественные пиры, на которых являются любезными и радушными хозяевами и на которые обыкновенно приглашают всех богатых купцов.

Самая высокая честь и дружба, какую только может оказать хозяин своему гостю на таких пиршествах, состоит у русских в том, что после всех угощений выходит разодетая жена хозяина и из собственных рук подносит гостю чарку водки; иногда же, если гость особенно мил и любезен хозяину, ему позволяется и поцеловать хозяйку. Такая великая честь была однажды оказана и мне в доме графа Льва Александровича фон Шлакова*.

После богатейшего угощения граф этот отозвал меня особо от других гостей, повел в другую комнату и сказал, что самая большая честь и благорасположение, какие только могут быть оказаны гостю в России, состоят в том, что жена хозяина

* Он выехал, как свидетельствуют «Повседневные дворцовые записки» (М., 1769), в 1643 году из «Дачные земли», представлялся государю и просился «на государево имя служить», что и дозволено было ему, затем крестился и получил имя — князь Лев Александрович Шляховский, вместо «граф Матфей Шлаков»; ему повелено «быть во дворянах московских». О. Б.

сама выходит к пирующим и так же, как хозяин, потчует гостя. А так как я, служа у его светлости, герцога голштинского, очень ему приятен, то в честь и во уважение герцога, которого многими высокими милостями пользовался он во время своих странствований и гонений, он желает и мне оказать подобающую честь. Вслед за ним явилась супруга графа, весьма красивая собою, хотя и подрумяненная, в подвенечном платье, в сопровождении другой женщины, которая несла графин с водкою и чарку. Вступивши в комнату, хозяйка поклонилась сперва своему мужу, потом мне, затем приказала налить чарку водки, поднесла ее к своим губам и потом сама поднесла чарку мне и просила меня выпить, что повторила три раза. После этого граф пожелал, чтобы я поцеловал хозяйку; но так как я не привычен был к такой чести, то и поцеловал только руку у графини. Граф не удовольствовался этим, настаивал, чтобы я поцеловал графиню в губы, и, из уважения к нему, я должен был исполнить, по их обычаю, его просьбу. В заключение графиня подарила мне носовой платок из белой тафты, вышитой золотом и серебром и украшенной длинной бахромою.

Хотя бояре и знатные господа, по всей вероятности, издерживают весьма много при желании вести себя достойно занимаемых ими мест и при своих широких домохозяйствах, но для этого, кроме больших жалований, они имеют еще и богатые поместья и крестьян, ежегодно приносящих им громадные доходы. Купцы и ремесленники добывают себе пропитание и ежедневные заработки только своими промыслами, причем купцы довольно хитры и ловки в извлечении барышей из своей торговли. Внутри страны они торгуют предметами, составляющими необходимую жизненную потребность; те же, которые, с дозволения Его Царского Величества, ездят в соседственные земли, например, в Ливонию, Швецию, Польшу и Персию, торгуют большею частию соболями и разными другими мехами, льном, коноплей и кожей. Эти же купцы покупают у англичан, которые в Москве ведут большую торговлю, сукно по четыре талера за локоть, а сами продают его по три с половиной или даже по три талера за тот же локоть и получают при этом еще порядочный барыш. Это делается так: они берут одну или несколько штук сукна за условленную цену с уплатою всего количества через полгода или даже через год, затем тотчас же распродают это сукно мелким торговцам в розницу по аршинам на чистые деньги и на вырученное закупают другие товары, которые опять тотчас же продают, и таким образом в продолжение того времени, которое они имеют до уплаты за купленное ими сукно, они делают денежный оборот три и более раз, в итоге получают, наконец, для себя чистую прибыль.

Ремесленники, по простой жизни своей не требующие много, добывают трудами рук своих весьма достаточно для того, чтобы иметь надлежащее неприхотливое содержание и чарку водки, чтобы без нужды прокормить себя и свои семейства. Люди эти очень способны к разным ремеслам, легко перени-

мают все, что увидят у немцев, и очень скоро они научились и переняли у последних много такого, чего прежде совсем и не знали. Поэтому в настоящее время они свои улучшенные изделия продают уже по гораздо высшим ценам, чем прежде. Особенно удивили меня русские золотых дел мастера, которые делают теперь серебряную с разными украшениями посуду с таким искусством и изяществом, что не уступают в том немцам.

Теперь русские сами умеют лить большие пушки и колокола: так, в прошлом году, в Кремле, близ колокольни Ивана Великого, выученики знаменитого литейного мастера Ганса Фалькена вылили огромный колокол, который, по совершенной очистке и отделке, весил 7 700 пудов, т. е. 303 000 фунтов или 2080 центнеров, как сообщали мне это многие немцы, бывшие в Москве, а также и сами русские. Но этот колокол, когда его повесили на приготовленное для него место и начали звонить, дал трещину. В настоящее время его разбили, и его Царское Величество приказал вылить на том же месте еще больший колокол, который бы навеки оставил память о нем, и уже приступили к разного рода подготовительным работам для отливки нового колокола.

Русские все, как низшего, так и высшего сословия, имеют обыкновение отдыхать и спать в полдень, после обеда; поэтому в это время запирается большая часть лучших лавок, и самые лавочники спят прямо перед дверьми. В этот час нельзя добиться до свидания или переговоров с кем-либо из знатных бояр или купцов — они отдыхают...

Имея в виду этот обычай, русские пришли к заключению, что Лжедмитрий не мог быть по рождению русским и сыном Великого Князя, так как он не любил, подобно всем русским, спать после обеда. К тому же он не так часто, как водится у русских, ходил в баню, ибо русские крепко держатся обычая мыться в бане и особенно считают это необходимым делом после первой свадебной ночи. Поэтому-то во всех городах и селениях у них множество общественных и частных бань, в которых всегда почти найдешь множество моющихся.

Будучи в Астрахани, я посетил потихоньку одну из бань с намерением взглянуть, как моются там русские. Самые бани разделены были на две половины досчатыми перегородками для того, чтобы мужчины и женщины могли мыться отдельно. Но те и другие входили и выходили в одну общую дверь, причем совершенно нагими, ничем не прикрываясь, и лишь некоторые держали перед собой березовый веник. Иногда женщины безо всякого стыда входили в мужское отделение и разговаривали там со своими мужьями.

Русские могут выносить чрезвычайный жар и в бане, ложась на полках, велят себя бить и тереть свое тело разгоряченными березовыми вениками, чего я никак не мог выносить; затем, когда от такого жару они сделаются все красными и изнемогут до того, что уже не в состоянии оставаться в бане, они

выбегают из нее голыми, как мужчины, так и женщины, и обливаются холодною водою; зимою же, выскочив из бани, они валяются в снегу, трут им тело, будто мылом, и потом, остывши таким образом, снова входят в жаркую баню. Так как бани обыкновенно устраиваются при реках или ручьях, то моющиеся в них из жару прямо бросаются в холодную воду. Случилось однажды, что один немец забрался в купальню к женщинам, и оказалось, что они не так стыдливы, как Диана, которая, разгневавшись за подобную выходку на одного смельчака, обратила его в оленя.

Описанный способ мыться в банях мы видели не только в России, но и в Ливонии, и в Ижории, где простой народ, особенно же чужд, в самый жестокий мороз выбегают голыми на улицу, трут себя снегом и потом снова входят в жаркую баню, и такой резкий переход от жара к холоду несколько не вредит им, так как они привыкли к этому еще с детства. Поэтому-то чужд, латыши, так же, как и русские, крепкий, сильный, выносливый народ, способный легко переносить и стужу, и жар.

В Нарве я с удивлением смотрел на русских и чуждских мальчиков, восьми, девяти и десяти лет, как они в одних тонких полотняных кафтанах босыми ногами, похожими на гусиные, целых полчаса ходили и стояли на снегу, не обращая ни малейшего внимания на нестерпимый мороз.

Вообще в России люди здоровые, доживающие до глубокой старости и редко болеющие; если же заболит кто, то самым лучшим лекарством в простом народе считается водка и чеснок; знатные же бояре начинают уже теперь обращаться за советами к немецким врачам и употреблять известные, предписываемые ими лекарства.

Особенно хорошие бани нашли мы у немцев и ливонцев, живущих в Москве, при их домах. В этих банях устраивается печь со сводом, в которой на особом возвышении накладывается куча камней. Из печи одно отверстие делается в баню и закрывается заслонкою и навозом; другое отверстие, поменьше, ведет наружу — через него выходит дым. Когда камни достаточно нагретятся, внутреннее отверстие открывают и льют на камни воду, иногда настоенную на пахучих травах. В самой бане, по стенам кругом поделаны лавки и полки, одна выше другой, и на них полотняные, сеном набитые мешки или подстилки, обсыпанные цветами и всякого рода благовонными травами, которыми утыканы и окна бани, а на пол набрасывается мелко нарубленный и измятый еловый кустарник, издающий приятный и улаживательный запах. Если моется знакомый чужестранец в бане у своих соотечественников и, следовательно, если он желанный гость, то его холят как нельзя лучше, заботятся о нем и всячески ублажают. Хозяйка или дочь ее приносят сами или посылают обыкновенно гостю в баню несколько ломтей редьки, посыпанных солью, и вкусно изготовленную пивную похлебку. Если же хозяева этого не сделают, то это считается за великое неуважение к гостю и служит ему знаком,

что он вовсе не желанный. После бани гостя потчуют по достоинству опять всякого рода освежающими угощениями...

Глава XIV

О доходах и расходах Великого Князя. О столе его, придворном враче и переводчике

Все эти, сейчас упомянутые, в титул вошедшие, а равно и другие земли, области и города ежегодно приносят в казну Его Царского Величества огромный доход, который простирается до нескольких миллионов, а составляет все это из податей, налогов и пошлин, сборов с кружечных дворов, с торговли и с поместий. Хотя подданные Его Царского Величества обыкновенно платят подать небольшую, но множество земель и народов делает из нее весьма значительный доход. Если же должна быть ведена война, то граждане, купцы и торговые люди должны давать особое тяжкое денежное вспомоществование.

Так, при прежнем Великом Князе, во время войны за Смоленск, граждане должны были давать пятаину, то есть пятую часть своего имущества (пятую деньгу). Нынешний же царь брал только десятую часть. Бояре и великие господа, владевшие многими поместьями, должны содержать на случай войны известное число конных и пеших воинов; дворяне вообще все, с слугами своими, должны сами выступить в поле. Монастыри также, владеющие многими селениями и крестьянами, должны выставить и содержать известное число воинов. Пошлины, которые Великий Князь получает с пограничных и важнейших торговых городов, также доставляют ему огромный доход. Нам сообщил один богатый купец в Москве, что однажды важный торговый город Архангельск доставил в один год неизмеримо громадную сумму денег, именно 300 000 рублей, что составляет шесть тонн золота. Трактиры, корчмы, кабаки, или кружечные дворы, как их теперь называют, приносят Великому Князю вообще огромные деньги, так как ныне он один во всем государстве имеет право держать их и как русские предаются употреблению вина выше всякой меры. Перед этим бояре и большие господа в разных местах имели свои собственные кабаки, которые они, как и сам Великий Князь, отдавали на откуп известным лицам, но так как бояре возвысили откупную плату до такой степени, что многие откупщики должны были разориться, поэтому и установлено теперь, что никто из бояр и знатных вельмож своих кабаков держать не может, и все эти кабаки Великий Князь отобрал себе и во всяком городе завел дом, где можно покупать вино, мед и пиво, а деньги за эти напитки поступают только в казну Его Царского Величества. В Новгороде постоянно было три кабака, из которых каждый

давал в год доходу по 2 тысячи рублей, что со всех трех составляет 12 тысяч рейхсталеров; при теперешнем новом порядке доход этот еще увеличился. Теперь кабаков, хотя они не все приносят такие большие деньги, по всей стране насчитывается до тысячи.

Большой доход доставляют Великому Князю также соболевые и другие меха, получаемые из северных стран, которыми он, равно как и другими товарами, ведет значительную внутреннюю и внешнюю торговлю; для этого он наряжает известные лица, которым вверяет товары и даже чистые деньги большим количеством и посылает их в соседние страны, преимущественно в Персию и Турцию; такую торговлю казна Великого Князя обогащается самым наилучшим образом.

Такого великолепного дельца или торгового человека по имени Савелий, посланного с четырьмя тысячами талеров, встретили мы в Персии. Так как торговец этот вместо того, чтобы употребить в дело данные ему деньги, в продолжение двухлетнего своего отсутствия растратил их все, то Великий Князь приказал своему посланнику Алексею Савичу Романчикову, которого он отправил с нами в Персию, заковать в цепи того неверного купца в Шемахе, в Мидии, но так как именно в это время у посланника умер переводчик, то он и взял на это место Савелия, обходился с ним всегда дружелюбно, взял с собой в Персию, к шаху, в намерении добрым обращением своим заманить его к пределам России. Но Савелий заметил шутку, и в то время, когда посланник хотел пуститься в обратный путь, бежал в Испаган, в Аллакапи, или слободу, подверг себя там обрезанию, отдался под защиту магометан и остался в Персии.

Царь имеет также в разных местах превосходные поместья, которые он отдает за откуп и получает огромные деньги; а также рудники близ Тулы доставляют ему богатую выручку.

Но если Великий Князь получает такие замечательные доходы, то и расходы его немалы: он должен ежегодно уплачивать стрельцам, или солдатам, которых множество на границах (по небезопасности от соседних народов) и в городах: так, в одной только Москве 16 тысяч войска, в Казанской области 6 тысяч, и всем им он платит жалованье из доходов с полей своих и поместий; во всех же областях вообще он ежегодно содержит далеко за 100 тысяч человек войска.

Независимые татары, которые постоянно держат настороже Великого Князя своими частыми вторжениями, ежегодно присылают в Москву свои посольства и требуют денег, так что Великий Князь как бы покупает у них мир. Войны, которые ведет Великий Князь, стоят ему вообще огромных денег, ибо в поле выступает он всегда с сильным войском, в котором офицеры большею частью из немцев, получающих большое жалованье. Так как жалованье это всегда верно выплачивается и некоторым, по их желанию, даже за месяц вперед, то поэтому на службу к Великому Князю из всех мест стекается много всякого народу. Большие расходы идут также на посланников

от иностранных государей, которые часто посещают Великого Князя, так что в Москве подолгу проживают в одно время по два, три таких посольства и даже более, и все они, во все время пребывания в пределах России, продовольствуются и содержатся за счет Великого Князя. Великий Князь держит и многочисленный придворный штат, и от его богатого царского стола ежедневно обедает до тысячи человек во дворце и вне его.

Здесь кстати упомянуть о том, как совершается царский обед. Ко времени обеда к столу не трубят, как это обыкновенно делается при других дворах, но один из прислужников бежит на кухню и в погреб и громко кричит: «Государю кушанье!», т. е. Великий Князь хочет кушать. Тогда тотчас же все готово. Их Царские Величества садятся за стол одни; если же к столу приглашается Патриарх или другие большие господа, то для них приготавливается особо, по сторонам царского стола. Кушанья, которых бывает до пятидесяти и более, не все ставятся на стол Великого Князя, но их держат слуги на руках, приподняв вверх, и по возвещении о них стольником, какого кушанья Его Царское Величество пожелает, то и подается и ставится на стол, остальные же блюда рассылаются некоторым господам и слугам, как немцам, так и русским, в особенности господам докторам, лейб-медикам и врачам. Теперь у Великого Князя только один доктор — лейб-медик г-н Гартман Граман, который был с нами в Персии. Он имеет большие познания в герметическом лечении и в пользовании своим, сравнительно с другими, всегда был отменно счастлив; поэтому он не только в большой милости у Его Царского Величества, но его весьма любят, уважают и много дарят и бояре, и князья, и другие знатные вельможи. Обыкновенного месячного жалованья он получает 62 рубля, или 124 талера, да годового 300 рублей — итого всего 2088 талеров, кроме хлеба, солоду, меду и вообще всего, что нужно для домашнего обихода. Если же он пускает кровь или употребляет какое-нибудь иное средство, то получает особое вознаграждение — до ста талеров чистыми деньгами, да сверх того кусок атласа, камки, сорок соболей и подобное тому.

Впрочем, от бояр, князей и других знатных вельмож врачи редко получают чистыми деньгами, а больше соболями, свиными окороками, вином и другими припасами. Ежедневно они обязаны являться во дворец с поклоном к большим господам, особенно же к тому, кто заведывает царской аптекой.

Его Царское Величество также с большими издержками кормит множество переводчиков на всякого рода языки, равно как и много других слуг из немцев и других иностранцев. Особенно много высших военных офицеров, которые оставили свою веру и перекрестились и которые и в мирное время получают большие деньги.

Между прочими переводчиками Его Царского Величества есть один по имени Иоган Бекер фон Дельден, родом из Копенгагена, человек превосходный, сведущий в науках, много

путешествовавший и знающий много языков, до сих пор подобного в Москве не было. Его Царское Величество назначил главным переводчиком и посылает со своими доверенными лицами по самым важным делам, например, недавно он послал его к Его Величеству римскому императору, в Вену, с двумя царскими послами — Иваном Ивановичем Баклановским, царским придворным дворянином, и дьяком Иваном Поликарповым Михайловым. В эту поездку Его Императорское Величество, во уважение отличных достоинств Бекера, по особой своей милости, пожаловал его дворянскою грамотой, как известил меня об этом из Вены один мой приятель.

Вообще же между великокняжескими слугами и придворными людьми, особенно же между русскими, в некоторых делах происходит то же, что и при большей части княжеских дворов, где добродетель и порок ведут постоянную войну между собою и где последний частенько побеждает первую. Некоторые, имеющие ближайший и более частый доступ к правительству, чем другие, делают ся щепетильнее, своенравнее, грубее и корыстнее других и потому, чтобы снискать их расположение, необходимо оказывать им высокое почтение, приветствовать их низкими, с опущенными до земли руками, поклонами и одаривать их, часто не столько для того, чтобы они сделали кому-нибудь добро, сколько для того, чтобы не причинили вреда. Поэтому-то еще немного лет назад в Москве было самое бедственное положение, каждый, давший подарок (называемый у русских посулом), достигал всего и мог все повернуть на свою сторону, даже самый закон (если только хотел) можно было повернуть так, что право отнималось у одного и переходило в руки другого и присвоилось этому последнему в самых вопиющих делах. Все эти несправедливости, вскоре после брака Великого Князя, некоторыми новыми родственниками его, а равно и другими устаревшими боярами, доведены были до крайности и вызвали страшное возмущение, в котором многие были избиты в кровь, некоторые потеряли даже свои головы...

В ПОИСКАХ ЧУДЕСНОГО

ФРАГМЕНТЫ НЕИЗВЕСТНОГО УЧЕНИЯ¹

— **Что вы находите самым важным из того, что узнали к настоящему времени?** — спросил меня Гурджиев в Петербурге.

— Конечно, те переживания, которые я имел в Петербурге в августе, — сказал я. — Если бы я был в состоянии вызывать по желанию и применять их, это было бы все, чего я мог бы желать, потому что тогда, полагаю, я мог бы найти все остальное. Но в то же время я знаю, что эти «переживания» — я пользуюсь этим словом за неимением другого — зависели от того эмоционального состояния, в котором я тогда находился. И я знаю, что они всегда будут зависеть от этого. Если бы я мог создавать такое эмоциональное состояние в самом себе, я очень быстро пришел бы к подобным переживаниям. Но я чувствую, что бесконечно далек от него, как будто погружен в сон. А то было пробужденным состоянием. Скажите мне, как можно создавать это эмоциональное состояние?

— **Есть три пути,** — ответил Гурджиев. — **Во-первых, оно может прийти само по себе, случайно. Во-вторых, его может создавать в вас кто-то другой. В-третьих, вы можете создавать его сами. Какой путь вы предпочитаете!**

Признаюсь, что в течение секунды я чувствовал очень сильное желание сказать, что предпочитаю второй путь. Но я сразу понял, какую реакцию мой ответ вызовет, и поэтому сказал: «Конечно, я хочу создавать его сам. Но как можно это делать?»

— **Я уже говорил раньше, что необходима жертва,** — ответил Гурджиев. — **Без жертвы ничего нельзя достичь. Но если в мире есть что-либо, что люди не понимают, так это идея жертвы. Они думают, что должны пожертвовать чем-то, что**

Начало в №№ 6, 9—10, 11—12 за 1992 и № 3 за 1993 гг.

имеют. Например, я однажды сказал, что они должны пожертвовать «верой», «спокойствием», «здоровьем». Они понимают это буквально. Но все дело в том, что у них нет ни веры, ни спокойствия, ни здоровья. Все эти слова должны быть взяты в кавычки. На самом же деле им нужно жертвовать лишь воображаемым — тем, чем они практически не обладают. Они должны пожертвовать своими фантазиями. Но это трудно для них, очень трудно. Гораздо легче пожертвовать реальными вещами.

Другое, чем должны люди пожертвовать, — своими страданиями. Но это также очень трудно. Человек откажется от каких угодно удовольствий, но только не от страданий. А тот, кто не освободился от страдания, не пожертвовал им, не может работать. Ничего нельзя достичь без страдания, но в то же самое время начинать необходимо с принесения в жертву страдания. Теперь расшифруйте, что это значит.

Глава 14

Объективное и субъективное знание. «Как вверху, так и внизу». «Познай себя». Преобразование двойственного в триничное. Конструкция пентаграммы. Печать Соломона. Символика чисел, геометрических фигур, букв и слов. Союз знания и бытия. Эннеаграмма. Объективное и субъективное искусство. Объективная музыка основана на внутренних октавах.

Существовали некоторые вопросы, к которым Гурджиев неизменно возвращался во всех своих беседах с нами после того, как заканчивались формальные лекции, на которые допускались посторонние люди. Первым был вопрос о самовоспоминании и о том, как его достичь; вторым — о несовершенстве нашего языка и о трудности передачи «объективной истины» нашими словами.

Как я уже упоминал раньше, Гурджиев употреблял выражения «объективный» и «субъективный» в особом смысле, принимая за основу соответствующие состояния сознания. Все наше обычное знание, основанное на обычных методах наблюдения, все научные теории, выводимые из наблюдений фактов, доступных нам в субъективных состояниях сознания, он называл субъективными. Знание, основанное на древних принципах и методах наблюдения, знание вещей в себе, знание, сопровождающее «объективное состояние сознания», знание Всего, было для него объективным знанием.

Попытаюсь передать следующий материал, насколько я его помню, отчасти используя заметки, сделанные некоторыми московскими учениками Гурджиева, а также мои собственные записи петербургских бесед.

— Одной из самых центральных идей объективного знания, — сказал Гурджиев, — является идея единства всего, единства в разнообразии. С древнейших времен люди, понимавшие содержание и смысл этой идеи и видевшие в ней основу объективного знания, стремились найти способ передачи ее другим в доступной форме. Так родились религиозные или философские учения, которые, подобно памятникам, остались на путях этих попыток объединить человечество с эзотерической мыслью.

Но объективное знание, включая идею единства, принадлежит к объективному сознанию. Для субъективного же сознания мир расколот на миллионы отдельных и несвязанных явлений. Попытки связать эти явления в какую-то систему научным или философским путем ни к чему не приводят, так как человек не может воссоздать идею целого, исходя из отдельных фактов, и не может постичь принцип деления целого без знания законов, на которых основано это деление.

Сознавая несовершенство и слабость обычного языка, люди, обладающие объективным знанием, пытались выразить идею единства в «мифах», в «символах» и в особых «словесных формулах», которые несли эту идею из одной школы в другую, из одной эпохи в другую.

Символы, которые использовались для передачи идей, относящихся к объективному знанию, заключали в себя диаграммы основных законов Вселенной и не только передавали само знание, но и показывали путь к нему. Изучение символов составляло очень важную часть подготовки к принятию объективного знания и само по себе являлось испытанием, ибо буквальное или формальное их понимание сразу же делало невозможным дальнейшее получение знания.

Среди формул, дающих сумму содержания многих символов, одна, из «Изумрудной Скрижали Гермеса Трисмегиста», имеет особое значение, а именно: «Как вверху, так и внизу». Она указывает на то, что все законы космоса можно найти в атоме или в любом другом явлении, существующем как нечто завершенное. Тот же смысл содержится в аналогии, проводимой между микрокосмосом — человеком и макрокосмосом — Вселенной. Основные законы триад и октав пронизывают собой все и должны изучаться одновременно — как в мире, так и в человеке. Но по отношению к самому себе человек является более доступным объектом для изучения и познания, поэтому, стремясь познать Вселенную, человек должен начинать с изучения самого себя, с понимания основных законов в самом себе.

С этой точки зрения, другая формула, «Познай самого себя», полна особенно глубокого смысла и является одним из символов, ведущих к пониманию истины. В этом смысле каждый символ сообщает что-то о нас самих.

Изучая феноменальный мир, человек прежде всего видит во всем проявление двух принципов, противоположных друг дру-

гу, которые в союзе или в столкновении дают тот или иной результат, то есть отражают сущность природы принципов, создавших их. Это проявление великих законов двойственности и трюичности человек видит в космосе и в самом себе одновременно. Но по отношению к космосу он является просто зрителем и притом видящим только поверхность явлений. По отношению же к самому себе его понимание этих законов может выразиться в практической форме: поняв эти законы в самом себе, он может, так сказать, ограничить их проявление до постоянной линии борьбы с самим собой на пути к самопознанию. Этим путем он будет вводить линию воли сначала в круг времени, а впоследствии в цикл вечности, завершение чего создаст в нем великий символ, известный под названием Печать Соломона.

Передать смысл символов человеку, который не достиг понимания их в самом себе, невозможно. Это звучит парадоксально, но раскрыть сущность символа может только тот, кто уже знает, что содержится в нем. И тогда символ становится для него синтезом знания и служит для выражения и передачи этого знания, точно так же, как служил человеку, который его построил.

Простые символы:

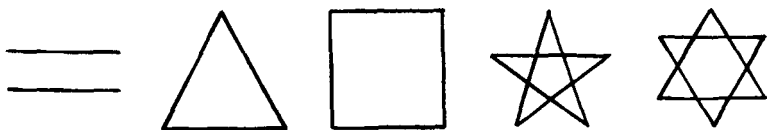

Рис. 1.

или числа 2, 3, 4, 5, 6, которые их выражают, обладают определенным смыслом по отношению к внутреннему развитию человека; они показывают различные стадии на пути его самосовершенствования и роста его бытия.

Человек в своем естественном состоянии целиком состоит из двойственностей, или «пар противоположностей». Все ощущения, впечатления, чувства, мысли человека делятся на положительные и отрицательные, полезные и вредные, нужные и ненужные, хорошие и плохие, приятные и неприятные. Работа центров протекает под знаком этого разделения. Мысли противостоят чувствам. Двигательные импульсы противостоят инстинктивному стремлению к покою. Это двойственность, в которой протекают все восприятия, все реакции, вся жизнь человека. Любой, наблюдающий себя человек может видеть эту двойственность в самом себе.

Понимание двойственности в самом себе начинается с осознания разницы между механичным и сознательным. Этому пониманию должно предшествовать разрушение самообмана

человека, который считает даже самые механичные свои действия волевыми и сознательными, а самого себя — единым и целостным.

Когда самообман разрушен, начинается борьба за реализацию сознания в жизни, за подчинение механического сознательному. Человек начинает с попыток прийти к определенному решению, исходящему из сознательных мотивов, против механических процессов, протекающих по законам двойственности. Создание постоянного третьего принципа является для человека преобразованием двойственности в тричность.

Укрепление этого принципа, постоянное и неукоснительное проведение его во все те события, где прежде обычно действовали случайные, нейтрализующие друг друга «толчки», дававшие случайные результаты, создает постоянную линию результатов во времени и является трансформацией тричности в четверичность (тернера в кватернер).

Следующая стадия — трансформация четверичности в пятиричность (кватернера в квинтернер) и построение пентаграммы. Мы знаем, что у человека имеется пять центров: интеллектуальный, эмоциональный, двигательный, инстинктивный и половой. Преобладающее развитие одного из них за счет других создает крайне односторонний тип человека, не способного к дальнейшему развитию. Но если человек приводит работу всех пяти центров в гармоническое согласие, он «закрывает внутри себя пентаграмму» и становится законченным типом физически совершенного человека. Полное и правильное функционирование пяти центров приводит их в единение с высшими центрами, которые вводят недостающий принцип и ставят человека в прямую и постоянную связь с объективным сознанием и объективным знанием. И тогда человек становится шестиконечной звездой, то есть независимым и законченным в самом себе; оставаясь при этом законченным в круге жизни, он изолирован от чуждых влияний или случайных «толчков»; он воплощает в себе Печать Соломона.

К процессу гармонического развития человека можно подходить и с точки зрения Закона октав, дающего другую систему символов. Каждый законченный процесс есть переход ноты «до» через серию последовательных тонов в «до» следующей октавы. Семь основных тонов октавы выражают Закон семи. Добавление к ней «до» следующей октавы, то есть ступени, завершающей процесс, дает восьмую стадию (ступень). Семь основных тонов с двумя «интервалами» и «добавочными толчками» дают девять ступеней. Последняя, десятая ступень представляет собой конец предыдущего и начало следующего цикла. Таким образом, Закон октав и процесс развития, который он выражает, включает в себя числа от 1 до 10. Затем мы подходим к тому, что может быть названо символикой чисел. Ее невозможно понять без Закона октав или без представления

о том, как октавы выражаются в десятичной системе, и наоборот.

В западных системах оккультизма есть метод, известный под названием «теософического сложения», то есть определения чисел, состоящих из двух или более цифр, суммой этих цифр. Для того, кто понимает единство всего сущего и имеет ключ к единству, этот метод сложения имеет глубокий смысл, ибо он разлагает всю множественность на основные законы, которые управляют ею и выражены в числах от 1 до 10.

Как уже упоминалось раньше, числа в символии связаны с определенными геометрическими фигурами [как изображено на рис. 1] и взаимно дополняют друг друга. В Каббале употребляется также символика букв в сочетании с символикой слов.

Сочетание всех четырех методов символии — чисел, геометрических фигур, букв и слов — дает сложный, но более совершенный метод.

Существует также и символика магии, алхимии, астрологии, как и система символов Таро, которая объединяет их в одно целое.

Каждая из этих систем может служить средством для передачи идеи единства. Но в руках невежественного и некомпетентного человека тот же символ становится «орудием заблуждения». Выражая законы единства бесконечного разнообразия, символ сам обладает бесконечным множеством аспектов, в которых его можно рассматривать, и это требует от человека способности видеть его одновременно с различных точек зрения. Символы, переложённые на слова обычного языка, закосневают в них, тускнеют и легко превращаются в «собственную противоположность», их смысл ограничивается узкими догматическими рамками, не давая даже относительной свободы для логического рассмотрения предмета.

Правильное понимание символов углубляет знание, и оно не может оставаться теоретическим, потому что активизирует стремление к реальным результатам, к единению знания и бытия, то есть к Великому Деланию. Чистое знание передать невозможно; выраженное в символах, оно прикрито ими как неким покрывалом; для тех, кто хочет и знает, как смотреть, это покрывало становится прозрачным.

И в этом смысле можно говорить о символике речи, хотя такой символизм понимается не каждым. Понимать внутренний смысл того, что говорится, можно только на определенном уровне развития и тогда, когда это сопровождается соответствующими усилиями и соответствующим состоянием слушателя.

Раньше мы говорили о Законе октав, о том, что каждый процесс, на какой бы шкале он ни находился, полностью предопределен в своем постоянном развитии законом строения семитональной шкалы. В связи с этим было указано, что каждая нота, каждый тон, если взять его на другой шкале, снова является целой октавой. «Интервалы» между «ми» и «фа» и между

«си» и «до», которые нельзя заполнять интенсивностью энергии действующего процесса и которые требуют внешнего толчка, так сказать, внешней помощи,— этим самым связывают один процесс с другими. Из этого следует, что Закон октав связывает все процессы Вселенной, и для того, кто знает шкалы переходов и законы структуры октав, представляется возможность точного познания всего и каждого явления в их сущностной природе и всех его соотношений с явлениями и вещами, связанными с ним.

Для объединения в одно целое всего знания, связанного с законом структуры октав, существует определенный символ, имеющий форму круга, разделенного на девять частей, с линиями, соединяющими в определенном порядке девять точек на окружности.

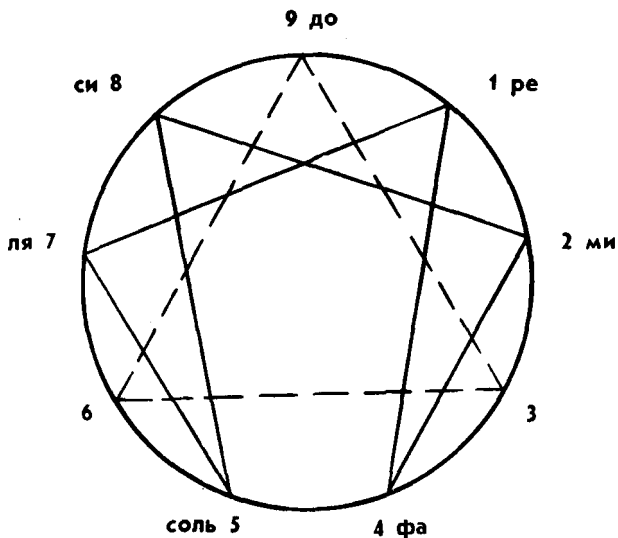

Рис 2

Этот символ нельзя встретить нигде при изучении «окультизма» — ни в книгах, ни в устной передаче; те, кто его знали, считали необходимым сохранять знание о нем в тайне. Лишь некоторые намеки и частичные изображения можно встретить в литературе.

Символ выражает Закон семи в его соединении с Законом трех.

Октава содержит семь тонов, а восьмой является повторением первого. Вместе с двумя «добавочными толчками», кото-

рые заполняют «интервалы» «ми» — «фа» и «си» — «до», получается всего девять элементов.

Полная конструкция этого символа, которая связывает его с полным выражением Закона октав, более сложна. Но даже и эта показывает внутренние законы одной октавы и указывает метод познания сущностной природы какой-либо вещи, рассматриваемой самой по себе.

Изолированное существование рассматриваемой вещи или предмета представляет собой замкнутый круг вечно возвращающегося и непрерывно протекающего процесса. Отдельные точки, делящие окружность на части, символизируют ступени процесса. Символ, как целое, есть «до», то есть нечто с упорядоченным и законченным существованием. Это — круг, завершённый цикл. Это — нуль нашей десятичной системы. Внутри себя он содержит все необходимое для его собственного существования. Последовательность стадий в процессе должна быть связана с последовательностью чисел от единицы до девяти. Наличие девятой ступени, заполняющей «интервал» «си» — «до», завершает цикл, то есть замыкает круг, который начинается заново в этом пункте. Вершина треугольника замыкает двойственность его основания, создавая возможность многообразных форм его проявления в самых разных треугольниках, точно так же, как и точка вершины треугольника бесконечно умножает себя в линии его основания. Следовательно, каждое начало и завершение цикла находится в точке вершины треугольника, где сливаются начало и конец, где замыкается круг. Эта точка звучит в бесконечно протекающем цикле как два «до» в октаве. Но именно эта девятая ступень замыкает цикл и снова начинает его. Поэтому в верхней точке треугольника, соответствующей «до», стоит число 9, а среди остальных точек располагаются числа от 1 до 8.

Треугольник 9-3-6, который соединяет в одно целое три точки на окружности, не включенные в период, связывает вместе Закон семи и Закон трех. Цифры 3-6-9 не включены в период: две из них, 3 и 6, соответствуют двум «интервалам» октавы; третья является, так сказать, лишней, и в то же время она заменяет основную ноту, которая не входит в период. Кроме того, каждое явление, способное взаимодействовать с подобным ему, звучит как нота «до» в соответствующей октаве. Поэтому «до» может выйти из своего круга и войти в правильное соотношение с другим кругом, то есть играть такую роль в другом цикле, какую в рассматриваемом играют «толчки», заполняющие «интервалы» в октаве. Следовательно, здесь также «до» связано посредством треугольника 3-6-9 с теми местами в октаве, где происходят «толчки» из внешних источников, где октава может быть пронизанной для того, чтобы установить связь с тем, что существует за ее пределами. Закон трех, так сказать, выступает из Закона семи, треугольник проникает сквозь период, и эти две фигуры в сочетаниях дают внутреннюю структуру октавы и ее нот.

Гурджиев возвращался к Эннеаграмме много раз и в связи с разными случаями.

— Каждое завершённое целое, каждый космос, каждый организм, каждое растение есть Эннеаграмма, — говорил он. — Но не каждая из этих Эннеаграмм имеет внутренний треугольник. Внутренний треугольник символизирует присутствие в данном организме высших элементов, согласно «шкале водородов». Им обладают, например, конопля, мак, хмель, чай, кофе, табак и многие другие растения, которые играют определённую роль в жизни человека. Изучение таких растений может раскрыть для вас многое в отношении Эннеаграммы.

Вообще говоря, Эннеаграмма — универсальный символ. В него можно заключить все знания, и с ее помощью оно может быть объяснено. Для человека, способного ею пользоваться, Эннеаграмма делает книги и библиотеки совершенно излишними. Все может быть включено в Эннеаграмму и прочитано в ней. Человек может, находясь в полном одиночестве в пустыне, начертить Эннеаграмму на песке и читать по ней вечные законы Вселенной. И всякий раз он сможет узнавать что-то новое, ранее ему неизвестное.

Если встретятся два человека, которые были в различных школах, они начертят Эннеаграмму и с ее помощью сразу же смогут установить, кто из них знает больше и, следовательно, кто на какой ступени стоит, кто из них учитель и кто ученик. Эннеаграмма — основной иероглиф универсального языка, который имеет столько же различных значений, сколько существует уровней людей.

Эннеаграмма есть вечное движение, то самое, которое люди искали с глубочайшей древности и никогда не могли найти. И ясно, почему они не могли ее найти. Они искали вне себя то, что находится внутри них; и они пытались построить вечное движение, как строят машину, в то время как реальное вечное движение есть часть другого вечного движения и не может быть создано отдельно от него. Понимание этого символа и умение им пользоваться дают человеку очень большую силу. Это и есть *perpetuum mobile* (вечный двигатель), это философский камень алхимиков.

Знание Эннеаграммы в течение очень долгого времени сохранялось в тайне, и если сейчас оно делается доступным для всех, то лишь в неполной и теоретической форме, из которой никто не сможет извлечь никакой практической пользы без указаний со стороны человека, который знает.

Для того, чтобы понять Эннеаграмму, нужно мыслить ее движущейся. Неподвижная Эннеаграмма — мертвый символ; живой символ заключен в движении.

Гораздо позже — это было в 1922 году, когда Гурджиев организовал свой институт во Франции и когда его ученики изучали танцы и упражнения дервишей, — Гурджиев показал нам упражнения, связанные с «движением Эннеаграммы». На

полу зала, где выполнялись упражнения, была начерчена большая Эннеаграмма, и ученики стояли на пятнах, отмеченных цифрами от 1 до 9. Затем они начинали передвигаться в направлении цифр периода очень интересными движениями, кружась один вокруг другого в местах встречи, то есть в точках пересечения линий.

Гурджиев говорил в то время, что упражнения в движениях по Эннеаграмме займут важное место в его балете «Борьба магов». И он сказал также, что, не принимая участия в таких упражнениях, почти невозможно понять Эннеаграмму.

— Возможно пережить Эннеаграмму благодаря движению, — сказал он. — Сам ритм этих движений внушит необходимые идеи и поддержит нужное напряжение. Без этого невозможно почувствовать то, что является самым важным.

Был еще другой чертеж, сделанный под его руководством в Константинополе, в 1921 году. На нем внутри Эннеаграммы были показаны четыре апокалипсических животных — бык, лев, человек и орел и с ними голубь. Эти дополнительные символы были связаны с «центрами».

В связи с беседами о значении Эннеаграммы как универсального символа, Гурджиев вновь заговорил о существовании универсального «философского» языка.

— Долгое время люди пытались изобрести универсальный язык, — сказал он. — И в этом случае, как и во многих других, они ищут то, что найдено уже давно, пытаются изобрести то, что уже существовало длительное время. Раньше я говорил о трех универсальных языках, точнее говоря, трех его степенях. Первая степень уже дает возможность людям выражать их собственные мысли и понимать мысли других людей, относящиеся к таким вещам, где обычный язык бессилён.

— В каком отношении эти языки стоят к искусству? — спросил кто-то. — И не представляет ли искусство само по себе тот «философский язык», который другие ищут интеллектуально?

— Не знаю, о каком искусстве вы говорите, — сказал Гурджиев. — Есть искусство и искусство. Вы, без сомнения, заметили, что во время наших лекций и бесед присутствующие часто задавали мне различные вопросы, относящиеся к искусству, но я всегда избегал разговоров на эту тему. Так было потому, что я считаю все обычные разговоры об искусстве абсолютно бессмысленными. Люди говорят об одном, в то же время подразумевают нечто совершенно другое и не имеют ни малейшего представления о том, что подразумевают. В то же время абсолютно бесполезно пытаться объяснить это человеку, который не знает простых, азбучных истин о самом себе. Мы уже говорили об этом, и к настоящему моменту вы уже должны знать эту азбуку, так что сейчас, пожалуй, я уже могу говорить с вами и об искусстве.

Прежде всего вы должны помнить, что существуют два вида искусства, совершенно отличные друг от друга: объективное и субъективное. Все, что вы называете искусством, — это

субъективное искусство, то есть то, что я вообще не называю искусством.

Разница между объективным и субъективным искусством состоит в том, что в первом случае художник реально «творит», делает то, что был намерен сделать, он вкладывает в свое произведение те идеи и чувства, которые хочет вложить в него. И действие этого произведения на людей абсолютно определенное: они воспримут — разумеется, каждый в соответствии со своим уровнем — те же идеи и те же чувства, которые художник хотел им передать. Ни в творчестве, ни во впечатлениях объективного искусства не может быть ничего случайного.

В субъективном искусстве все случайно. Художник не творит; с ним это «творится само». Это значит, что он находится во власти идей, мыслей и настроений, которых он сам не понимает и над которыми не имеет никакой власти. Они управляют им и выражают себя в той или иной форме. И когда они случайно приняли ту или иную форму, эта форма так же случайно приводит на человека то или иное воздействие, в зависимости от его настроения, вкусов, привычек, природы гипноза, под которым он живет, и т. д. Здесь нет ничего неизменного, нет ничего определенного. В объективном же искусстве нет ничего неопределенного.

— Не исчезнет ли искусство, если оно станет совершенно определенным?— спросил один из нас.— Разве некоторая неопределенность, неуловимость не является как раз тем, что отличает искусство, скажем, от науки? Если убрать эту неопределенность, если вы отбросите тот факт, что художник сам не знает, что он получит, какое впечатление его произведение будет оказывать на людей, тогда это будет «книга», а не искусство.

— Я не знаю, о чем вы говорите,— сказал Гурджиев.— У нас разные стандарты; я измеряю ценность искусства его сознательностью. А вы измеряете эту ценность бессознательностью. Мы не можем понять друг друга. Произведение объективного искусства и должно быть «книгой», как вы это называете; единственная разница в том, что художник передает свои идеи не словами, знаками или иероглифами, но определенными чувствами, которые он вызывает сознательно, зная, что он делает и зачем.

— Сохранились легенды,— сказал один из присутствующих,— о статуях богов в древних греческих храмах, например, о статуе Зевса Олимпийского, которые производили на всех определенное и всегда идентичное впечатление.

— Совершенно верно,— сказал Гурджиев.— И даже тот факт, что такие рассказы существуют, показывает, что люди понимали разницу между реальным и нереальным искусством.

— Не можете ли вы указать другие произведения объективного искусства?

— Есть ли в современном искусстве нечто такое, что можно назвать объективным?

— Когда было создано последнее произведение объективного искусства?

Почти каждый из присутствующих начал задавать Гурджиеву подобные вопросы.

— Прежде чем говорить об этом,— сказал Гурджиев,— необходимо понять принципы. Если вы не улавливаете их, мои слова ничего вам не объяснят. Именно об этом сказано: «Они видят своими глазами и не воспринимают, они слышат своими ушами и не понимают — видя, не видят, а слыша, не слышат и не понимают».

Я приведу вам только один пример — музыку. Вся объективная музыка основана на «внутренних октавах». И она может воздействовать не только психологически, но и физически. Например, превращать воду в лед. Такая музыка может мгновенно убить человека. Библейская легенда о разрушении Иерихона — как раз об объективной музыке. Но она может не только разрушить, но и построить. В легенде об Орфее есть намеки на объективную музыку. Орфей передавал через нее знания. Музыка заклинателей змей на Востоке приближается к объективной, хотя и очень примитивна: часто это просто одна нота, которую долго тянут лишь с небольшими повышениями и понижениями, но в этой единственной ноте все время слышатся мелодии «внутренних октав», недоступные слуху, но ощущаемые эмоциональным центром. И змея слышит эту музыку, или, говоря более точно, чувствует ее и повинуется ей. Такой музыке, только более усложненной, будут повиноваться и люди.

Искусство — это не просто язык, оно связано с уровнем бытия человека. Механическое человечество может иметь только субъективное искусство. Объективное же требует, по меньшей мере, проблесков объективного сознания; чтобы правильно понимать эти проблески и пользоваться ими, необходимы внутреннее единство и власть над собой.

Глава 15

Религия — относительное понятие. Может ли помочь молитва? Христианская церковь как школа. Египетские «школы повторения». Две части подлинной религии. Органическая жизнь на Земле. Рост Луча Творения. Луна. Человечество — эволюционная часть органической жизни. Застой человечества. Изменения возможны только на «перекрестках». Двести сознательных людей могли бы изменить жизнь на Земле. Три «внутренних круга человечества». «Четыре пути» как четыре входа в эзотерический круг. Псевдоэзотерические системы и школы. «Истина в форме лжи». Эзотерические школы на Востоке.

В беседах описываемого мною периода, то есть конца 1916 года, Гурджиев несколько раз касался религии и неизменно подчеркивал, что имеется нечто очень неправильное в основе нашего отношения к ней.

— Во-первых, — всегда говорил он, — религия есть относительное понятие; она соответствует уровню человеческого бытия.

Во-вторых, религия — это делание; человек не просто мыслит свою религию или чувствует ее, он «живет» ею, насколько способен, иначе это будет не религия, а какая-то фантазия или философия. Если его действия противоположны тем, которые требуются данной религией, он не может утверждать, что принадлежит к ней. Огромное большинство людей, которые называют себя христианами, не имеют на это никакого права.

Христианство запрещает убийство. Однако все то, к чему идет наш прогресс, — это прогресс в технике убийства и в способах ведения войны. Как же мы можем называть себя христианами!

Чтобы быть христианами, необходимо не просто желать, но быть в состоянии быть единым.

— Не может ли молитва помочь человеку жить по-христиански? — задал кто-то вопрос.

— Это зависит от того, кто молится, — сказал Гурджиев. — Молитва субъективного человека, то есть человека номер один, два или три, может дать только субъективные результаты, а именно: самоутешение, самовнушение, самогипноз. Объективных результатов она не даст.

Человек должен научиться молиться, совершенно так же, как он должен учиться всему остальному. У того, кто знает, как молиться, кто умеет правильно сосредоточиваться, — у того молитва приносит результаты.

Когда мы говорим о молитве, мы подразумеваем только один ее вид — просьбу. Но большинство молитв не имеет ничего общего с просьбами. Я говорю о древних молитвах; многие из них гораздо старше, чем христианство. Эти молитвы являются, так сказать, краткими повторениями; повторяя их вслух или про себя, человек стремится пережить своим разумом или чувством то, что находится в них, их целое содержание.

В христианском богослужении имеется очень много таких молитв, где необходимо размышлять (медитировать) над каждым словом. Но они теряют весь смысл и все значение, когда их повторяют или распевают механически.

Возьмите, например, молитву: «Господи, помилуй мя!» Что это значит! Человек взывает к Богу. Он должен немного подумать, должен сделать сравнение и спросить себя, что такое Бог и что такое он. Затем он просит Бога помиловать его. Но для этого Бог должен прежде всего подумать о нем, заметить его. Но стоит ли замечать его! Что в нем есть такого, о чем стоит подумать! И кто должен думать о нем! Сам Бог. Понимаете, все

эти мысли и еще многие другие должны пройти через его ум, когда он произносит эту молитву. И тогда именно эти мысли могут сделать для него то, что он просит сделать Бога. Но о чем он может думать и какой результат может дать молитва, если он просто повторяет, как попугай: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

Вообще говоря, мы очень мало знаем о христианстве и о формах христианского богослужения; мы ничего не знаем об истории и происхождении многих вещей. Например, церковь, храм, где собираются верующие, где совершаются службы, согласно особым обрядам, — откуда все это появилось! Многие люди думают, что внешняя форма богослужения, ритуалы, песнопения и т.д. были придуманы отцами церкви. Другие думают, что эта внешняя форма была частично взята из языческих религий, а частично от евреев. Но все это неверно. Вопрос о происхождении христианской церкви, то есть христианского храма, гораздо более интересен, чем мы думаем. Прежде всего, церковь и богослужение в той форме, какую они приняли в первые века христианства, не могли быть заимствованы у язычников, так как ничего похожего не существовало ни в греческих, ни в римских культах, ни в иудаизме.

Христианская церковь, христианская форма богослужения не были изобретены отцами церкви. Все это было заимствовано в готовой форме из Египта, но только не из того, который мы знаем, а из другого, который находился на том же самом месте, но существовал гораздо раньше. Лишь небольшие отрывки его знания сохранились, но эти отрывки хранились настолько хорошо, что мы даже не знаем, где они были спрятаны.

Многим людям покажется странным, если я скажу, что доисторический Египет был христианским за много тысяч лет до рождения Христа, что его религия состояла из тех же принципов и идей, которые составляют подлинное христианство. В доисторическом Египте существовали особые школы, которые назывались «школами повторения». В них по определенным дням устраивались публичные повторения в сжатой форме всего курса наук, которому можно было научиться в этих школах. Иногда такое повторение продолжалось неделю или месяц. Люди, которые прошли этот курс, не теряли связи со школой и сохраняли в своей памяти все, чему они научились.

Эти «школы повторения» были взяты в качестве модели для христианских церквей — форма богослужения в них почти целиком представляет курс повторения науки, касающейся Вселенной и Человека. Индивидуальные молитвы, гимны, возгласения — все имело значение в этом повторении, равно как и праздники и все религиозные символы, хотя их смысл был очень давно забыт.

Продолжая свои объяснения, Гурджиев привел несколько очень интересных объяснений различных частей православной литургии. Его объяснения очень сильно отличались от обычных

теологических и даже от мистических толкований. Из его объяснений стало очевидным, что мы принимаем многие вещи за аллегории, в то время как они вовсе ими не являются. Хорошим примером этому служит то, что он сказал раньше о Тайной Вечере.

— Каждая церемония или каждый обряд имеют ценность, если выполняются без изменений, — сказал он. — Церемония — это книга, в которой написано очень многое. Тот, кто обладает пониманием, может читать ее. Один обряд часто содержит больше, чем сотни книг.

Указывая на то, что было сохранено до нашего времени, Гурджиев отмечал и то, что было утеряно и забыто. Он говорил о священных танцах, которыми сопровождалась «служба» в «храмах повторения» и которые не были включены в христианскую форму богослужения, о различных упражнениях и особых позах для различных молитв, то есть для различных видов медитации, о приобретении контроля над дыханием и об умении напрягать или расслаблять по своему желанию любую группу мускулов или мускулы всего тела и о многих других вещах, имеющих отношение, так сказать, к «технике» религии.

В связи с описанием упражнений по сосредоточению и направлению внимания от одной части тела к другой, Гурджиев спросил:

— Когда вы произносите вслух слово «Я», замечаете ли вы, где звучит оно в вас?

Мы не сразу сообразили, что он имеет в виду, но очень скоро некоторые из нас начали определенно чувствовать, что это слово как бы звучит в голове, другие чувствовали его в груди, третьи — над головой, вне тела.

Гурджиев выслушал все эти замечания и сказал, что связанное с этим ощущением упражнение сохранилось до наших дней; по его словам, его выполняют в монастырях на горе Афон. Монах стоит на коленях или в какой-нибудь другой позе и, подняв руки, согнутые в локтях, произносит громко и протяжно «Эго» и вытягивается, прислушиваясь, где звучит это слово.

Цель упражнения заключается в том, чтобы чувствовать «я» в любой момент, когда человек думает о себе, и переносить «я» из одного центра в другой.

Гурджиев много раз указывал на необходимость изучения этой забытой «техники», равно как и на невозможность достижения на пути религии каких-нибудь результатов, кроме чисто субъективных.

— Вы должны понять, — говорил он, — что всякая истинная религия, созданная знающими людьми с определенной целью, состоит из двух частей. Одна учит тому, что нужно делать. Эта часть становится общим достоянием и с течением времени искажается и отходит от первоначального источника. Другая учит тому, как делать то, чему учит первая часть, и сохраняется

в тайне в особых школах; с ее помощью всегда можно исправлять то, что было искажено в первой части, или восстанавливать то, что забыто.

Без второй части не может быть никакого знания религии, или, во всяком случае, такое знание было бы несовершенным и очень субъективным.

Такая тайная часть существует и в христианстве, и во всех других религиях, она учит, как выполнять заповеди Христа и что они реально означают.

По одному поводу, говоря о строгой всеобщей взаимосвязи со Вселенной, Гурджиев остановился на «органической жизни на Земле».

— Для обычного знания, — сказал он, — органическая жизнь является своего рода случайным придатком, нарушающим целостность механической системы. Но вы уже должны понимать, что в природе нет ничего случайного. Все имеет определенную функцию, все служит определенной цели. Таким образом, органическая жизнь является необходимым звеном в цепи миров, которые не могут существовать без нее, как и она без них. Ранее было сказано, что органическая жизнь передает на Землю разнообразные влияния планет, что она служит для питания Луны и для того, чтобы дать ей возможность расти и крепнуть. Но Земля тоже растет — не в смысле увеличения размера, а в смысле большей сознательности, большей восприимчивости. Влияния планет, которые были достаточны для нее в течение одного периода, становятся недостаточными; она нуждается в восприятии более тонких влияний. Для того, чтобы их получить, необходим более тонкий и более чувствительный воспринимающий аппарат. Органическая жизнь, следовательно, должна развиваться, приспосабливаться к нуждам Земли и планет. Подобным же образом и Луна в какой-то период не может быть удовлетворена пищей, которую доставляет ей органическая жизнь на Земле, и начинает испытывать голод. Для того, чтобы быть в состоянии отвечать своему назначению, органическая жизнь должна эволюционировать и находиться на уровне потребностей планет, Земли и Луны.

Мы должны помнить, что Луч Творения, как мы его понимаем, от Абсолюта до Луны, подобен растущей ветви дерева. Конец ее, из которого выходят новые побеги, есть Луна. Если Луна не растет и не обещает дать новые побеги, это означает, что Луч Творения должен будет найти другой путь для своего роста, выпустить другую боковую ветвь. В то же время, как было сказано раньше, рост Луны зависит от органической жизни на Земле. Если эта органическая жизнь исчезнет или умрет, вся ветвь немедленно засохнет — во всяком случае та ее часть, которая находится за органической жизнью. То же самое должно случиться, только более медленно, если органическая жизнь приостанавливается в своем развитии, в своей эволюции и оказывается не в состоянии отвечать предъявляемым ей требо-

ваниям. Ветвь может засохнуть. Для Луча Творения, или, скажем, для его части «Земля-Луна» дана такая же возможность развития и роста, какая предоставляется каждой отдельной ветви большого дерева. Но осуществление этого роста зависит от гармоничного и правильного развития его собственных тканей. Если прекратится развитие одной ткани, прекратится развитие и всех других.

Но всегда и во всем необходимо помнить, что эволюция никогда не гарантирована, она только возможна, она может остановиться в любой момент и в любом месте.

Эволюционирующей частью органической жизни является человечество. Если оно не будет развиваться, остановится эволюция всей органической жизни, а это, в свою очередь, вызовет остановку роста Луча Творения. В то же время, если человечество перестанет развиваться, оно станет бесполезным, с точки зрения тех целей, для которых оно было создано и, как таковое, может быть уничтожено. Прекращение эволюции может означать уничтожение человечества.

Мы не имеем никаких ключей к тому, чтобы сказать, в какой период планетарной эволюции мы существуем и имеют ли Земля и Луна время для ожидания соответствующей эволюции органической жизни. Но мы должны помнить, что число возможностей никогда не бывает бесконечным.

В то же самое время, рассматривая жизнь человечества, как мы знаем ее исторически, мы вынуждены признать, что оно движется внутри какого-то круга. В одном столетии оно разрушает все, что создает в другом; и прогресс в области механических вещей за последние сто лет произошел за счет потери многого другого, что, пожалуй, гораздо более важно для него. Вообще говоря, есть веские основания думать и утверждать, что человечество находится в застое, а от застоя — прямой путь к вырождению. Застой означает, что процесс стал уравновешенным. Появление какого-либо одного качества немедленно вызывает появление другого, противоположного ему. Рост знания в одной области вызывает рост невежества в другой; утонченность в одной сфере вызывает вульгаризацию в другой; свобода в одном аспекте вызывает рабство в другом; исчезновение некоторых предрассудков вызывает появление других и так далее.

Теперь, если мы применим Закон октав, то увидим, что процесс, находящийся в равновесии и протекающий определенным образом, нельзя изменить в любой желательный момент. Изменить его и направить по новому пути можно только на определенных «перекрестках». В промежутках между этими «перекрестками» нельзя ничего сделать. Вместе с тем, если процесс проходит через «перекресток» и ничего не происходит (это значит, что ничего не сделано), тогда ничего нельзя будет сделать и впоследствии, и процесс будет продолжаться и развиваться согласно механическим законам; и если даже люди, принимающие участие в этом процессе, будут пред-

видеть неизбежную гибель всего, они не будут в состоянии что-либо изменить. Повторяю: сделать нечто возможно только в определенные моменты, которые я только что называл «перекрестками» и которые в октавах мы называем «интервалами» — «ми» — «фа» и «си» — «до».

Очень многие люди считают, что человечество идет не по тому пути. И они изобретают различные теории, которые, по их мнению, должны изменить всю жизнь человечества. Все эти теории, разумеется, совершенно фантастичны, главным образом потому, что они не принимают в расчет ту подчиненную роль, которую человечество и органическая жизнь играют в мировом процессе. Интеллектуальные теории ставят человека в центр всего мироздания; все существует для него — Солнце, звезды, Луна, Земля. Они утверждают, что человек, если он захочет, способен изменить всю свою жизнь, то есть организовать ее на рациональных принципах. Появляются все новые и новые теории, вызывая, в свою очередь, противоположные, и борьба между ними составляет, несомненно, одну из тех сил, которые удерживают человечество в том состоянии, в каком оно находится в настоящее время. Кроме того, все теории всеобщего благосостояния и всеобщего равенства — если бы они вдруг были осуществлены — оказались бы роковыми. Уничтожение неравенства означало бы уничтожение возможности эволюции. Уничтожение страдания означало бы, во-первых, уничтожение целого ряда восприятий, для которых человечество существует, и, во-вторых, уничтожение «толчка», то есть силы, которая одна лишь может изменить ситуацию. И так обстоит дело со всеми интеллектуальными теориями.

Процесс эволюции — той, которая возможна для человечества в целом, — совершенно аналогичен процессу эволюции, возможной для индивидуального человека. И она начинается с того же самого: некоторая группа клеток постепенно становится сознательной; затем она привлекает к себе другие клетки, подчиняет их и постепенно заставляет весь организм служить своим целям, а не просто есть, пить и спать. Это и есть эволюция, и никакого другого вида эволюции быть не может. В человечестве, как и в индивидууме, все начинается с формирования этого сознательного ядра. Все механические силы жизни против этого, точно таким же образом, как все механические привычки, вкусы и слабости борются против сознательного самовоспоминания в человеке. Исходя из аналогии между человечеством и человеком, нетрудно установить, можно ли считать, что человечество эволюционирует.

Можем ли мы, например, сказать, что жизнь управляется группой сознательных людей! Где они находятся! Кто они! Мы видим как раз противоположное: жизнь управляется наименее сознательными людьми — теми, которые глубже всего погружены в сон.

Можем ли мы сказать, что наблюдаем в жизни преобладание самых лучших, самых сильных и наиболее храбрых эле-

ментов! Наоборот, мы видим преобладание всех видов вульгарности и глупости.

Можем ли мы сказать, что в жизни наблюдается стремление к единству, к единению? Конечно, ничего подобного нет. Мы видим лишь новые разделения, новую враждебность, новое непонимание.

Так что в современной ситуации человечества нет ничего, что указывало бы на протекающую эволюцию. Напротив, сравнивая человечество с человеком, мы совершенно ясно видим рост личности за счет сущности, то есть рост искусственного, нереального, чуждого за счет естественного, реального, собственного.

Вместе с этим мы видим рост автоматизма.

Для современной культуры требуются автоматы. И люди, несомненно, утрачивают свои приобретенные привычки к независимости и превращаются в автоматы, в части машины. Невозможно сказать, где конец всему этому, где выход — и есть ли вообще выход. Несомненно только одно — что рабство человека возрастает. Человек становится добровольным рабом. Он больше не нуждается в цепях, он начинает любить свое рабство и гордиться им. И это — самое страшное.

Все, что я говорил до настоящего момента, относится к человечеству в целом. Но, как я указывал раньше, эволюция человечества может происходить только через посредство эволюции некоторой группы, которая, в свою очередь, будет влиять на остальных и вести их за собой.

Можем ли мы сказать, что такая группа существует? Пожалуй, да, — на основании определенных признаков; во всяком случае мы должны признать, что это очень небольшая группа, весьма недостаточная для того, чтобы подчинить остальное человечество. Или, глядя на это с другой точки зрения, мы можем сказать, что человечество пребывает в таком состоянии, в котором оно неспособно принять руководство сознательной группы.

— Сколько человек может быть в этой сознательной группе? — спросил кто-то.

— Только они сами знают это, — сказал Гурджиев.

— Значит ли это, что все они знают друг друга? — спросил снова тот же человек.

— Как же могло бы быть иначе! — спросил Гурджиев. — Представьте себе, что среди толпы спящих людей два или три человека пробудились. Конечно, они узнают друг друга. Но те, кто спят, не смогут узнать их. Сколько их! Мы не знаем и не сможем узнать, пока не станем такими, как они. Раньше было ясно сказано, что каждый человек может видеть только на уровне своего собственного бытия. Однако две сотни сознательных людей, если бы они существовали и если бы они нашли это законным и необходимым, могли бы изменить жизнь на Земле. Но либо их недостаточно, либо они не хотят этого, либо воз-

можно, не пришло еще время, либо другие люди слишком глубоко погружены в сон.

Раньше было указано, что жизнь человечества управляется силами, исходящими из двух различных источников; первый — влияния планет, которые воздействуют совершенно механически и воспринимаются как массами людей, так и отдельными индивидуумами совершенно произвольно и несознательно; второй — влияния, проистекающие из внутренних кругов человечества, о чьем существовании и значении огромное большинство людей не подозревает.

Человечество, историческое и доисторическое, известное науке и цивилизации, составляет лишь внешний круг, внутри которого существует несколько других кругов.

Внутренний круг называется «эзотерическим»; он состоит из людей, которые достигли высочайшего уровня развития, возможного для человека; каждый из них обладает индивидуальностью в самой полной степени, то есть неделимым «Я», всеми формами сознания, возможными для человека, полным знанием, доступным человеку, свободной и независимой волей. Они не могут совершать действий, противоречащих их пониманию, или иметь понимание, которое не проявляется в действиях. Среди них не может быть никаких разногласий, поэтому их деятельность полностью скоординирована и ведет к общей цели без какого-либо принуждения, ибо она основана на общем и одинаковом понимании.

Следующий круг называется «мезотерическим», то есть средним. Люди, принадлежащие к этому кругу, обладают всеми качествами членов эзотерического круга — единственная разница в том, что их знание имеет более теоретический характер. Они знают больше, чем делают. Но их понимание точно такое же, как и у членов эзотерического круга, оно полностью сходно с ним.

Третий круг называется «экзотерическим», то есть внешним, он представляет внешний круг внутренней части человечества. Люди, принадлежащие к этому кругу, обладают многими качествами, свойственными людям эзотерического и мезотерического кругов, но их космическое знание имеет более философский характер, то есть оно более абстрактно, чем знание мезотерического круга. Член мезотерического круга вычисляет; член экзотерического круга созерцает, обдумывает.

В литературе, которая признает существование эзотеризма, человечество обычно делится только на два круга, и экзотерическим, в противоположность эзотерическому, называют обычную жизнь. В действительности, как мы это видим, «экзотерический круг» — нечто от нас далекое и весьма высокое. Для обычного человека это — уже «эзотеризм».

«Внешний круг» — это круг механического человечества, к которому принадлежим мы и который только и знаем. Первый признак людей этого круга заключается в том, что среди них нет и не может быть общего понимания. Каждый пони-

мает по-своему, и все — по-разному. Этот круг иногда называют кругом «смешения языков», где каждый говорит на своем собственном языке, где никто не понимает друг друга и не старается, чтобы его поняли.

Если мы представим себе человечество в виде четырех концентрических кругов, на окружности третьего окажется четыре входа в третий внутренний, экзотерический круг.

Эти четыре входа соответствуют описанным ранее четырем путям.

Первый путь — путь факира, путь человека номер один, человека физического тела, инстинктивно-двигательно-чувственного человека без особо развитых ума и сердца.

Второй путь — путь монаха, религиозный путь, путь человека номер два, то есть человека с преобладанием эмоций.

Третий путь — это путь йога, путь ума, путь человека номер три.

Четвертый путь для тех, кто не в состоянии идти одним из первых трех путей.

Первые три пути привязаны к постоянным формам, которые существовали на протяжении длительных периодов истории, почти не изменяясь. В основании этих установлений лежит религия.

Четвертый путь отличается тем, что он никогда не является неизменным. Он не имеет постоянных форм, он появляется и исчезает, управляемый своими собственными законами.

Во всех начинаниях четвертого пути может быть полезной только сознательная работа. Механический человек не может выполнять сознательную работу. Мы практически ничего не знаем об истинных школах, за исключением только результатов их работы, и даже это возможно только тогда, когда мы способны различать результаты реальной работы от подделок и подражаний.

Сама идея эзотеризма, идея посвящения, достигает людей в большинстве случаев через псевдоэзотерические системы и школы; и если бы таких школ не существовало, огромное большинство людей не имело бы никакой возможности услышать или узнать о существовании чего-то большего, чем жизнь, потому что истина в ее чистой форме была бы для них недоступной. В силу многих характерных свойств человеческого бытия, в особенности современного, истина может прийти к людям только в форме лжи — только в этой форме они способны принять ее. Неискаженная (незагрязненная) истина была бы для них неперевариваемой пищей.

Кроме того, крупница истины в неизменной форме иногда может быть найдена в псевдоэзотерических движениях, в церковных религиях, в оккультных и теософских школах. Она может быть сохранена в их писаниях, ритуалах, традициях, концепциях об иерархии, в их догмах и правилах.

Эзотерические (а не псевдоэзотерические) школы, которые, возможно, существуют в некоторых странах Востока, найти труд-

но, так как они существуют под прикрытием обычных монастырей и храмов. Тибетские монастыри построены в форме четырех концентрических дворов, отделенных друг от друга высокими стенами. Индийские храмы, в особенности в Южной Индии, построены по тому же плану, но в форме квадратов, находящихся один в другом. Верующие обычно допускаются в первый, внешний двор и иногда, как исключение, туда допускаются люди другой религии; доступ во второй двор открыт только для людей определенной касты; доступ в третий двор открыт только для лиц, принадлежащих к храму, а в четвертый — только для браминов и жрецов. Организации подобного рода, существующие с небольшими вариациями повсюду, дают возможность эзотерическим школам существовать, не будучи опознанными. Из дюжины монастырей один представляет собой школу.

Системы и школы могут указывать методы и пути; но никакая система или школа не в состоянии выполнить за человека ту работу, которую он должен делать сам. Внутренний рост, изменение бытия целиком зависит от работы, которую человек должен делать над самим собой.

Окончание следует

ШЛЮЗ №1

РОМАН

I

Когда наблюдаешь сквозь толщу воды за рыбами, видишь, как они без всякой причины подолгу застывают на одном месте, затем, слегка шевельнув плавниками, проплывают немного и снова замирают.

Точно так же двигался и беспричинно останавливался трамвай № 13, последний в тот час на линии «Бастилия—Крестей». Его желтые огни освещали тихую набережную Карьеров. На углу одной из улиц, под зеленым газовым фонарем, трамвай на мгновение застыл, затем кондуктор нажал на кнопку звонка, и вагоны покатались дальше к Шарантону.

Позади оставалась пустынная набережная, похожая на дно водоема. Справа на канале виднелись баржи, освещенные луной. Через плохо закрытый затвор шлюза била струя, и лишь этот звук нарушал тишину. Безмятежное темное небо напоминало глубокое озеро.

На углу улицы в двух бистро, расположенных друг против друга, горел свет. В одном из них пятеро мужчин молча играли в карты. На троих были фуражки лоцманов-речников. Хозяин заведения, подсев к ним за стол, наблюдал за игрой.

В другом бистро в карты не играли. Трое клиентов рассеянно смотрели на стоявшие перед ними рюмки коньяка. От тусклого света клонило в сон. Хозяин, с черными усами, одетый в синюю тельняшку, словно бы ритуально зевал, перед тем как потянуться за рюмкой.

Напротив него сидел небольшого роста мужчина с жесткими, похожими на солому, желтыми волосами. Вид у рыжего был печальный, он как бы оцепенел на стуле, а может, был просто пьян. Его светлые зрачки слезились,

иногда он покачивал головой, будто пытался сам себя в чем-то убедить. Его сосед, тоже работавший на канале, поглядывал за окно в ночную тьму.

В зале царил тишина, ее не нарушало даже тиканье часов. Позади быстро располагался ряд домов с небольшими садиками вокруг. Чуть поодаль возвышалось шестизэтажное старое здание с закопченным узким фасадом. На втором этаже сквозь занавески пробивался слабый свет, а на третьем плотная штора в окне, не закрытом ставнями, светилась ярким прямоугольником.

Напротив дома, на берегу канала, лежала груда камней, рядом высился подъемный кран, а вокруг него застыли пожарные вагончики.

Чуть дальше, видимо, в деревянном бараке, на котором висела вывеска «Бальные танцы», играла музыка. Там никто не танцевал, посетителей в зале не было, только полная хозяйка читала газету и иногда вставала с места, чтобы опустить монету в механический проигрыватель.

Такое оцепенение не могло продолжаться бесконечно, и первым очнулся старый волосатый речник в бистро справа. Он с трудом поднялся, оглядел рюмки, мысленно подсчитал выпитое и стал рыться в кармане. Затем, достав наконец монеты, выложил их на отполированный столик, чуть приронул рукой к козырьку и нетвердой походкой направился к двери.

Два других клиента переглянулись. Хозяин подмигнул им. Рука старика с трудом нашла ручку двери, он покачнулся, когда закрывал ее за собой.

Звук шагов гулко покотился по мостовой. Старик шел неуверенно, сделав три-четыре шага, в нерешительности останавливался, словно боялся потерять равновесие. Дойдя до канала, он с шумом натолкнулся на парапет набережной, затем стал спускаться по каменной лестнице к разгрузочному причалу.

Силуэты судов четко выделялись в свете луны. Их названия можно было различить, как днем. Ближнее, на которое с набережной была перекинута доска, служившая сходнями, называлось «Золотое Руно». Сзади него, справа и слева, по нескольку в каждом ряду, стояли другие баржи: одни с открытыми трюмами дожидались разгрузки, другие уже готовы были с рассветом тронуться в путь. Наконец, здесь покачивались на воде совсем негодные, брошенные сюда, те, что, бог весть почему, всегда есть в любом порту.

Старый речник громко икнул и ступил на доску, которая тут же прогнулась под тяжестью его тела. Дойдя до середины, он вдруг обернулся, силясь рассмотреть светившиеся окна бистро, но движение это было неловким, старик покачнулся, потерял равновесие и очутился в воде.

Он не закричал, даже не выругался. Послышался лишь слабый всплеск, тут же стихнувший. Наморщив лоб, словно

падение его озадачило, старик пытался, напрягая руки, вскарабкаться на доску. Ему это никак не удавалось, взгляд его остекленел, он шумно дышал.

Пара влюбленных на набережной застыла, напряженно прислушиваясь. По шоссе в сторону Шарантона с шумом промчалась машина.

И вдруг безмолвную тишину разорвал громкий жалобный крик. Это был вопль ужаса. Старик теперь барахтался, как одержимый, взбивая воду ногами.

На соседней барже кто-то зашевелился, и сонный женский голос попросил:

— Ты не посмотришь, что там происходит?

Вверху, на набережной, хлопнули двери сразу двух бистро. У каменной стены парочка перестала обниматься, и молодой парень прошептал:

— Возвращайся скорее домой!

Он сделал несколько шагов вперед и нерешительно произнес:

— Где же это?

Послышались голоса приближавшихся людей. Несколько человек склонились над парапетом.

— Что здесь произошло?

Молодой человек быстро ответил:

— Сам не знаю. Кричали где-то там... в воде...

Его подруга, сжимая от волнения руки, застыла на месте, не решаясь ни подойти ближе, ни убежать.

— Я его вижу! Идите быстрее сюда!..

Парень заметил руки, судорожно цеплявшиеся за доску, и голову, показавшуюся над водой.

— Быстрее сюда!

Кто-то равнодушно отозвался:

— Да это же Гассен!

Клиенты бистро, только что мирно проводившие время, бросились на помощь.

— Давай, давай, хватай его за руку, а я за вторую...

— Осторожнее, доску перевернете!

Доска под тяжестью старика все время уходила под воду. Из люка баржи выглянула женщина, громко спросила:

— Ну что, вы его держите?

Тонувший пьяница был в сознании, но больше не кричал. Он смотрел прямо перед собой, ничего не соображая и не делая никаких усилий, чтобы помочь своим спасителям.

Наконец его вытащили из воды и совсем обмякшего положили на берегу.

К сходящим подошла босая девушка в длинной ночной рубашке. Она продолжала вглядываться в то место на воде, откуда только что выловили пьяницу, и вдруг закричала, указывая на что-то расплывчатое и бледное, похожее на медузу.

Двое мужчин, приводивших в чувство старика, оберну-

лись и тоже увидели на черной воде огромное пятно молочного цвета.

— Послушай-ка, приятель... Там, кажется, еще кто-то есть... — прошептал один.

— Надо принести багор! — отозвался другой.

Девушка сбегала за багром на баржу. Вокруг все словно изменилось: люди, атмосфера, даже воздух, казалось, стал намного прохладнее.

— Ты поймал его?

Один из спасателей старался багром подцепить бесформенную массу, а другой лег ничком на доску и попытался дотянуться рукой до края одежды.

На баржах стояли люди и молча наблюдали за происшедшим.

— Есть, зацепил...

— Тогда тяни, только осторожнее...

Старик на берегу извергал из своего нутра воду, точно фонтан, а в это время спасатели тащили на берег еще одного мужчину — совсем безжизненного. С дальнего буксира кто-то поинтересовался:

— Дышит, нет?

Девушка в ночной рубашке наблюдала, как тело укладывали в метре от первого «утопленника». Казалось, она ничего не понимала; губы ее вздрагивали, словно она собиралась вот-вот заплакать.

— Черт побери! Да это же Мимиль!

— Дюкро!

Люди сгрудились вокруг двух пострадавших и не знали, кому из них первому оказывать помощь.

Кто-то побегал к шлюзу. Послышался громкий стук в дверь смотрителя, и нетерпеливый голос прокричал:

— Быстрее! Нужен ваш аппарат! Для Эмиля Дюкро!

Эмиль Дюкро... Эмиль Дюкро... Мимиль?... Дюкро... Люди перешептывались, произнося это имя, передавали новость с баржи на баржу.

О старике забыли. Толпа не обращала уже никакого внимания на пьяницу и, не замечая, толкала его ногами. Он приподнялся, ошалело озираясь вокруг.

Появился смотритель шлюза. Какой-то речник сбегал за полицейским, и оба они торопливо спускались по каменной лестнице.

— Он умер? — шепотом спрашивали друг друга люди.

Но никто ничего толком не знал. Смотритель наладил прибор искусственного дыхания, и вскоре послышался мерный стук насоса.

Старый пьяница приподнялся на руках, ткнулся в одного из стоявших рядом мужчин, и тот помог ему встать.

Сцена происходила словно под водой: голоса и звуки звучали приглушенно, вокруг мелькали бесформенные фигуры и лица.

Старик с трудом держался на ногах и тяжело дышал. От него разило спиртным. Еще не протрезвевший окончательно, он изумленно глядел на второго пострадавшего.

— Это он схватил меня снизу!

Старика пошатывало, он выглядел, словно привидение.

— Да, точно, этот приятель не хотел меня отпускать!

Толпа слушала его с недоверием. Девушка в ночной сорочке хотела накинуть ему на шею теплый шарф, но он оттолкнул ее и застыл на месте, напряженно наморщив лоб. Происшедшее, видимо, казалось ему чем-то сверхъестественным.

Одна из женщин принесла бутылку водки, налила в стакан и протянула старику.

— Так что же все-таки произошло? — осведомился полицейский.

Старый речник недоуменно пожал плечами, невнятно бормоча что-то сквозь густую бороду, и постарался смешаться с толпой.

Спасатели по-прежнему качали насос, но люди ждали прибытия врача.

— Иди ложись спать, — уговаривал кто-то жену.

— А ты потом мне расскажешь?..

Никто не заметил, что старик умыкнул бутылку. Усевшись у стены набережной, он пил водку прямо из горлышка и то и дело качал головой, в такт своим напряженным мыслям.

Наверху, на набережной, остановился автомобиль. Это прибыли полицейские и врач. Полицейские тут же принялись разгонять зевак, а врач раскрыл чемоданчик с инструментами.

Один из инспекторов, одетый в штатское, подошел к толпе, и кто-то указал ему на старого речника. Но допрашивать его уже было бессмысленно: опорожнив наполовину бутылку водки, старик посматривал на всех настороженным, недоверчивым взглядом.

— Это ваш отец? — обратился инспектор к девушке.

Она, казалось, даже не поняла, о чем ее спрашивают. Происшедшие события совсем сбили ее с толку. Хозяин быстро пояснил:

— Когда Гассен уходил от меня, он был здорово навеселе. Должно быть, поскользнулся на сходнях...

— А этот?

Врач снимал одежду с утопленника.

— Эмиль Дюкро, владелец буксиров и карьеров. Живет вон в том высоком доме.

Там, на втором этаже, по-прежнему горел свет, розовые полоски пробивались и сквозь шторы на третьем этаже.

— Его квартира на третьем этаже?

Толпа нерешительно молчала.

— На втором, — уточнил наконец один мужчина.

А другой туманно добавил:

— Дюкро живет и на третьем! Во всяком случае, там у него тоже кое-кто есть.

— Говорят, еще одна семья! — вставил кто-то. Окно на третьем этаже закрыли, а шторы опустили.

— Родственников известили? — поинтересовался инспектор.

— Нет еще. Ждали, пока станет ясно.

— Пойди надень чулки и принеси мне фуражку, — попросил один из речников свою жену.

Люди переходили с баржи на баржу. Через открытые люки и иллюминаторы виднелись керосиновые лампы, неубранные постели, развешанные на перегородках из соснового дерева семейные фотографии.

Врач вполголоса сказал инспектору:

— На вашем месте я доложил бы о случившемся комиссару. Этого человека сперва ударили ножом, а потом сбросили в воду.

— Он мертв?

Казалось, утопленник услышал этот вопрос, так как в тот же миг открыл глаза и глубоко вздохнул. Похоже, он ничего не осознавал и смотрел на толпу неподвижным мрачным взглядом. Но понемногу зрачки его стали оживать.

Вновь из груди утопленника вырвался вздох — толпа зевак зашевелилась, каждый хотел подойти поближе. Полицейские, пытаясь навести порядок, тут же принялись отодвигать кольцо любопытных. Рядом с мужчиной остались только те, чье присутствие было необходимо.

Теперь лежавший видел лишь полицейские мундиры с серебристыми нашивками. Спасатели по-прежнему суетились возле него.

— Он умер? — спросил кто-то шепотом из задних рядов.

Не выпуская из рук бутылку, старый Гассен поднялся, сделал два-три неуверенных шага и остановился почти у ног лежавшего мужчины.

Дюкро уставился на старика, было такое впечатление, что он пытается что-то вспомнить.

— Ну-ка, отойди отсюда! — прикрикнул врач на Гассена и оттолкнул его так грубо, что пьяница упал и разбил бутылку. Ворча и чертыхаясь, он остался лежать на земле, а когда дочь склонилась над ним, грубо отогнал ее прочь.

На набережной остановилась еще одна машина — из нее вышла группа людей во главе с комиссаром.

— Его можно допросить? — поинтересовался комиссар.

— Попробуйте, он уже оклемался.

— Думаете, он выкарабкается?

Услышав этот вопрос, Эмиль Дюкро улыбнулся. Это была странная улыбка, похожая скорее на гримасу, но чувствовалось, что он уже пришел в себя.

Комиссар чуть смутился и в знак приветствия снял шляпу..

— Рад, что вам уже лучше.

Ему неловко было разговаривать с лежавшим навзничь пострадавшим, да к тому же мешали суетившиеся рядом спасатели.

— На вас напали? Где вы были в тот момент? Можете вспомнить, когда и где вас ударили ножом, а потом сбросили в воду?

Изо рта Дюкро обильно выходила вода. Он молчал и даже не пытался пошевелиться.

— Так вы помните, что с вами произошло?

Не добившись ответа, комиссар отвел врача в сторону.

— Думаете, он понимает мои вопросы?

— Кажется, да.

— Однако...

Они стояли спиной к пострадавшему и удивились, услышав, как тот проговорил:

— ...делаете больно...

Комиссар и врач быстро повернулись к лежавшему, а тот проявлял явное нетерпение, силясь что-то сказать. С трудом пошевелив рукой, он добавил:

— Хочу домой...

Похоже, он хотел показать рукой на шестиэтажный дом позади него. Комиссар не знал, как поступить.

— Извините, что настаиваю, но это мой долг. Вы видели нападавших? Вы их узнали? Может быть, они еще не ушли далеко...

Взгляды их встретились. Эмиль Дюкро был непреклонен, отвечать он не собирался.

— Начнется следствие, и прокуратура непременно потребует, чтобы я...

Дюкро, до того беспомощно лежавший на светлых камнях набережной, вдруг зашевелился и сбросил все, что стесняло его движения.

— Хочу домой! — повторил он резко.

Казалось, если желание его не исполнить, он рассердится, соберется с силами, сам встанет на ноги и бросится на стоявших вокруг людей.

— Осторожнее, — воскликнул врач. — Ваша рана еще кровоточит...

Однако мужчине с бычьей шеей на это было наплевать, ему надоело лежать посреди толпы зевак!

— Отнесите его домой, — вздохнул комиссар, смирившись.

Принесли носилки, но Дюкро не хотел на них ложиться, он ворчал, даже пытался отбиваться ногами. Когда пострадавшего уносили, он злобным взглядом окинул толпу любопытных, и те с испугом расступились, освобождая путь.

Люди с носилками уже перешли улицу, когда комиссар остановил шествие.

— Погодите. Я должен сначала предупредить его жену.

Он позвонил в дверь, а санитары ожидали под зеленым фонарем, освещавшим трамвайную остановку.

Тем временем речники с превеликим трудом провели по сходням на судно мертвецки пьяного старика Гассена, который к тому же поранился осколком бутылки.

2

На другой день в десять часов утра комиссар Мегрэ вышел из трамвая № 13 напротив двух бистро. Нахмутив брови, он какое-то время оставался на месте, ослепленный ярким солнцем и оглушенный ревом грузовиков, перевозивших цемент с берега канада...

Накануне он не выезжал с представителями прокуратуры на место происшествия и знал этот район, как и обстоятельства всего дела, только теоретически. На небольшом плане, который ему начертили, все выглядело довольно понятно: канал и шлюз находились справа, где баржа Гассена стояла у разгрузочного причала; слева были два бистро, высокий дом и, в самом конце, небольшое помещение для танцев.

На берегу канала воздух сотрясала высокая и несурзная машина, похожая на железную башню. Ночью она, должно быть, выглядела безмолвным серым пятном, а днем грохотала всеми своими железками: каждым лонжероном, каждым блоком, дробя камень, который шумно сыпался на решето и с таким же грохотом отправлялся дальше, чтобы в конечном счете превратиться в дымящуюся кучу пыли.

На баржах на растянутых веревках сушилось белье, белокурая девушка драила палубу «Золотого Руна».

Мегрэ, взмокший от жарких апрельских лучей, нерешительно направился к высокому дому. Консьержку сквозь застекленное окошко привратницей он не увидел. На лестнице лежал потертый темно-красный ковер, ступеньки были отполированы, стены выкрашены под искусственный мрамор. На лестничной площадке пахло пылью, все говорило о среднем достатке жильцов.

Мегрэ нажимал на кнопку до тех пор, пока не услышал шаги внутри квартиры. Но прошло еще не меньше пяти минут, прежде чем дверь открылась.

— Здесь живет господин Дюкро?

— Да. Входите.

Служанка, вся пунцовая, выглядела чересчур возбужденно. Поглядев на нее, Мегрэ улыбнулся, сам не зная почему. Это была дородная, аппетитная девица.

— Кто его спрашивает?

— Я из уголовной полиции.

Она сделала два шага, нагнулась, чтобы поправить чулок, затем прошла еще немного вперед и, думая, что за створкой двери ее уже не видят, подтянула подвязку, одернув и ком-

бинацию, а Мегрэ заулыбался еще шире. Служанка с кем-то пошептала в комнате и возвратилась.

— Входите, пожалуйста.

Мегрэ улыбался не только от того, что день был чудесный. Его губы непроизвольно раздвигались все шире. Уже на лестнице, едва ступив на половику перед дверью в квартиру, он интуитивно догадался, что в ней происходило, и теперь, действительно уверившись в этом, произнес:

— Господин Дюкро?

Глаза комиссара смеялись, рот расплылся в улыбке. Поняв, что гость обо всем догадался, Дюкро поглядел на служанку, перевел взгляд на комиссара, тоже мягко улыбнулся, немного сконфуженный, но весьма довольный.

* * *

Солнце заливало светом три окна, а через одно из них, открытое настежь, в квартиру проникал с улицы такой шум и грохот камнедробилки, что когда Мегрэ заговорил, то почти не услышал своего голоса.

Эмиль Дюкро, очевидно, еще не совсем был здоров. После возни со служанкой он явно вспотел и усиленно дышал. Мегрэ знал, что представители прокуратуры, побывавшие здесь накануне, немало удивились, застав хозяина сидящим в кресле.

Дюкро был в шлепанцах, из-под старого пиджака выглядывала ночная рубашка. Каждая деталь гостиной, уставленной случайной мебелью, купленной лет тридцать или сорок назад, указывала на непритязательный вкус хозяев.

— Это вам поручили вести расследование?

Улыбка постепенно угасла. Дюкро принял серьезный вид, а в его голосе послышались агрессивные нотки.

— Полагаю, у вас уже сложилось мнение об этой истории? Нет? Пусть будет так, но это меня удивляет, вы ведь полицейский!

Он вовсе не хотел казаться нелюбезным, просто это была его обычная манера поведения. Изредка он морщился, видно, рана побаливала.

— Думаю, вы не откажетесь выпить! Матильда!.. Матильда, черт побери!..

На пороге появилась девушка с мыльной пеной на руках, и хозяин приказал:

— Подайте белого вина. Того, что получше!

Его тело едва умещалось в кресле, а ноги, лежавшие на подставке, казались короче, чем были на самом деле.

— Ну и что вам порассказали?

У него была привычка поглядывать при разговоре в окно, в сторону шлюза. Он вдруг проворчал:

— Дождались! Их обходит «Полие и Шоссон!»

Мегрэ увидел груженую баржу с выкрашенными желтой

краской бортами, медленно заходившую в шлюзовую камеру. Еще одна, с голубым треугольником, перегородила канал, и трое или четверо речников, энергично жестикулируя, переругивались.

— Все суда с голубым треугольником — мои, — пояснил Дюкро и, указав вошедшей служанке на стул, приказал: — Поставьте бутылку и стаканы сюда. Здесь, комиссар, вы можете держать себя без всяких церемоний. Так о чем я говорил... Ах, да! Очень интересно, что вам рассказали об этом деле?

За добродушным тоном скрывалось раздражение, глядя на Мегрэ, Дюкро злился все больше и больше, потому что комиссар внешне выглядел таким же широким и мощным, как и он сам. Даже был чуть повыше ростом. К тому же своей невозмутимостью Мегрэ напоминал огромную каменную глыбу, которую невозможно сдвинуть с места.

— Досье мне передали только сегодня утром, — сообщил Мегрэ.

— Вы успели прочитать его?

Послышались чьи-то шаги, и в гостиную вошла сухощавая женщина лет пятидесяти. Вид у нее был печальный, в руках она держала авоську.

— Прошу прощения. Я не знала...

Мегрэ поднялся:

— Полагаю, мадам Дюкро? Рад познакомиться.

Она смущенно поздоровалась и, пятясь, удалилась. Комиссар слышал, как она о чем-то заговорила со служанкой, и опять улыбнулся, мысленно представив себе сцену, разыгравшуюся утром.

— Моя жена по-прежнему занимается домашним хозяйством, — проворчал Дюкро. — Она могла бы нанять десяток слуг, если бы захотела, но вместо этого сама ходит на рынок!

— Кажется, вы начинали свое дело с буксира?

— Начинал, как и все, — с котла! А котел был на «Орле». Он достался мне от хозяина, когда я женился на его дочери, которую вы только что видели. Сейчас у меня уже двадцать четыре таких «Орла». Только в этом бассейне пришвартованы два из них, сегодня они направятся в Дизи. Скоро еще шесть подойдут сюда из низовья. Все лоцманы, что сидят в тех двух бистро внизу, работают на меня. Кроме того я купил восемнадцать барж, две драги и несколько транспортных судов...

Зрачки у него сузились и уставились прямо в лицо Мегрэ.

— Вас интересовало именно это?

И, повернувшись к двери, рявкнул на женщин, шептавшихся на кухне:

— Потише вы там! — Затем он вновь обратился к Мегрэ. — Ваше здоровье, отличное вино. Вам, должно быть, сказали, что я вручу двадцать тысяч полиции, если она отыщет

того, кто на меня напал? Полагаю, ко мне направили кого-то стоящего... Что вы там разглядываете?

— Ничего. Просто смотрю на канал, на шлюз и суда...

Из окон открывался изумительный вид. Сверху баржи казались еще более тяжеловесными, будто застрявшими в слишком плотной воде.

— Итак, вы утверждаете, что здесь все принадлежит вам?

— Ну... не стоит преувеличивать. И однако, все, кого вы видите, в той или иной степени зависят от меня, особенно после того, как я приобрел меловые карьеры в верховье реки, в Шампани.

— Позвольте задать один вопрос. В рапорте говорится, что вы не помните, что с вами произошло до того момента, как вас вытащили из воды.

Дюкро с угрюмым видом отрезал кончик сигары.

— А что вы вообще помните? Можете, к примеру, рассказать... что делали позавчера вечером?

— В тот день у нас ужинали дочь с мужем. Он пехотный капитан и служит в Версале. Дети навещают нас каждую среду.

— У вас есть ведь и сын?

— Да. Он учится в Школе Хартий, но редко бывает здесь: у него своя квартира на шестом этаже.

— Значит, в тот вечер вы сына не видели?

Дюкро не спешил отвечать. Он не сводил глаз с Мегрэ и курил сигару мелкими затяжками.

— Послушайте, комиссар. Скажу вам одну важную вещь и советую ее запомнить, если хотите, чтобы мы поладили. Мимиля никто и никогда не мог провести! Мимиль... мне дали это прозвище еще тогда, когда у меня был всего один буксир. В Верхней Марне смотрители шлюзов до сих пор меня называют так. Вам понятно? Я не глупее вас. В этой истории пострадал я! Ведь напали-то на меня! Именно я заставил вас прийти сюда!

Мегрэ оставался невозмутимым, но в душе восхищался судовладельцем. Уже давно ему не попадался человек, с которым действительно стоило бы познакомиться.

— Пейте вино, берите сигару. Можете даже положить несколько штук в карман про запас. Нет-нет, возьмите! И делайте то, что велит вам долг, но без выкрутасов! Итак, я вас слушаю.

— Хочу поинтересоваться: вы настаиваете на своей жалобе? Вы действительно хотите, чтобы я нашел виновного?

На губах Дюкро появилась слабая улыбка. Вместо ответа он прошептал:

— Что еще?

— Это все! У вас есть еще время подумать.

Мегрэ подошел к открытому окну и зажмурил глаза от яркого солнца.

— Матильда! Матильда!..— прокричал хозяин.— Потру-

дитесь являться сразу же, когда вас зовут, и наденьте, черт возьми, чистый передник. А сейчас принесите нам шампанского.

— Шампанское я не пью,— попытался отказаться Мегрэ, когда служанка вышла.

— Это шампанское вы попробуете. Натуральный брют 1887 года. Его прислал мне самый известный в Реймсе вино-торговец.

Дюкро заметно смягчил тон, даже как-то подобрел.

— Что вы там все разглядываете?

— Смотрю на судно Гассена.

— Вы знаете, Гассен мой старый приятель, лишь он один обращается ко мне на «ты»! Мы вместе ходили в первые наши рейсы. Потом я дал ему буксир...

Дюкро нетерпеливо посмотрел на двери и проворчал:

— Ну и дела! Эта дама сверху, потом служанка, да и все прочие! Вечно приходится их ждать...

Дверь приоткрылась, и на пороге гостиной появилась мадам Дюкро. Она нерешительно спросила:

— Лед подавать?

Муж раздраженно буркнул:

— Может, вы поехали за шампанским в Реймс?

Ничего не ответив, мадам ушла, оставив дверь приоткрытой, а Дюкро пояснил:

— Я поселил на третьем этаже, как раз над этой комнатой, одну особу. Ее зовут Роза, она была танцовщицей у «Максима».

Он не понизил голоса, а напротив, говорил громко, чтобы слышала жена. В кухне позвякивали рюмки. В гостиную вошла служанка с подносом, на ней был чистый передник.

— Если вам интересны детали, могу сообщить... Я плачу ей две тысячи франков в месяц и отдельно даю деньги на платье, но она предпочитает шить их сама. Матильда! Ну, чего вы ждете! Поставьте поднос и идите! Вы не откроете бутылку, комиссар?

Мегрэ уже привык к шуму и не обращал внимания на грохот камнедробилки.

— Вас интересовал позавчерашний вечер... Так вот, у меня ужинали дочь и ее муж-идиот. Я ушел сразу после десерта. Терпеть не могу таких зануд, как мой зять. Ваше здоровье!

Дюкро шелкнул языком и вздохнул.

— Когда я уходил, было, должно быть, десять часов. Я прошелся по тротуару и выпил стаканчик с Катрин. Она хозяйка танцевального зала. Потом добрался до того заведения, ну, понимаете... Я предпочитаю пить пиво с девицами, а не с зятем.

— Когда вышли из дома, не заметили за собой слезки?

— Абсолютно ничего не заметил.

Мегрэ почувствовал, что голос собеседника снова стал

агрессивным. Сделав слишком большой глоток, Дюкро поперхнулся шампанским, закашлялся и плюнул на выцветший ковер.

Как указывалось в медицинском заключении, рана на спине Дюкро была поверхностной, в воде он провел три или четыре минуты, но ему удалось, вероятно, один или два раза вынырнуть на поверхность.

— Вы подозреваете кого-нибудь?

— Я подозреваю всех! Жену, сына, дочь, ее мужа, Розу, служанку, Гассена...

— Дочь Гассена, — вставил Мегрэ.

— Алину тоже, если хотите!

Вид у него был агрессивный, но голос при этом прозвучал довольно странно.

— Скажу больше, даю вам право терзать допросами всех, кто от меня зависит. Знаю, как действует полиция, она будет шарить даже в мусорных урнах. Кстати, можете начинать расследование прямо сейчас... Жанна! Жанна!

На пороге появилась испуганная мадам.

— Да входи же, черт побери! Вечно у тебя вид, как у служанки. Давай, выпей с комиссаром. Хочешь знать, что его интересует?

Солнце слепило ей глаза. Бледная и безразличная ко всему, она выглядела постаревшей, подобно стоявшей в гостиной мебели. После двадцати пяти лет замужества женщина продолжала вздрагивать всякий раз, как муж повышал голос.

— Комиссар спрашивает, о чем шел разговор во время ужина с Бертой и ее мужем.

Женщина пыталась выдавить улыбку, рука, державшая бокал с шампанским, дрожала, и Мегрэ ясно видел ее натруженные пальцы.

— Извините, господин комиссар, но я что-то не пойму...

— Вспомни, о чем шел разговор позавчера вечером. Начала Берта. Она сказала, что боится заиметь ребенка, потому что тогда Дешарм не сможет продолжать службу в армии. Он слишком мало получает, и у них не хватит средств, чтобы нанять кормилицу и оплатить все другие расходы. А я посоветовал ему стать торговцем арахисом. Разве не так?

Слабо улыбнувшись, жена пыталась его урезонить:

— Тебе нужно отдохнуть...

— А что предложил он, этот болван? Отвечай! Что он предложил в ответ? Сейчас же разделить часть состояния, так как когда-то все равно придется это сделать! Получив свою долю, мсье, видите ли, поселится в Провансе, где климат более благоприятный для его потомства. Что же касается нас, то мы будем навещать их во время отпуска.

Жена подавленно молчала.

— А что он добавил, когда я уже надевал шляпу? Мне хочется, чтобы ты сама это повторила.

— Я уж и не помню...— Мадам Дюкро готова была расплакаться. Чтобы не выронить бокал с шампанским, она поставила его на стол.— Он сказал, что ты тратишь много денег на...

— Ну-ну?

— На женщин. Особенно на ту, которая живет над нами.

— Вы слышали, комиссар? Ни о чем больше не хотите ее спросить? Торопитесь, а то она сейчас заплачет... Ну ладно, Жанна, иди.

Дюкро глубоко вдохнул воздух своей мощной грудью.

— Вот вам и пример! Если вас это забавляет, можете продолжать без меня. Завтра я буду на ногах, что бы там ни советовали врачи. Еще стаканчик?

Хозяин тяжело поднялся, упервшись в подлокотники кресла.

— Благодарю за показания,— произнес Мегрэ самым невозмутимым тоном.

Дюкро вдруг стал добродушным. Комиссар тоже был в прекрасном расположении духа. Они обменялись понимающими взглядами — в глазах обоих светилась взаимная симпатия.

— Позвать служанку, чтобы она вас проводила?

— Спасибо. Я найду дорогу сам.

— Ну что ж, желаю удачи!

Пройдя мимо двери на кухню, Мегрэ услышал приглушенный плач. Он вышел на лестничную площадку, достал из кармана документ и прочитал его. Это был рапорт судебного врача, где помимо прочего говорилось:

«Предположение о попытке самоубийства следует исключить, поскольку пострадавший не мог нанести себе удар ножом в спину».

3

На ярко-синей вывеске, украшавшей бистро справа, был нарисован пароход с летящими над ним чайками, а ниже стояла надпись: «Свидание с «Орлами». Проводка судов лоцманами по Марне и Верхней Сене».

Мегрэ толкнул дверь, вошел и устроился в углу бистро. В зале сразу же воцарилась тишина. Пятеро мужчин сидели за одним столом, откинувшись на стульях и скрестив ноги. Фуражки они сдвинули на самый лоб из-за ярких лучей солнца. На четверых были тельняшки, кожа речников задубела и слегка потрескалась, а волосы выгорели.

Сидевший с ними хозяин поднялся и направился к Мегрэ.

— Что будете пить?

В заведении было чисто, стойка блестела. В воздухе стоял сладко-горький запах, что указывало на наступивший час аперитива.

— Вот те на!..— вздохнул один из мужчин, зажигая потухшую сигарету.

Это «вот те на», должно быть, относилось к Мегрэ, заказавшему кружку пива и неторопливо набивавшему табакотрубку. Сидевший к комиссару лицом старик с желтой бородой залпом осушил стакан и пробурчал, утирая усы:

— Повтори-ка мне, Фернан!

Заметив его перебинтованную руку, комиссар догадался, что перед ним старый Гассен. Судя по его неуверенным движениям, он уже набрался. Гассен учуял в Мегрэ полицейского, и речники посмеивались над его изумлением.

— По тебе видно, Гассен, что ты горишь желанием что-то рассказать этому господину!

Один из мужчин запросто подмигнул Мегрэ, словно говоря: «Не обращайтесь на него внимания! Вы же видите, в каком он состоянии».

Похоже, тревожился лишь хозяин, а клиенты откровенно забавлялись. Из окна быстро комиссар видел парапет набережной, мачты судов, крышу дома зрителя шлюза.

Старик поднялся и нетвердой походкой пьяницы подошел к стойке.

— Налей мне еще, Фернан!

Он по-прежнему не сводил с комиссара взгляда, и в его глазах читалась не только дерзость, но и глухая тоска.

Мегрэ постучал по столу монетой, чтобы позвать хозяина.

— Сколько с меңя?

Фернан назвал сумму, а затем вполголоса добавил:

— Не трогайте его. Вот уже два дня, как он не просыхает.

Не желая связываться с пьяницей, Мегрэ с самым невозмутимым видом направился к двери. Выйдя на улицу, он оглянулся и увидел, что Гассен, стоя у окна со стаканом в руке, следит за ним напряженным взглядом.

Стало еще жарче. На набережной, растянувшись во весь рост и подложив под голову газету, спал какой-то бродяга.

Мегрэ не спеша спустился по каменным ступенькам набережной, как в те времена, когда он расследовал преступление, совершенное в Верхней Марне. Запах на канале был тот же самый, так же бесшумно, как бы скользя по воде, проплывали баржи.

Комиссар подошел к «Золотому Руну», деревянная обшивка которого по бокам стала совсем рыжей. Недавно вымытая палуба местами просохла.

Мегрэ ступил на сходни, прошел несколько шагов, обернулся и заметил, что старый Гассен наблюдает за ним, облокотившись на парапет. Комиссар двинулся дальше и, поднявшись на палубу, крикнул:

— Есть тут кто-нибудь?

Стиравшая на соседней барже женщина удивленно посмотрела на него. Мегрэ прошел к двойным дверям, открыл

их и спустился по ступенькам. В комнате он увидел девушку с белокурыми волосами. Она сидела на соломенном стуле и кормила грудью ребенка. Комиссар смутился и неловким движением снял шляпу.

— Прошу прощения...

Девушка, похоже, испугалась и не сводила с него глаз, пытаясь понять, зачем он явился.

— Я не знал, что вы заняты. Мне поручили вести следствие, и я хотел кое о чем расспросить вас.

Глядя на нее, Мегрэ ощущал неловкость, что-то вроде дурного предчувствия, причину которого и сам не мог определить.

Большая комната была обшита лакированными сосновыми досками. В углу стояла кровать, покрытая стеганым одеялом. Над ней комиссар заметил распятие. Комната, видимо, служила и столовой, а стол был рассчитан на двоих.

— Присаживайтесь, — проговорила девушка.

Ее голос звучал как-то особенно. Рассматривая Алину раньше издали, Мегрэ предполагал, что она была какой-то необычной, чуть ли не воздушной. Теперь, глядя на девушку вблизи, Мегрэ видел, что тело у нее крепкое и плотное, а вся она пышет здоровьем.

Почему же тогда она казалась такой хрупкой, и отчего возникло желание защитить ее или утешить?

— Это ваш ребенок? — спросил Мегрэ, указав на малыша, на его деревянную кроватку, стоящую рядом.

— Да, это мой сыночек, — вежливо улыбнулась девушка.

Голос у нее был детский, да и отвечала она как послушная девочка.

— Мне неловко, что я потревожил вас в такой момент. Но поскольку вы находились здесь, когда произошла вся эта история, то хотелось бы узнать, не приходил ли к вам кто-нибудь? Например, Эмиль Дюкро.

— Да.

Мегрэ вовсе не ждал такого ответа и засомневался, правильно ли девушка поняла его вопрос.

— Вы уверены, что Дюкро приходил сюда вечером перед тем, как на него напали?

— Дверь я ему не открыла.

— Он поднялся на палубу?

— Да. Он позвал меня, я как раз собиралась лечь спать.

Мегрэ рассматривал вторую каюту, более узкую, чем первая, где кушетка была привинчена к полу. Разговаривая с ним, молодая мать отняла грудь у малыша, утерла ему подбородок, затем застегнула корсаж.

— Который был час?

— Не помню.

Без всякой причины Алина внезапно встревожилась, встала, чтобы положить ребенка в кроватку, а когда он заплакал, сунула ему в рот красную резиновую пустышку. Затем де-

вушка помешала огонь и подсыпала соли в кастрюлю с варившейся картошкой. Мегрэ, следивший за каждым ее жестом, понял, что она, конечно, не совсем безумна, но между ней и внешним миром, несомненно, существует некая стена.

— Вы знаете, зачем сюда приходил Дюкро?

— У него всегда одно и то же на уме.

Комиссар смутился еще больше. У него даже вспотели ладони. В словах молодой женщины чувствовалась драма. При каждом вопросе тайна немного рассеивалась, и все же Мегрэ не хотелось мучить Алину. Отдавала ли она вообще себе отчет в том, что говорила? А может, просто утвердительно отвечала на все его вопросы?

— Вы говорите о сыне Дюкро? — попытался подтвердить свою догадку комиссар.

— Жан не приходил.

— За вами ухаживает его отец?

Она бросила на Мегрэ быстрый взгляд, потом отвернулась. Тогда он решил выяснить все разом.

— Мсье Дюкро приходит сюда только для этого? Он вас преследует? Он пытается...

Алина заплакала, и Мегрэ замолчал, не зная, что еще сказать.

— Прошу меня простить. Не расстраивайтесь!

Она стояла совсем рядом с комиссаром, и он машинально потрепал ее по плечу. Но этим жестом еще больше расстроил девушку. Она резко отпрянула от него, бегом бросилась в соседнюю каюту и закрыла дверь. Мегрэ слышал, как она рыдает за перегородкой. Заплакал и ребенок, потерявший соску, и Мегрэ неумело сунул ее ему в рот.

Комиссар направился к выходу. Поднимаясь по невысокой лестнице, он ударился головой о потолок. Вопреки его ожиданию, старика Гассена на палубе не было. Только соседи, расположившиеся за столом на своей барже, внимательно смотрели ему вслед.

Из бистро выходили речники и, прощаясь, пожимали друг другу руки. Один из них, высокий парень с открытым лицом, проходил мимо Мегрэ, и комиссар остановил его:

— Извините, я хотел бы задать вам один вопрос.

Парень пожал плечами:

— Но я ведь не был на месте происшествия.

— Меня интересует другое. Вы знаете Гассена? Кто отец ребенка его дочери?

Речник рассмеялся.

— Да это же не ее ребенок!

— Вы в этом уверены?

— Его однажды привез сам старик Гассен. Вот уже пятнадцать лет, как Гассен вдовец. Должно быть, заимел ребенка на Севере от какой-нибудь доброй женщины, хозяйки кабака или смотрительницы шлюза.

— Выходит, у его дочери никогда не было ребенка?

— У Алины? Разве вы ее не видели? Кстати, будьте с ней поосторожнее, она не похожа на других девушек.

Их задевали прохожие, они стояли посреди улицы, и солнце палило Мегрэ в затылок.

— Они люди хорошие. Правда, Гассен иногда выпивает лишнего, но не думайте, что он горький пьяница.

Парень опять улыбнулся, слегка коснулся козырька фуражки и удалился. Мегрэ захотелось есть. Обстановка вдруг изменилась: камнедробилка больше не грохотала, уличное движение стало менее оживленным, да и работа шлюза шла как бы в замедленном темпе...

Сам не зная почему, Мегрэ вновь отправился в бистро. В зале было пусто. Хозяин и его жена, маленькая, довольно красивая брюнетка, еще не успевшая привести себя в порядок, ели возле стойки рагу, запивая его красным вином. На высоких бокалах играли солнечные блики.

— Уже вернулись? — воскликнул Фернан, вытирая губы.

Мегрэ стал здесь своим человеком, все в бистро уже знали, кто он такой.

— Вы хоть не очень мучили малышку вопросами? Еще кружку? Ирма, принеси свежего пива.

Хозяин посмотрел в окно, но не в сторону порта, а на бистро напротив.

— Бедняга Гассен! Он никак не опомнится от случившегося. И то сказать, не очень-то приятно рухнуть ночью в воду, да еще почувствовать, как кто-то тянет тебя ко дну.

В бистро напротив за столом пили четверо клиентов, а Гассен, совершенно пьяный, энергично жестикулировал.

— Кажется, он плачет, — пробормотал Мегрэ.

— Да, верно. Но это немудрено, он с утра выпил пятнадцать аперитивов.

Хозяйка принесла ледяное пиво, и Мегрэ принялся пить его маленькими глотками.

— У его дочери не было любовных приключений?

— У Алины? Ну что вы!

Фернан сказал это таким тоном, будто сама мысль, что у Алины могла быть какая-то интрижка, казалась ему нелепой. Но Мегрэ же ясно видел, как она кормила грудью ребенка?

Ему стало неловко, когда он подумал о мертвецки пьяном старике, плававшем в бистро напротив, и о малыше, лежавшем в кровати на барже.

— Им кто-нибудь помогает в рейсах?

— Нет, никто. Алина управляет штурвалом, как мужчина.

В памяти Мегрэ возникли каналы Севера с прямыми и зелеными берегами, с тополями, растущими вдоль гладкой водной поверхности. Ему вспомнились затерянные в сельской местности хижины, садовые мальвы, шлюзы и копающиеся возле их ворот деревенские утки.

Он представил себе, как день за днем плывет по воде «Золотое Руно», пока не встанет на разгрузочный причал; как стоит за штурвалом Алина, рядом с которой в люльке на палубе малыш, а старик тем временем ведет лошадей вдоль берега канала.

Старый пьяница, сумасшедшая и грудной ребенок...

4

Когда на следующий день в шесть утра Мегрэ вышел из трамвая 13 и подошел к шлюзу, Эмиль Дюкро, в матросской фуражке и с тяжелой тростью в руке, уже стоял на разгрузочном причале:

В воздухе пахло весной, и весь Париж приобрел веселый вид. Разве не вписывалась в эту картину и служанка Дюкро, которая, высунувшись из окна, залитого золотистым солнечным светом, вытряхивала постельное белье?

На третьем этаже занавески на окне были еще закрыты, и можно было представить, как разомлевшая от сна любовница судовладельца Роза спит в постели, разметав руки. Дюкро, давно проснувшийся и рано начавший трудовой день, что-то говорил речнику с буксира, покидавшего шлюз. Заметив Мегрэ, он вынул из кармана массивные золотые часы.

— Я не ошибся. Вы такой же, как и я.

Не хотел ли он этим сказать, что комиссар относился к той же категории людей, которые встают пораньше, чтобы организовать работу своих подчиненных?

— Вы позволите мне на минуту отлучиться?

Судовладелец спрыгнул со стены шлюза на палубу баржи, которая находилась на метр ниже.

— Здравствуй, Морис. Тебе встретился «Орел IV» чуть выше Шалифер? Они получили прокладку?

Сидя на палубе «Золотое Руно», возле штурвала, Алина молчала кофе и безучастно смотрела перед собой. Едва Мегрэ ее заметил, как перед ним возник Дюкро с зажатой в зубах короткой трубкой.

— Вы уже начинаете понемногу разбираться?

Судя по тому, что он указывал на порт и шлюз, судовладелец имел в виду не нападение на него.

— Посмотрите на полосу воды в форме гусяной лапы. Она доходит до самой Сены, а здесь начинается канал Марны. Дальше идет уже сама Марна, но в этом месте она еще не судоходна. Ну и наконец, там — Верхняя Сена. По ней можно добраться до Бургундии, Луары, Лиона, Марселя, а до Гавра и Руана нужно плыть по Нижней Сене. Судоходством там ведают две фирмы: Генеральная компания и Компания каналов центра. Но отсюда, от этого шлюза и до Бельгии, и до Голландии, до Сарр — все принадлежит Дюкро!

Его буквально распирало от гордости.

— Говорят, все это обошлось вам в сорок миллионов, заметил Мегрэ.

— Вы неплохо осведомлены и ошиблись всего лишь на несколько миллионов. Ваши инспекторы разнюхали что-нибудь вчера?

Дюкро явно гордился своей проницательностью. В самом деле, накануне Мегрэ поручил инспекторам собрать в Шарантоне и в прочих местах все сведения о судовладельце, его семье и о каждом, кто был хоть как-то причастен к драматическим событиям.

Улов оказался небольшим. В доме терпимости Шарантона подтвердили, что Дюкро действительно побывал там в день, когда на него напали. Он часто туда заезжал, много пил, шутил с женщинами, рассказывал им разные байки и нередко уходил, не требуя ничего взамен.

О его сыне Жане обитатели квартала почти ничего не знали. Будучи слаб здоровьем, он учился, редко отлучался из дома и был похож на любого молодого человека из добропорядочной семьи.

— Кстати, — проговорил Мегрэ, указывая на «Золотое Руно», — это здесь провел ваш сын три месяца в прошлом году?

Дюкро едва заметно нахмурился.

— Да, он переутомился во время учебы, и доктор рекомендовал ему покой и свежий воздух. А «Золотое Руно» в то время как раз отправлялось в Эльзас.

Самую обычную информацию получил Мегрэ и о дочери и зяте судовладельца. Супруги проживали в красивом новом доме в окрестностях Версаля, и каждый день дневальный подавал офицеру лошадь, а другой солдат приходил убирать комнаты.

— Вы должны возвращаться в Париж? — спросил Дюкро. — Если хотите, мы можем вместе пройти по набережной. Такую прогулку я совершаю каждое утро.

Они направлялись вдоль Сены. Целые караваны судов с громким скрежетом винтов разворачивались по всей ширине реки, чтобы пуститься в путь вниз или вверх по течению.

— Знаете, как мне удалось сколотить такое состояние? Однажды я подумал о том, что в те дни, когда мои буксиры простаивают, речники могли бы заняться другой работой. И я купил песчаные и меловые карьеры, там, в верховье, а потом приобрел кирпичные заводы, тем более что они находились прямо на берегу!

Он на ходу пожал руку какому-то речнику, который негромко его поприветствовал:

— Добрый день, Мимиль.

В порту Берси громоздились винные бочки с наклейками.

— Все шампанское в бочках перевожу я. Скажи, Пьеро, это правда, что буксир Мюрье зацепил опору моста в Шато-Тьерри?

— Да, верно, патрон.

— Если увидишь его, передай, что так ему и надо!

Дюкро засмеялся и зашагал дальше. По другую сторону реки виднелись огромные прямоугольные помещения центральных складов. Два грузовых судна — одно из Лондона, другое из Амстердама — стояли в центре Парижа, что придавало городу вид морского порта.

— Простите за нескромность, но как вы собираетесь вести следствие дальше?

Мегрэ улыбнулся, догадавшись, что прогулка была лишь предлогом, чтобы задать ему этот вопрос. Дюкро почувствовал, что комиссар прочел его мысли, и тоже слегка улыбнулся, явно досадуя на свою наивную попытку что-то выведать.

— Вот таким образом! — ответил Мегрэ, приняв вид беззаботного гуляки.

Дюкро усмехнулся и спросил с откровенной бестактностью:

— И сколько же зарабатывает человек такого ранга, как вы?

— Не много.

Дюкро насупился, вновь посмотрел на своего спутника и на этот раз задал совершенно неожиданный вопрос:

— Что вы думаете о моей жене? Вам кажется, она со мной несчастна?

— Совсем нет! Вы или кто-то другой! Такие особы, как бы ни сложилась их судьба, всегда выглядят унылыми и бесцветными.

Мегрэ явно угодил в цель, так как Дюкро от такого ответа застыл на месте.

— Она утрюма, глупа и вульгарна, — вздохнул он. — Как и ее мать, которую я поселил в одном из соседних домишек... Ну, а вообще-то в каком направлении вы собираетесь вести следствие?

— По всем направлениям.

Они продолжали идти вдоль берега, прислушиваясь к шуму волн. Утренний воздух был пропитан запахом воды и смолы.

— Вы побывали на «Золотом Руне»?

Дюкро долго колебался, прежде чем задать этот вопрос, и сразу же отвернулся, притворившись, что разглядывает, как на канале маневрирует караван судов.

— Странная молодая мамаша, — проронил комиссар.

Его слова возымели неожиданную реакцию. Судовладелец остановился как вкопанный. Широко расставив ноги и весь напрягшись, он, казалось, как рассерженный бык, готов был броситься на Мегрэ.

— Ну и что вы узнали?

— Что вы хотели навестить ее.

— И все?

— Дверь она вам не открыла. Разве вы мне не говорили,

что Гассен ваш старый приятель? Но мне почему-то кажется, Дюкро...

Тот вдруг придержал комиссара за руку:

— Бьюсь об заклад, вы решили, что это мой ребенок... Признайтесь! Ведь у меня репутация отъявленного бабника! Так вот, комиссар, вы ошибаетесь.

В нем явно произошла перемена. Дюкро стал словно добрее и выглядел уже не таким уверенным, не пытался корчить из себя хозяина.

— У вас есть дети? — спросил Дюкро и искоса поглядел на комиссара, к чему тот уже начал привыкать.

— Была дочь, но умерла совсем маленькой.

— А у меня дети есть! Погодите, это между нами. Вам известно, что у меня двое детей: дочь, такая же жалкая, как ее мать, и сын. Я еще не знаю, что из него получится. Вы его видели? Нет? Это воспитанный, скромный и вечно жалующийся на здоровье юноша! Но... у меня есть и вторая дочь. Вы только что говорили о Гассене. Он малый хороший. Да и жена у него была удивительная, и я с ней спал. Гассен об этом даже не догадывается. Бывая в Париже, он всегда идет на кладбище и кладет цветы на ее могилу. И это спустя шестнадцать лет, как она умерла!

Мегрэ и Дюкро прошли по мосту Турнель и оказались на острове Сен-Луи, где царил провинциальный покой. Продавцы открывали ставни лавочек, по тротуару торопливо шли на работу служащие.

Судовладелец сменил тему:

— Прошу прощения, что завел вас так далеко. Вы бывали в табачной лавке «Анри IV», которая находится посреди Нового моста? Это недалеко от уголовной полиции. Держу пари, вы никогда не замечали, что это кафе особенное. Мы там собираемся каждый день: пять-шесть человек, а то и больше. Это что-то вроде биржи фрахтовщиков.

— Алина всегда была безумной? — неожиданно сказал комиссар.

— Она не безумна. Или вы плохо ее разглядели, или ничего в этом не смыслите. Врач мне объяснил... в девятнадцать лет у нее ум десятилетней девочки. Но она еще может наверстать упущенное время. Была надежда, что после... ее родов...

Дюкро произнес последнее слово чуть слышно, словно стыдился...

— Она знает, что вы ее отец?

Судовладелец весь вспыхнул:

— Ни в коем случае не говорите ей этого! Она не поверит. Да и нельзя, слышите, нельзя, чтобы Гассен что-то заподозрил!

В этот час старик Гассен, скорее всего, был уже пьян и сидел в одном из двух бистро.

— Полагаете, он не догадывается?

— Уверен в этом.

— Теперь понятно, почему «Золотое Руно» проводит на разгрузочном причале больше времени, чем другие суда.

Это было настолько очевидно, что Дюкро лишь пожал плечами.

— Мы можем зайти в кафе вместе. Мне хватит и двух минут, — предложил он.

Внутри «Анри IV», облокотившись о стойку, стояли речники-клиенты, а рядом, за перегородкой, был другой зал, и там Дюкро пожал руку нескольким мужчинам, не представив комиссара.

— Это правда, что кто-то согласился перевезти уголь из Шарлеруа по пятьдесят два франка за тонну?

— Да, один бельгиец, у него трехмоторное судно.

— Официант! Стаканчик белого. Вы будете пить белое вино?

Мегрэ кивнул и закурил трубку, глядя на прохожих, шагавших по Новому мосту, и рассеянно прислушиваясь к беседе.

Какое-то время он никак не мог понять, что за необычный звук доносится снаружи. Наконец до него дошло: выла сирена какого-то судна. Это были не обычные отрывистые сигналы, которые подавали буксиры, проходя под мостом, а непрерывный вой, и такой громкий, что люди на тротуаре останавливались.

Первым удивленно поднял голову хозяин табачной лавки и подошел к двери, чтобы поглядеть на канал. За ним последовали Мегрэ и еще два речника.

С ревом по течению спускалась баржа. Под арками Нового моста она замедлила ход и, наконец, остановилась, по-прежнему гудя. За штурвал встала жена речника, а сам он спрыгнул в лодку и начал усиленно грести веслом, направляясь к берегу.

— Это Франсуа, — сказал кто-то из клиентов кафе.

Когда лодка причалила, все уже струдилось на набережной у каменной стены. Стоявшая у штурвала женщина с трудом удерживала баржу на месте.

— Патрон здесь?

— Он в кафе.

— Нужно передать ему, но осторожно и не сразу, даже не знаю, как, что его сын...

— Что с сыном?

— Его только что нашли мертвым... Там произошла целая история... Кажется, он...

И речник зловещим жестом обвел рукой вокруг горла. Франсуа торопился, так как подошедший буксир загудел, требуя от стоявшей поперек канала баржи освободить проход. Речник оттолкнул лодку от берега.

Толпа любопытных разошлась, на мосту остались лишь Мегрэ и два клиента кафе. Они не решались смотреть друг

другу в глаза и смутились еще больше, когда на пороге табачной лавки появился Дюкро.

— Это меня искали?

Он привык быть в центре внимания! Разве не входил он в число той группы из пяти-шести человек, которая управляла всем речным миром?

Мегрэ предпочитал, чтобы новость хозяину сообщили речники. Они долго колебались, толкая друг друга локтями, наконец один из них, совершенно растерянный, проворботал:

— Патрон, вам нужно срочно вернуться к себе... Там...

Дюкро, нахмурившись, посмотрел на комиссара:

— Что такое? В чем дело?

— Мсье Жан...

— Да говори же, болван!

— Он умер.

Дюкро обвел всех пустым взглядом. Казалось, он не сразу понял, что ему сообщили. Он тяжело дышал и долго не произносил ни слова.

— Этого не может быть, — проговорил он наконец, и в глазах его появились слезы.

— Сверху сюда приплыл Франсуа и сообщил об этом...

Судовладелец был невысокого роста, но казался таким огромным, широким и прочным, что никто не осмеливался выразить ему сочувствие. С потерянным видом Дюкро повернулся к Мегрэ, вздохнул и бросил своим приятелям, с которыми только что беседовал:

— Я берусь привезти уголь по сорок восемь франков за тонну!

Похоже, он хотел поразить комиссара своей стойкостью. Жестом он остановил такси и не предложил Мегрэ сесть, так как был уверен, что тот обязательно последует за ним.

— К шлюзу Шарантона.

Машина направилась вверх вдоль Сены.

— Глупый мальчишка!

Последний слог он проглотил, его душили слезы.

Порт изменился. Речники узнали патрона и через стекла такси, а зритель выпустил ручку шлюзового затвора и снял фуражку. На набережной толпились рабочие, казалось, жизнь вокруг остановилась.

У подъезда дома ожидал старший мастер.

— Я посчитал, что...

Дюкро стал подниматься по лестнице первым, за ним следовал Мегрэ. На втором этаже дверь распахнулась, и Жанна Дюкро бросилась к мужу. Она вся обмякла, и Дюкро передал жену в руки толстой соседки, которая шмыгала носом.

Судовладелец продолжил путь наверх и даже не обернулся, чтобы посмотреть, идет ли за ним Мегрэ. Между

четвертым и пятым этажами им встретился местный комиссар полиции, который спускался вниз, держа шляпу в руке.

— Господин Дюкро, позвольте выразить, — начал было он.

— К черту! — судовладелец отодвинул полицейского в сторону и продолжил путь.

— Комиссар, дело в том, что он оставил письмо...

— Дайте сюда!

Мегрэ на ходу выхватил письмо у полицейского и сунул его в карман. Для Дюкро ничего не существовало вокруг: тяжело дыша, он поднимался вверх и остановился только перед дверью с медной ручкой. Ему тотчас открыли.

Комната была с мансардой. Письменный стол, красное, покрытое бархатом кресло, такое же, как у родителей внизу.

Доктор, сидя за столом, писал предварительное заключение и не успел помешать судовладельцу откинуть простыню...

Дюкро не вымолвил ни слова. Он застыл, потрясенный открывшимся зрелищем. Горе действительно было безутешным: под простыней лежал худой юноша. На шее виднелась широкая темная полоса. Черты лица молодого человека были сведены судорогой.

Дюкро чуть подался вперед, желая, видимо, поцеловать покойного сына, но не сделал этого. Казалось, его обуял страх. Он отвернулся, посмотрел на потолок, потом на дверь.

— На слуховом окне, — тихо подсказал врач.

Жан повесился на рассвете, его тело обнаружила служанка, каждое утро приносившая завтрак.

Мегрэ вновь поразился выдержке Дюкро, когда тот потребовал:

— Дайте мне письмо!

Он все видел, все слышал, когда чуть ли не бегом поднимался по лестнице! Бегло пробежав листок глазами, судовладелец горестно воскликнул:

— Какой же он глупец!

Эти несколько слов, вырвавшиеся у него из глубины души, прозвучали более трагично, чем если бы он произнес монолог.

— Да прочтите же сами!

Теперь он злился на Мегрэ, который неловко пытался поднять с пола письмо.

«На отца напал я, и теперь сам себя наказываю. Прошу у всех прощения.

Жан».

Дюкро нервно рассмеялся.

— Господи! Разве можно себе такое представить!

Он не запротестовал, когда врач снова прикрыл тело, и уже не знал, что ему делать дальше: оставаться здесь или спуститься вниз, в свою квартиру.

Дюкро положил тяжелую ладонь на плечо Мегрэ.
— Мне хочется пить!

5

На другой день около девяти утра Мегрэ прибыл в префектуру уголовной полиции, и дежурный сообщил ему, что его только что спрашивал по телефону какой-то мужчина.

На рабочем столе комиссара лежала целая пачка корреспонденции, а сверху — служебная записка: «У ворот шлюза в Шарантоне найден повешенным помощник смотрителя».

Мегрэ не успел даже удивиться, как зазвонил телефон. Комиссар с угрюмым видом снял трубку и поразился, что человек, чей голос он узнал, говорил с ним непривычно почтительно, даже как-то робко.

— Алло! Это вы, комиссар? Говорит Дюкро. Вы не могли бы сейчас же приехать? Я бы сам зашел, но у вас там о многом не поговоришь. Алло! Я не в Шарантоне, а в своей конторе на набережной Селестен, 33. Так вы придете? Спасибо!

Десять дней подряд по утрам ярко светило солнце, в воздухе разливался резкий запах цветущей смородины. На берегу Сены весна чувствовалась еще больше, чем в других местах города.

Дом 33 был двухэтажным, уже старым строением. Перед входом, у фойе, висели медные таблички. Внутри здание выглядело как все небольшие отели, перестроенные в конторы. Не зная, как найти судовладельца, Мегрэ хотел уже обратиться к кому-нибудь за справкой, но вдруг увидел Дюкро стоящим наверху лестницы.

— Прошу вас, поднимайтесь...

Он провел комиссара в гостиную, переделанную в рабочий кабинет. Здесь еще сохранился лепной потолок, трюмо и позолота. Все было старым, немодным и не подходило к светлой деревянной мебели. Мегрэ заметил, что Дюкро не побрился и выглядел довольно помятым. На рукаве его пиджака, сшитого из толстого синего драпа, была траурная повязка.

Он сидел молча, вертя в руках погасшую трубку, и Мегрэ вдруг показалось, что перед ним два Дюкро: один из них постоянно хорохорился, хвастался, говорил громко, как театральный актер, а другой, понимая, что он, в сущности, самый обыкновенный человек, вел себя робко и неловко.

Дюкро дулся на Мегрэ за то, что тот молчал. Он предполагал, чтобы комиссар как-то реагировал на его слова, и тогда ему было бы легче вести свою игру.

— Знаете, где я провел ночь? В отеле на улице Риволи! Остаться дома просто не мог — туда сбежались все: старуха-теща, жена, дочь и зять-идиот, да еще соседи! Устроили настоящий похоронный карнавал, и я предпочел смыться!

Он говорил искренне и, похоже, был доволен, что подобрал такое удачное слово, как «карнавал».

— Я бродил где попало, мне все было противно, я ненавидел даже самого себя. А с вами такое случилось?

Тут он без всякого перехода схватил лежавшую на столе газету двухдневной давности, поднялся со стула, подошел к Мегрэ и положил ее прямо перед ним, ткнув пальцем в заметку.

— Вы читали?

«Нам стало известно, что дивизионный комиссар уголовной полиции Мегрэ, хотя и не достиг пенсионного возраста, подал заявление об отставке и добился ее. Он покидает полицию на будущей неделе, и его, вероятно заменит на этом посту комиссар Ледан».

— Ну и тут необычного? — удивился Мегрэ.

— Сколько еще дней вам остается? Шесть, верно?

Дюкро не сел, а принялся расхаживать по комнате, заложив пальцы за отвороты жилета. Он то останавливался у окна, то отходил от него.

— Вчера я спрашивал, сколько вам платят, помните? А сегодня хочу заявить следующее: с будущей недели готов платить вам сто тысяч франков, если согласитесь работать у меня. Подождите, не торопитесь с ответом.

Негерпеливым жестом он отворил дверь и знаком пригласил комиссара пройти с ним в соседнюю комнату. Там за светлым письменным столом сидел мужчина лет тридцати. Перед ним высилась груда папок, в зубах он зажал длинный мундштук, а рядом девушка-машинистка уже ждала, когда ей начнут диктовать.

— Директор службы буксировки, — представил мужчину Дюкро, и тот быстро поднялся с кресла.

Судовладелец добавил:

— Сидите, не вставайте, мсье Жаспар! Кстати, напомните-ка мне, чем вы занимаетесь по вечерам, когда свободны. Вы ведь, если я не ошибаюсь, чемпион по...

— По кроссвордам.

— Верно! Великолепно! Слышали, комиссар? Мсье Жаспар, директор службы буксировки, тридцати двух лет — чемпион по кроссвордам!

Дюкро четко выговаривал все слоги и на последнем резким жестом захлопнул дверь, после чего повернулся к Мегрэ и поглядел на него в упор.

— Видели этого размазню? Таких, как он, много и внизу, и наверху. Все они хорошо одеваются и мнят себя честными тружениками. Заметьте, сейчас мсье Жаспар спрашивает себя, чем же он мне не угодил. Машинистка раззвонит об инциденте по всей конторе, и эту историю дней десять все будут обсасывать, как конфету. Хотите сигару?

На камине стояла целая коробка гаванских сигар, но комиссар предпочел раскурить трубку.

— Вам я никакой должности не дам. Вы уже начали вникать в мои дела. Я прикажу всем службам, чтобы к вам никто не цеплялся. Будете действовать там, где вздумается.

На какой-то миг в памяти Мегрэ еще раз возникли длинные каналы с деревьями по обоим берегам реки, кумушки в черных соломенных шляпках и груженные вагонетки, снующие между карьером и баржами.

— Ну так как? — спросил нетерпеливо Дюкро.

— Никак.

Дюкро вздохнул и выбросил сигару в окно.

— Почему вы уходите из полиции?

Мегрэ улыбнулся, покуривая трубку.

— Признайтесь, вы ведь не из той породы людей, что сидят без дела.

Дюкро злился, он был унижен, раздражен, но в его взгляде читалось уважение.

— Дело, видимо, вовсе не в деньгах?

Комиссар оглянулся на дверь соседнего кабинета и прошептал:

— Может быть, у меня те же причины, что и у вас?

— Что, в полиции есть бездари?

— Я этого не говорил!

Дюкро не желал мириться с поражением, но его прежняя уверенность пропала.

— Разумеется, я переборщил, пытаюсь вас просто купить. Но если это предложение я сделаю вам через неделю? Когда вы уйдете из полиции...

Мегрэ покачал головой, и Дюкро готов был злобно встряхнуть комиссара за плечи, хотя в душе явно проникся к нему еще большим уважением. Зазвонил телефон.

— Да, это я. Ну и что? Похоронное бюро? Мне плевать на похоронное бюро! Если вы будете по-прежнему надоедать мне, то на похороны я не пойду.

Однако судовладелец все же побледнел.

— Ну и лицемеры! — вздохнул он, положив трубку. — Они толпой стоят вокруг тела, но если бы малыш вдруг ожил, то выставил бы всех за дверь. Вы и представить не можете, где я побывал этой ночью. Если люди узнают, сочтут меня чудовищем. Так вот, я заглянул в публичный дом и плакался там на плече у шлюхи.

Силы покинули его, он уже не мог держаться на ногах и уселся, положив локти на стол и пригладив волосы. Дюкро о чем-то напряженно думал и рассеянно глядел на комиссара. Прервав затянувшуюся паузу, Мегрэ негромко спросил:

— Вы знаете, что в Шарантоне повесился еще один человек?

Дюкро поднял на него тяжелый взгляд.

— Вы, вероятно, его знаете, ведь он был одним из мощников смотрителя шлюза...

— Бебер?

— Не знаю, Бебер ли это, но его обнаружили сегодня утром повешенным у верхних ворот шлюза. Что вы на это скажете?

Дюкро лишь устало вздохнул.

— Вас могут спросить, где вы провели прошлую ночь.

На губах судовладельца мелькнула слабая улыбка.

— Когда вы уходите из полиции?

— В среду, на будущей неделе.

— Ну а если, предположим, к тому моменту следствие не завершится?

— Передам дело одному из коллег...

Улыбка на губах Дюкро стала еще шире, и он, словно ребенок, весело спросил:

— Какому-нибудь бездарю?

— Бездари есть повсюду, — невольно улыбнулся и Мегрэ.

Они явно подтрунивали друг над другом. Наконец Дюкро поднялся и протянул огромную ладонь.

— До свидания, комиссар. Мы, разумеется, скоро увидимся.

Пожимая ему руку, Мегрэ посмотрел в его светлые глаза и с трудом подавил улыбку.

. . .

Видимо, эту идею подсказала жильцам консьержка: все жалюзи на окнах дома были закрыты в знак траура. На судах, застывших в порту, были приспущены флаги, что придавало каналу мрачный вид.

И еще одно происшествие.

Худое длинное тело малого, которого все работавшие на Марне хорошо знали и называли Бебером, отвезли в судебно-медицинский институт.

Этот парень, не имевший родственников, появился в здешних местах неизвестно откуда и устроился жить на давно заброшенной и ржавеющей в порту драге. Он помогал пришвартовываться прибывавшим судам, открывал и закрывал ворота шлюза, оказывал мелкие услуги и получал чаевые. Вот и все, что о нем было известно.

Смотритель ходил по шлюзу с важным видом: утром три журналиста задали ему кучу вопросов, а один даже его фотографировал.

Выйдя из трамвая, Мегрэ зашел в бистро Фернана, где народу было больше обычного. В зале зашептались, и те, кто его знал, указывали на него своим соседям. Подошел хозяин, запросто спросил:

— Вам пиво с пеной? — и подмигнул Мегрэ, указывая на противоположный угол.

Там в одиночестве сидел старик Гассен, злой, будто больной пес, глаза его сильно покраснели. Он уставился на комиссара и скорчил презрительную гримасу. Мегрэ невоз-

мутимо отхлебнул из кружки свежего пива, вытер губы и стал набивать трубку табаком.

Хозяин быстро наклонился к Мегрэ и, сделав вид, что протирает столик, прошептал:

— Повлияйте на него как-нибудь. Он окончательно спился. Видите клочки бумаги на полу, это приказ грузиться. Он просто-напросто порвал документ!

Старик догадался, что говорили о нем, и с трудом поднялся со стула, затем подошел к Мегрэ и вызывающе уставился на него мутным взором. Немного помедлив, Гассен направился к выходу, оттолкнув по пути хозяина локтем.

На пороге пьяница остановился, словно собирался выбежать на шоссе прямо под проезжавший автобус, но пошатнулся и повернул к другому быстро. Сидевшие в зале речники переглянулись и разом заговорили.

— Что вы на это скажете, господин комиссар?

Все обращались к нему, как к старому знакомому.

— Эта история на Гассена, похоже, сильно подействовала. Я даже сомневаюсь, сможет ли он вообще опомниться. А что вы думаете о Бебере? Это уже второй повешенный, не так ли?

Мегрэ кивал и отвечал всем, улыбаясь.

— Правда, что патрон не хочет идти на похороны?

Значит, клиенты бистро были уже в курсе! А ведь Дюкро говорил по телефону всего лишь час назад!

— А вы знаете, что Бебера видели вчера в кинотеатре «Галлиа»? На него, должно быть, напали уже после, когда он возвращался на свою драгу.

Мегрэ поднялся, расплатился за пиво и, прощаясь, помахал рукой всем сидевшим в зале. Накануне он поручил двум инспекторам собрать точные сведения об обстоятельствах смерти Бебера, и теперь увидел на другом берегу реки одного из них. Это был Люка, который рыскал по драге, принадлежавшей когда-то компании «Мосты и шоссе».

Мегрэ не спеша прошел мимо дома Дюкро. У края тротуара с утра, а возможно, и с вечера стояла машина Дешарма. Комиссар никуда не торопился и ни о чем не думал. Полной картины случившегося ему пока не удалось воссоздать, да он и не хотел делать поспешных выводов.

Он обернулся, услышав, как консьержка подзывает такси. Спустя несколько минут из дома появилась полная молодая женщина, одетая во все черное, с красными заплаканными глазами. Явно нервничая, она уселась в машину, а консьержка поставила ее вещи на сиденье.

Роза уезжала! Как тут было не улыбнуться? Мегрэ подошел к консьержке, и та, заметив его, поджала губы.

— Эту даму с третьего этажа зять Дюкро попросил уехать?

— Ну не я же! Да и потом, их дела меня не касаются! Все было и так ясно! Семья, облаченная в траурные одеж-

ды, часами шепталась там, наверху, выясняя, пристойно ли присутствие в доме этой особы в столь печальный момент. И капитан, которого наверняка направили к Розе, передал ей решение семейного совета!

Внезапно Мегрэ увидел перед собой синюю металлическую табличку с белыми буквами: «Бальные танцы». Возле двери, чуть в глубине, он заметил ярко-зеленые вьющиеся растения.

В зале, по краям пустой танцевальной площадки, стояло несколько столиков, скамейки, на одной из стен висел театральный занавес.

— Кто там? — прокричал голос над лестницей.

— Комиссар...

Сверху, в домашних тапочках и пеньюаре, спустилась женщина и негромко проговорила:

— А! Это вы.

Она, как и все в Шарантоне, уже слышала о Мегрэ. Когда-то эта женщина была, видно, красавицей. Став чуть грузноватой и размякнув от этой тепличной жизни, она и теперь сохраняла очарование.

— Что желаете выпить?

— С вами за компанию охотно выпью аперитив.

Себе она налила настойки из горечавки.

— Я догадывалась, что вы сюда придете. Ваше здоровье!

Хозяйка держалась в присутствии комиссара непринужденно, полиции она ничуть не боялась.

— Это правда, что рассказывают?

— Про кого?

— Про Бебера. Ладно! Так и быть, скажу вам. Хотя это нужно еще проверить. Говорят, старик Гассен...

— ...совершил это преступление?

— Во всяком случае, судя по его высказываниям, можно подумать, что это сделал именно он. Еще рюмочку?

— А Дюкро?

— Вы о чем?

— Он не приходил сюда вчера?

— Он частенько заходит ко мне поболтать. Мы дружим с давних пор. Хоть он теперь человек и богатый, но гордеца из себя не строит.

— А вчера он приходил?

— Да. Танцы бывают только по субботам и воскресеньям. В другие дни я по привычке не закрываю заведение, но, по правде сказать, сижу здесь в полном одиночестве. Когда был жив муж, все было по-другому, мы ведь держали здесь ресторан.

— В котором часу Дюкро ушел?

— Что это вам взбрело в голову? Вы заблуждаетесь, уверяю вас. Правда, случалось, что он тискал меня. Ну, тогда, когда сам еще плавал на маленьком буксире. Но никогда,

сама не знаю почему, не позволял себе большего. Вчера он выглядел расстроенным...

— Он пил?

— Две или три рюмки, но для него это вполне нормально. Он признался мне: «Если бы ты знала, Марта, как осточертели все эти бездари! Не пойти ли мне на всю ночь в публичный дом?»

На этот раз, услышав знакомое слово «бездари», Мегрэ не улыбнулся.

— Можете вспомнить, в котором часу он ушел?

— Наверное, в полночь... А может, чуть раньше... Согласитесь, печально, когда человек имеет столько денег и не чувствует себя счастливым!

Мегрэ слушал ее с серьезным видом.

6

— Самое удивительное, — заключил Мегрэ, — что история-то очень проста.

Эта мысль пришла ему в голову в кабинете начальника уголовной полиции, к которому он заглянул вечером. В этот час коридоры уже обезлюдели. Пурпурное солнце садилось где-то за Парижем, а освещенный лучами Новый мост, нависший над Сеной, казался красновато-голубым. Мегрэ и начальник уголовной полиции беседовали, стоя у окна. Они обсуждали служебные дела и рассеянно глядели на медленно идущих по улице прохожих.

Зазвонил телефон. Начальник снял трубку.

— Здравствуйте, мадам. Как поживаете? Да, он здесь.

Госпожа Мегрэ была взволнована.

— Мы же договорились, что ты позвонишь в четыре часа. Мебель уже там, и мне нужно срочно выезжать. Ты не можешь сейчас подъехать?

Прежде чем попрощаться, комиссар объяснил начальнику:

— Совсем забыл, мы сегодня переезжаем в деревню. Мебель уже отвезли, а сейчас жена хочет поехать туда и расставить все по местам в нашем домике.

Начальник уголовной полиции пожал плечами, и Мегрэ, заметивший это, остановился на пороге:

— Вы что-то хотите сказать, патрон?

— Вы поступите, как все другие. Не пройдет и года, как вы снова устроитесь на работу в каком-нибудь банке или страховой компании.

В полутемном кабинете от этих слов повеяло грустью, но оба собеседника пытались ее развеять.

— Клянусь вам, со мной такое не случится.

— До завтра. И будьте поосторожнее с Дюкро: он в приятельских отношениях с несколькими депутатами.

Мегрэ взял такси и вскоре уже оказался в своей квартире

на бульваре Эдгар-Кине. Жена торопливо собиралась в дорогу. Две комнаты были совершенно пусты, а в других лежали различные пакеты.

— Ты действительно не можешь поехать со мной? Мы расставим мебель, а завтра есть вечерний поезд на Париж.

Мегрэ не только не мог поехать, но у него и желания такого не было. Его поразил вид пустых комнат, которые они собирались покинуть навсегда. Но еще больше он был удручен грудой готовых к отправке вещей. Комиссар рассеянно слушал жену, которая не переставала суетиться.

— Ты пока поешь,— кричала она из соседней комнаты,— сама я не голодна.

Он наспех перекусил, затем снес вниз огромные неудобные пакеты с вещами — среди них были даже садовые инструменты! — и положил все в багажник такси.

— Вокзал Орсей!

У подножки вагона он наскоро поцеловал жену и в одиннадцать часов с мрачным видом уже шагал вдоль Сены.

Добравшись до набережной Селестен, он прошел мимо конторы Дюкро. Света там не было. Косые лучи газового фонаря отражались на медных табличках. Суда, выстроившиеся у обоих берегов канала, словно распластались на воде.

Где сейчас Дюкро? Возвратился ли он домой, несмотря на свое отвращение к этому «карнавалу»? Может, положив локти на стол, судовладелец ужинает в большом ресторане или забрел в кафе для шоферов? Пойдет ли он снова в публичный дом с черной повязкой на рукаве?

Никаких особенных сведений о Жане Дюкро добыть не удалось! Есть люди, о которых окружающие и сказать ничего толком не могут. Два инспектора наводили о нем справки в Школе Хартий Латинского квартала и в Шарантоне.

«Приятный юноша, немного замкнутый, слабого здоровья...»

Пороков и увлечений за ним не водилось. Неизвестно даже, как он проводил свободные вечера.

«...вынужден был заниматься дома, так как после болезни каждое усилие давалось ему с трудом».

Семью он создать не хотел. Ни приятелей, ни подружки не имел. И вот в одно прекрасное утро Жан повесился, обвинив себя в том, что хотел убить отца! Удалось все же выяснить, что Жан Дюкро провел три месяца на судне «Золотое Руно» с Алиной. Жан... Алина... Гассен... Дюкро...

Он направлялся туда, где центром жизни были шлюз № 1, высокий шестизэтажный дом, буксир «Золотое Руно», два быстро и небольшой танцевальный зал. Именно там находился тот вещественный мир, со свойственными только ему запахами, в котором словно в клубок сплелись сложные человеческие судьбы.

Этот клубок и предстояло распутать Мегрэ. Его последнее дело.

Яркий лунный свет заливал пустынные окрестности. Бистро слева уже закрылось, а в другом Фернан и трое клиентов играли в карты.

Видимо, они услышали шаги Мегрэ, так как хозяин поднял голову, узнал комиссара и открыл ему дверь.

— Вы! В такой час? Есть какие-нибудь новости?

— Нет, ничего нового.

Мегрэ прошел в зал, чувствуя, что совершает какую-то ошибку. Игроки ждали, когда освободится Фернан. Тот налил рюмку коньяка комиссару, другую себе.

— Ты будешь играть или нет?— окликнули его.

— Ну вот! Вы позволите, господин комиссар?

Мегрэ по-прежнему стоял, чувствуя, что происходит что-то странное.

— Может, присядете? Я быю козырем!

Мегрэ посмотрел в окно, но ничего необычного снаружи не заметил. Там по-прежнему светила яркая луна.

— Сколько я вам должен?— спросил Мегрэ.

— Нисколько, я вас угостил. Подождите минутку. Ах, у меня белот!

Хозяин бросил карты и направился к стойке.

— Что желаете выпить еще? То же самое? А вы, ребята?

Во всей атмосфере, в поведении речников, в голосах было что-то не очень искреннее. Особенно странно вел себя хозяин. Он словно боялся, что в зале наступит тишина.

— Вы знаете, что Гассен по-прежнему пьет? У него настоящий запой! Большой стаканчик, Анри? А тебе?

На всей набережной, погруженной в сон, жизнь царила только в этом бистро. Мегрэ, следивший за тем, что происходит внутри и снаружи, шагнул к двери.

— Погодите... господин комиссар, я хотел вам сказать, а, черт, совсем вылетело из головы.. Как глупо... Не хотите выпить еще?..

Фернан вел себя так неестественно, что приятели глядели на него со смущением.

— Что происходит?— попытался выяснить Мегрэ.— Почему ты стараешься меня задержать?

— Я? Клянусь вам...

В этот момент среди массы темных палуб, мачт и надстроек Мегрэ заметил крошечную светящуюся точку. Оставив дверь открытой, он пересек набережную и очутился перед сходнями «Золотого Руна».

В темноте, метрах в двух от себя, заметил человека.

— Что вы тут делаете?

— Жду своего клиента.

Обернувшись, комиссар увидел стоявшее чуть поодаль такси с погашенными фарами. Узкий мостик под тяжестью Мегрэ закрипел. Сквозь застекленную дверь каюты пробивался слабый свет. Комиссар решительно открыл ее.

— Можно войти?

Керосиновая лампа освещала комнату. Кровать была разобрана, на столе, покрытом клеенкой, стояла бутылка и два стакана.

Дюкро и Гассен молча сидели друг против друга: в маленьких глазках старика светилась угроза, а судовладелец, сдвинув фуражку на затылок, словно застыл на стуле.

— Входите, комиссар. Я догадывался, что вы придете.

Он не хорохорился, не выглядел ни смущенным, ни удивленным. Дверь во вторую какту была закрыта на замок. Спала ли Алина? А может, она затаилась в темноте за дверью и прислушивалась?

— Вам нравится голландская водка?

Судовладелец поднялся, подошел к буфету, достал стакан, наполнил его прозрачной водкой и потянулся за другим. Но в этот момент Гассен резким жестом сбросил все со стола. Бутылка и стаканы покатались по полу.

Дюкро не вздрогнул. Может, он был готов к такому взрыву? Гассен, вне себя от ярости, тяжело дышал и сжимал кулаки, подавшись всем телом вперед. Какое-то время он стоял в такой позе, затем рухнул на стул, обхватил голову руками и простонал:

— Будь проклята такая судьба!

Дюкро знаком показал Мегрэ на дверь и, проходя мимо старика, потрепал его по плечу. Все закончилось миром. На палубе они вдохнули полной грудью чистый и свежий воздух. Дюкро на минуту остановился, положил ладонь на руку своего спутника.

— Я сделал все, что мог. Вы возвращаетесь в Париж?

Они поднялись на набережную по каменной лестнице и услышали, как шофер такси, открыв дверцу, завел мотор. Комиссар заметил, что из окна быстро за ними наблюдает Фернан.

— Это вы приказали, чтобы никто не мешал вашей беседе?

— Кому?

Мегрэ показал рукой на бистро.

— Услужливый болван! — проворчал судовладелец. — Садитесь, комиссар. К центру города, — приказал он.

Набережная была безлюдной. По дороге к улице Сент-Антуан им встретились лишь две машины. Шофер опустил стекло перегородки:

— Куда дальше?

Дюкро с явным вызовом сказал:

— Отвезите меня к «Максиму».

Когда такси остановилось, он с мрачным видом вышел и спросил:

— Вы зайдете на минутку, комиссар?

— Нет, спасибо.

Дюкро уже скрылся в дверях ресторана. Часы показывали половину второго ночи.

В глубине кладбища раздавалось неторопливое и монотонное шарканье ног. Звук скрипящего под подошвами гравия, пыль, дугой висевшая в воздухе, тяжелая поступь толпы — все это создавало еще большее ощущение жары.

Стоя у распахнутых кладбищенских ворот, Дюкро, в черном костюме и белоснежной рубашке, вытирал пот мятым носовым платком и пожимал руку всем, кто подходил выразить ему сочувствие. По его лицу нельзя было догадаться, о чем он думал. Он не плакал и смотрел на людей так, словно случайно попал на эти похороны.

Процессия заполнила собой весь Шарантон. За двумя катафалками, покрытыми цветами и венками, следовали сотни речников, умытых, хорошо причесанных, облаченных в синие одежды, с фуражками в руках.

Теперь, покидая кладбище, они поочередно прошались с родственниками покойного и выражали им соболезнования, после чего со смущенным видом сбивались в группы и искали кафе поблизости. Пот заливал лица, от жары особенно страдали речники, надевшие толстые двубортные куртки.

Мегрэ стоял на тротуаре напротив витрины цветочного магазина и не решался уйти. Возле него остановилось такси, и один из инспекторов подошел к комиссару.

— С вами хочет говорить Лэка.

— Здесь ничего не произошло? — сразу же спросил тот у Мегрэ. — Мне только что сообщили, что сегодня утром старик Гассен купил револьвер у оружейника с площади Бастилии.

Старый речник стоял метрах в пятидесяти от родственников покойного, выстроившихся вдоль ворот кладбища. С угрюмым видом он смотрел на проходивших мимо людей.

Мегрэ, видевший Гассена раньше всегда неопрятным, поразился его внешности: старик впервые приоделся по воскресному: на нем был новый костюм и чистое белье, бороду он тщательно расчесал. Кончился ли у него запой? Во всяком случае, выглядел он более спокойным и даже степенным.

— Когда старик будет уходить, задержи его незаметно и доставь в местный комиссариат.

Мегрэ быстро пересек шоссе и встал метрах в трех от Дюкро. Тот очень удивился появлению комиссара. Из ворот кладбища все еще выходили речники, одетые во все синее, с загорелыми лицами, с выцветшими волосами. Гассен заметил рядом с собой комиссара, но не выразил ни удивления, ни досады.

Наконец и старик решился подойти вслед за остальными к Дюкро. Он молча протянул морщинистую ладонь своему патрону.

Этим Гассен и ограничился и вышел из ворот кладбища.

Люкá подждал старого речника в переулке. Мегрэ подал знак, и инспектор пошел вслед за Гассеном.

. . .

— Комиссар!

В двух шагах от него стоял Дюкро. Он, должно быть, бросил семью у кладбищенских ворот, чтобы догнать Мегрэ.

— Что это вы затеваете против Гассена?

— С чего вы взяли?

— Видел, как вы подавали какие-то знаки инспектору. Собираетесь его арестовать?

Мегрэ мгновение помедлил, не решаясь сказать правду.

— Сегодня утром он купил револьвер.

Судовладелец ничего не ответил, но глаза его сузились и стали жесткими.

— Может, он купил оружие, чтобы расправиться с вами?— продолжал допытываться комиссар.

— Вполне возможно,— проворчал Дюкро. Он сунул руку в карман, вытащил браунинг и вызывающе рассмеялся.— Меня вы тоже арестуете?

• — Не имеет смысла. Вас сразу же освободят.

— А Гассена?

— Гассена тоже.

Они стояли у края тротуара на самом солнцепеке, а вокруг них, на узкой улочке, торговались с продавцами домохозяйки. Мегрэ представил себе, как двое мужчин бродят по Парижу с револьверами, и шутливо подумал, что ему придется играть роль отца-спасителя.

— Гассен не будет меня убивать,— уверенно заявил Дюкро.

— Почему вы так думаете?

— Потому!— И, смягчив тон, он предложил:— Не хотите пообедать завтра у меня дома за городом? Это в Самуа.

— Если смогу, приеду.

На этом они расстались, и Дюкро, которому был явно тесен пристежной воротничок, удалился, унося в кармане браунинг. Мегрэ зашел в местный комиссариат. Комиссар ушел обедать, и Мегрэ встретил услужливый секретарь:

— Ваш человек в камере слева. Вот что у него нашли з карманах.

На развернутой газете лежали дешевый с виду револьвер с барабаном, пенковая трубка, красный резиновый кисет с табаком, голубой носовой платок и порыжевший от времени бумажник, который комиссар сначала повертел в руках, а потом открыл. В бумажнике лежали документы «Золотого Руна» и бланк таможенной декларации, подписанный зрителями шлюзов. Денег было немного. Из карманчика выпали две фотографии — женщины и мужчины.

Снимок женщины был сделан лет двадцать назад. Цвета

на нем потускнели, но черты молодой и стройной женщины еще хорошо различались. Ее загадочная улыбка напоминала улыбку Алины.

Это была жена Гассена. Она умерла. Другой снимок изображал Жана Дюкро. Фотография была любительская. Молодой человек в белых брюках стоял на палубе. На обороте комиссар прочел: «Моей подружке Алине, которая, возможно, когда-нибудь прочтет это, от ее большого друга Жана». Его тоже нет в живых!

— Нашли что-нибудь интересное? — полюбопытствовал секретарь.

— Только слова! — ответил комиссар, открывая дверь камеры.

* * *

— Ну что, папаша Гассен?

Сидевший на скамье старик поднялся, и Мегрэ нахмурился, заметив его расшнурованные башмаки, воротничок без галстука. Он позвал секретаря.

— Кто это сделал?

— Но ведь обычно...

— Сейчас же верните ему шнурки и галстук.

Вид у речника был жалким, он явно обиделся на то, как к нему отнеслись в полиции.

— Садитесь, Гассен! Вот ваши вещи, кроме револьвера, разумеется. Ну что, запой кончился? Вы уже пришли в себя?

Мегрэ уселся напротив задержанного, а тот нагнулся и стал зашнуровывать башмаки.

— Заметьте, я вам не очень докучал. Вы ходили, куда заблагорассудится, и пили с утра до вечера. Оставьте башмаки! Потом зашнуруйте. Вы меня слышите?

Гассен поднял голову, и Мегрэ догадался, что тот наклонился для того, чтобы скрыть свою хитроватую улыбку.

— Почему вы хотите убить Дюкро?

Улыбка исчезла с лица речника.

— Я еще никого не убил.

Разве это были не первые слова, которые слышал от старика комиссар?

— Знаю. Но вы хотите его убить.

— Может быть, я кого-то и прикончу.

Пьяным речник не был, Мегрэ это видел, но Гассен или выпил, или в нем еще бродил хмель от предыдущих обильных возлияний. Несколько дней назад он вел себя злобно, а теперь держался слишком спокойно.

— Зачем вы купили оружие?

— А зачем вы в Шарантоне?

— Не вижу связи.

— Нет, связь есть!

Мегрэ, удивленный таким ответом, замолчал, и Гассен пояснил:

— Вас ведь эта история, в сущности, не касается.

Он взял второй шнурок, снова нагнулся и принялся продевать его в дырочки башмака. Комиссару приходилось напрягать слух, чтобы разобрать все, что он бормотал сквозь густую бороду.

— Десять лет назад в Шалоне хозяин «Баклана» причалил возле красивого дома, где жил доктор! Его звали Луи. Не доктора, а хозяина судна! Он безумно радовался и стирал от нетерпения, ведь его жена, а ей было тридцать, ждала ребенка.

Стены камеры вздрагивали, когда по улице проезжал трамвай. Из соседней лавки, куда входили покупатели, всякий раз раздавался звон колокольчика.

— Супруги ждали ребенка восемь лет. Луи готов был пожертвовать все свои сбережения... И вот он идет к доктору. Луи боится, что жена родит где-то у черта на куличках, в какой-нибудь отдаленной деревушке, и говорит доктору, что «Баклан» будет стоять в Шалоне столько, сколько потребуется.

Гассен завязал, наконец, шнурок.

— Прошло восемь дней. Доктор каждый вечер приходил осматривать женщину. Наконец, где-то около пяти часов вечера, начались схватки. Луи не сидит на месте. Его видят то на палубе, то на набережной. Он идет к дому врача и звонит в дверь. Почти силой приводит его к жене. Тот клянется, что все будет хорошо, роды пройдут без сучка и задоринки. Нужно только предупредить его в последний момент.

Гассен говорил, словно читал молитву.

— Вы не бывали в тех местах? А я, как сейчас, вижу большой новый особняк с широкими окнами. В тот вечер в них горел свет: доктор принимал гостей. Он был элегантен, надушен, с завитыми усами. Раза два наспех прибегал на судно. Сначала от него пахло бургундским, потом ликером. «Прекрасно, прекрасно,— говорил он.— До скорого...» И бегом возвращался в дом, откуда слышалась музыка.

Жена от боли кричала, и обезумевший Луи уже не сдерживал слез. Ему было страшно. Старая кумушка со стоявшей неподалеку баржи клялась, что ребенок слишком большой и ему трудно появиться на свет.

В полночь Луи стучится в дом доктора, и ему отвечают, что он сейчас придет. В половине первого Луи опять звонит в дверь и слышит, как веселятся гости.

А жена Луи кричит так, что прохожие на набережной испуганно останавливаются, а потом убыстряют шаг.

Наконец гости расходятся, и доктор приходит к роженице. Он не совсем пьян, но и не очень трезв. Снимает пиджак, засучивает рукава. «Похоже, нужны акушерские щипцы...»— бормочет доктор. В каюте тесно, все толкают друг

друга. И тут доктор заявляет, что нужно раздробить голову ребенку! «Разве это можно!»— кричит ему Луи... «А вы хотите, чтобы я спас мать?»— спрашивает доктор. Его клонит в сон, он еле стоит на ногах. Через час он отходит в сторону, и Луи видит, что его жена уже не кричит, не шевелится...

Гассен поглядел в упор на Мегрэ и закончил свой рассказ:

— Луи его убил. Двумя выстрелами. А третью пулю пустил себе в лоб.

Почему Гассен улыбался? Мегрэ предпочитал видеть его пьяным и озлобленным, каким он был в предыдущие дни.

— Что мне теперь будет?— безразличным тоном спросил речник.

— Вы обещаете мне, что не наделаете глупостей? Ведь Дюкро всегда был вашим другом, верно?

— Мы родились в одной деревне. Потом вместе плавали.

— Он вас очень любит.

Последняя фраза далась Мегрэ с трудом.

— Возможно.

— Скажите, Гассен, на кого вы точите зубы? Я спрашиваю вас об этом как мужчину.

— А вы?

— Не понимаю.

— Я спрашиваю, а вы на кого ополчились? Все что-то выноживаете. Ну, и что же вы нашли?

Вопрос был неожиданным. Мегрэ принимал Гассена за пьяницу, а оказалось, что, даже напиваясь до бесчувствия, тот по сути дела вел собственное расследование. Старик именно это и хотел сказать!

— Ничего конкретного я еще не обнаружил.

— Я тоже.

Но Гассен был готов вот-вот что-то обнаружить! Об этом говорил его тяжелый и холодный взгляд.

— Вы ведь не причастны к нападению на Дюкро?

— Совершенно непричастен,— с иронией ответил речник.

— Да и к самоубийству Жана Дюкро тоже.

Гассен промолчал, лишь покачав головой.

— С Бебером вы в родстве не состоите и другом ему не были. Зачем бы вам его вешать, верно?

Гассен со вздохом поднялся, и Мегрэ удивился, что он так мал ростом.

— Расскажите мне, Гассен, все, что вам известно. После смерти вашего приятеля из Шалона никого не осталось. А вот у вас есть дочь.

Мегрэ тут же пожалел об этих словах, потому что в глазах старика появилась такая безысходная тоска, что комиссар счел нужным неуверенно добавить:

— Ваша дочь поправится.

— Может, и поправится.

Голос его звучал так, будто ему это было безразлично. Но суть-то была не в том, черт побери! И Мегрэ хорошо это

знал. Беседа коснулась темы, о которой речник не хотел говорить. Он не задавал больше вопросов и молча глядел перед собой.

Мегрэ тревожило такое состояние Гассена.

— До сих пор вы прекрасно жили-поживали на вашем судне...

— Знаете, почему я выбираю один и тот же путь? Потому что этим путем я ходил тогда, когда был женат.

Старик выглядел еще крепким, кожа на лице его была испещрена темными морщинами.

— Знаете ли вы, Гассен, кто напал на Дюкро?

— Пока нет.

— А известно ли вам, почему его сын обвинил себя в этом преступлении?

— Возможно, и знаю.

— А известно вам, почему был повешен помощник смотрителя шлюза?

— Нет.

Вне всякого сомнения, он говорил правду.

— Меня посадят в тюрьму?

— Нет, но прошу вас успокоиться и потерпеть, пока я не закончу расследование.

Маленькие глазки речника стали злыми.

— Я ведь не тот врач из Шалона,— добавил Мегрэ.

Гассен слабо улыбнулся, а Мегрэ поднялся со скамьи, чувствуя себя усталым после столь необычного допроса.

— Сейчас вас освободят.

Ничего другого не оставалось. На улице по-прежнему стояла прекрасная погода. На Сене, на Марне и на канале среди барж сновали крашенные, покрытые лаком лодки с гребцами, одетыми по-весеннему.

Через час в одном из кафе на набережной Мегрэ узнал, что Гассен не возвратился к себе на буксир, а снял у Катерины комнату над танцевальным залом.

8

Такое воскресенье обычно хорошо запоминается в детстве: все выглядело нарядным, новым, начиная с бледно-голубого неба с сиреневым отливом и кончая водой, в которой отражались продолговатые силуэты домов.

Мегрэ попросил шофера такси остановиться неподалеку от шлюза. Навстречу комиссару вышел из кафе Люка, которому он поручил наблюдать за Гассеном.

— Старик не двигался с места. Вчера вечером выпил стаканчик с хозяйкой, но из дома никуда не выходил. Сейчас он, наверное, еще спит.

Как и на улицах, на баржах никого не было видно. Лишь какой-то мальчик, сидя на палубе у руля, натягивал носки.

А Люка продолжал докладывать, показывая рукой на «Золотое Руно»:

— Вчера эта безумная нервничала. Раз пять выскакивала из трюма, а однажды даже бегала в кафе на углу. Речники сжалились и хотели привести старика на судно, но он отказался. Из-за похорон и всех этих историй люди ведут себя странно — до полуночи они расхаживали по палубам и все глядели на «Золотое Руно». Кстати, танцевальный зал вчера работал и оттуда слышалась музыка. К ночи эта чокнутая, должно быть, заснула, но утром, чуть свет, уже бродила, босая и беспокойная, словно кошка, потерявшая котят. Она стучалась в трюмы соседних барж, и я видел, как на палубах появлялись разбуженные пары в исподнем. Но никто не решился сказать ей, где старик. Думаю, так оно и лучше. Одна из женщин увела девушку назад на «Золотое Руно», и сейчас они, наверное, завтракают. Вон, видите, дым выходит из трубы.

Дым курился над многими баржами. Люди поднимались с постелей и одевались, вдыхая запах горячего кофе.

— Продолжай за ним наблюдать, — приказал Мегрэ.

Он не вернулся к ожидавшему его такси, а толкнул дверь танцевального зала. Спросил хозяйку:

— Он там, наверно?

— Кажется, только что встал. Я слышала его шаги.

* * *

Сельский дом Дюкро в Самуа отделяла от Сены дорога, по которой лошади тянули баржи. Хозяин встречал его у решетчатых ворот, одетый, как обычно, в темно-синий костюм. Он подождал, пока комиссар расплатится, затем сам закрыл ворота, положил ключ в карман и позвал шофера, который в глубине двора мыл машину серого цвета, поливая ее из шланга.

— Эдгар! Никого не впускай, а если увидишь, что кто-то бродит вокруг дома, предупреди меня.

После этого он с серьезным видом поглядел на Мегрэ и спросил:

— Где Гассен?

— Одевается.

— А Алина? Она беспокоится?

— Ищет его. Сейчас с ней соседка.

— Хотите перекусить? Обед будет только через час. Или выпьете стаканчик?

Дюкро кончиком трости указал на окно.

— Старуха еще не оделась. А молодая пара, слышите, ссорится.

В самом деле, из открытых окон на втором этаже доносились громкие голоса.

— Огород за домом, там же и старые конюшни. Вилла

слева принадлежит крупному издателю, а в той, что справа, живет семья англичан.

Между Сенной и лесом Фонтенбло повсюду виднелись загородные дома и виллы. Мегрэ слышал гулкий стук теннисных мячей у соседнего особняка, скрытого в саду. На краю лужайки, одетая во все белое, полулежала в кресле-качалке старая дама.

— Вы действительно ничего не хотите выпить?

Дюкро казался обескураженным, будто не знал, чем занять гостя. Он был небрит и выглядел утомленным.

— Так вот! Здесь мы и проводим воскресные дни!

Дюкро направился в сад и вдруг в упор посмотрел на Мегрэ:

— А вы не передумали?

Он задал вопрос неспроста и собирался задать его давно. Эта мысль, видимо, постоянно мучила его, и сейчас, напряженно ожидая ответа, судовладелец угрюмо насупился.

Мегрэ курил и наблюдал, как дым из трубки медленно растворяется в воздухе.

— В среду я покидаю полицию.

— Это мне известно.

Оба понимали друг друга с полуслова, и им не нужно было притворяться. Дюкро не случайно тщательно закрыл ворота и сейчас нервничал, меряя шагами сад.

— Может, хватит?— спросил комиссар еле слышно и с таким безразличием, словно вовсе и не произносил этих слов.

Дюкро резко остановился, вид у него изменился. Он будто сбросил с себя маску, и теперь лицо его выражало тревогу, нерешительность и досаду. Однако это длилось недолго. Судовладелец справился со смятением, и губы его раздвинулись в злой улыбке.

— Думаете, ко мне кто-то придет, не так ли?

Его глаза буравили Мегрэ. Дюкро хотел казаться решительным, но это ему не удавалось, и он, пытаясь скрыть волнение, говорил чуть ли не с угрозой.

— Ладно, поговорим о другом. А не выпить ли нам все же по рюмочке? Знаете, что меня поражает? То, что вы не допросили ни Дешарма, ни мою любовницу, ни...

— Кажется, вы хотели поговорить о другом?

Но Дюкро продолжал, по-приятельски взяв Мегрэ за плечо:

— Минутку! Давайте играть в открытую. Прежде всего скажите, кого вы подозреваете?

— А если в этой истории несколько виновных?

Дюкро нахмурился: ответ ему явно не понравился.

— Ладно, пойдемте в дом. Там есть, что выпить.

Войдя в гостиную, он начал перебирать бутылки, стоявшие на подоконнике.

— Перно? Настойку из горечавки?

Хозяин налил две рюмки, пододвинул кресло к комиссару.

— Вот здесь мы и живем. Мне наплевать, что соседи потешаются над нами, когда семья садится обедать на террасе!

Его взгляд перескакивал с одного предмета на другой. Гостиная была роскошно меблирована, в углу стоял огромный рояль.

— Ваше здоровье! Когда я покупал первый буксир, мне, разумеется, нужны были льготные условия для платежа. Банк принимал двенадцать видов векселей, но при условии, если будет поручительство. Я попросил поручительство у моего тестя. А он отказал под тем предлогом, что не хочет, видите ли, разорить свою семью! Теперь же мне приходится содержать его жену-старуху.

Злоба и сейчас переполняла судовладельца. Чувствовалось, что ему тяжело вспоминать то время. Чтобы сменить тему, он пододвинул к себе коробку с сигарами и предложил:

— Не желаете одну? Если предпочитаете курить трубку, то не стесняйтесь!— Пальцами он нервно мял вышитую скатерть.— Дочь моя вся в мать! А ее муж, этот офицер-дурак, к тому же решает шахматные задачки, которые публикуются на последних страницах газет!

Но он явно думал о другом. Мегрэ, хорошо изучивший судовладельца, понял это по его рассеянному взгляду.

— Что с вашей любовницей?

— Я приказал ей убираться и теперь даже не знаю, где она. Кстати, Роза явилась на похороны в глубоком трауре, пытаясь скрыть под вуалью свое лицо молодой и лицемерной проститутки!

Его душила злоба. Все раздражало Дюкро до такой степени, что он, казалось, ненавидел все вещи в гостиной, как и скатерть на столе, которую продолжал нервно перебирать пальцами.

— У «Максима» она выглядела обаятельной и веселой. Там она была другой, не то что моя жена и ей подобные. Я приютил Розу, помог обзавестись обстановкой, и вот она уже растолстела, ухитряется сама шить себе платья, будто какая-нибудь консьержка.

Мегрэ уже давно понял, что за драма отравляла жизнь Дюкро. Он начал с нуля, а теперь греб деньги лопатой. Его компаньонами были люди состоятельные, жившие на широкую ногу. А семья судовладельца ничуть не менялась. Жена, приезжая в Самуа, вела себя, как в прежние времена, когда стирала белье на корме буксира, а дочь являла собой лишь карикатуру добропорядочной обывательницы.

Дюкрэ страдал от такой жизни и воспринимал ее как личное оскорбление. Он чувствовал, что соседи не принимают его всерьез, несмотря на этот огромный белый особняк, шофера и садовника.

С завистью глядя на лужайки и террасы соседних вилл, он

злился и нарочно старался вести себя вульгарно: плевал на землю, засовывал руки в карманы и раздражался грубыми ругательствами.

Услышав шаги на лестнице, Дюкро вздохнул и подмигнул комиссару:

— А вот и они!

В гостиную вошли его дочь и зять, одетые во все черное. Весь их вид говорил о безутешном горе.

— Очень рад, мсье. Наш отец часто говорил о вас и...

— Хватит любезничать! Лучше выпейте что-нибудь!

Их появление еще больше вывело Дюкро из себя. Стоя у окна, он смотрел на решетчатую ограду, четко выделявшуюся на фоне Сены. Зять-блондин держался подчеркнуто корректно и со смирением.

— Тебе немного портвейна?— спросил он жену.— Что вам удалось выяснить, господин комиссар?

Дюкро раздраженно забарабанил пальцами по оконному стеклу. Может, подыскивал очередную злую реплику? Во всяком случае, он обернулся и проворчал:

— Комиссар расспрашивал о вас. Узнав о ваших долгах, он сказал, что моя смерть была бы вам выгодна. Что касается Жана, то в его смерти вы были заинтересованы вдвойне.

— Папа!..— вскрикнула дочь, поднося к глазам платок с черной вышивкой.

— Папа! Папа!— передразнил ее отец.— Ну и что? Разве это я залез в долги? Разве это мне хочется жить на юге?

Супруги уже привыкли к его странному выходкам, и Дешарм постарался принять пристойный вид. Руки у зятя были холеные; ухоженными длинными пальцами он поглаживал платиновое обручальное кольцо.

— Я вам говорил, что они ждут ребенка?

Дюкро нарочно хотел смутить дочь, и та стыдливо опустила глаза.

Служанка в белом переднике накрывала стол на террасе.

— Ты хоть знаешь, что будет на обед?

Дочь воспользовалась тем, что отец отвлекся, и вышла из гостиной, а Дешарм сделал вид, что внимательно изучает партитуру на пианино.

— Вы играете?— спросил его Мегрэ.

За зятя ответил Дюкро:

— Он? Никогда не умел! Здесь никто не играет. Рояль в доме для шика, как и все остальное!

Хотя в гостиной было прохладно, на лбу хозяина выступил пот.

. . .

Соседи слева продолжали играть в теннис, а слуга в ливрее носил им прохладительные напитки. Тем временем семья Дюкро обедала на террасе. Тент пропускал солнечные лучи,

было жарко, и на черном шелковом платье Берты, под мышками, появились два мокрых пятна. Хозяин, весь взвинченный, вел себя вызывающе. Смотреть на него и слушать то, что он говорил, было неприятно.

Когда подали рыбу, он попросил показать ему блюдо, понюхал, потрогал кончиком указательного пальца и проворчал:

— Уберите!

— Но, Эмиль...

— Уберите!— повторил судовладелец.

Жена вернулась из кухни с покрасневшими глазами. Дюкро, повернувшись к Мегрэ, глухо проговорил:

— Вы уходите в отставку в среду. Утром или вечером?

— В среду в полночь.

Затем, обращаясь к зятю, Дюкро спросил:

— Знаешь, сколько я предложил комиссару, чтобы он работал со мной? Сто пятьдесят тысяч.

Дюкро продолжал поглядывать на решетчатые ворота и явно чего-то опасался. А Мегрэ, единственный, кто догадывался о причине его страха, чувствовал себя неловко, так как судовладелец, пытавшийся справиться с паникой, выгладел и забавно, и отвратительно.

За кофе хозяин сделал новый злой выпад.

— Видите,— указал он на сидевших вокруг стола,— это и есть, так сказать, семья. Прежде всего — глава, вынужденный нести на своих плечах весь груз забот. Так было всегда, так будет и дальше, пока он не околеет. Ну и затем остальные члены, ни на что не способные и цепляющиеся за главу...

— Ты опять за свое?— спросила дочь, поднимаясь из-за стола.

— Вот-вот, правильно. Тебе надо проветриться. Да и потом, для тебя это, наверное, последнее хорошее воскресенье.

Берта вздрогнула, а ее муж, вытирая губы салфеткой, поднял голову. Мадам Дюкро, казалось, не слышала этой фразы.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего! Ровным счетом ничего... Мечтай о жизни на юге!

Зять явно невпопад простодушно признался:

— Мы с Бертой подумали и решили, что юг слишком далеко. Если бы нам удалось устроиться где-нибудь на берегу Луары...

— Ах так! Тогда попросите комиссара, и он вам подыщет жилье рядом со своим домом. Он это сделает, так как ему будет приятно иметь подобных соседей!

— Вы живете на Луаре?— поинтересовался у Мегрэ Дешарм.

— Он, возможно, будет там жить...

Мегрэ медленно повернул голову в сторону Дюкро и на этот раз не улыбнулся. От волнения губы у него задрожали.

Вот уже несколько дней комиссара мучила неизвестность, и внезапно одно лишь слово побудило его сделать окончательный выбор. «В о з м о ж н о!»

Дюкро с серьезным видом выдержал его взгляд, отметив про себя перемену, происшедшую в комиссаре.

— В каком месте ваш дом?

Вопрос Дешарма остался без ответа. Ни Мегрэ, ни судовладелец словно не слышали его. Дюкро выглядел более спокойным, но лицо его напряглось, лоб покрылся испариной.

Они уже давно прошупывали друг друга, будто примеривались, прежде чем нанести удар.

Мегрэ пришел в себя и, засунув пальцы в кисет, принялся набивать табаком трубку.

— Я предпочел бы жить в районе Косн или Жиен...

Мадам Дюкро потянула за шнурок колокольчика, чтобы позвать служанку. Но оба соперника, только что вновь примирившиеся, казалось, не замечали ничего вокруг.

— Иди к жене и утешь ее. Она, должно быть, плачет у себя в комнате.

— Вы думаете? А мне кажется, Берта нервничает потому, что она в положении...

— Да иди же, болван!— рявкнул Дюкро, и зять покорно удалился.— А ты чего тянешь за шнурок?

— Мелия забыла подать ликеры.

— Не беспокойся. Когда нам захочется ликера, мы сами его найдем. Не так ли, Мегрэ?

Он сказал не «комиссар», а «Мегрэ». Поднявшись со стула, судовладелец вытер салфеткой губы и чуть наклонился вперед, разглядывая в окно окрестности.

— Какая прекрасная погода! Гляньте, даже смотритель шлюза с семьей обедает на свежем воздухе! В самом начале, когда я был коноводом, мы с Гассеном закусывали на пригорке, потом дрыхли, уткнувшись носом в траву, а кузнечики прыгали у нас над головой...

Казалось, у Дюкро были двойные зрачки: сначала его взгляд чуть смягчался, и он весело смотрел на все вокруг, а затем вдруг глаза меняли выражение, становясь колючими и жесткими.

— Может, пройдемся, чтобы размяться после обеда?

Дюкро направился к решетчатым воротам и открыл их. Но прежде чем пересечь дорогу, он сунул руку в задний карман брюк и демонстративно достал браунинг. Сцена выглядела комично, по-детски, но все же впечатляла. Мегрэ никак на это не прореагировал, сделав вид, что ничего не заметил. С оружием в кармане, выпятив грудь, судовладелец зашагал рядом с Мегрэ с самым беззаботным видом. Перед шлюзом он остановился и несколько минут молча глядел на воду, сочившуюся сквозь множество шелей в подъемном затворе.

— Какое сегодня число?

— Тринадцатое апреля.

Судовладелец с многозначительным видом взглянул на Мегрэ.

— Тринадцатое? Вот как!

И оба зашагали дальше.

9

В этот час перед наступлением сумерек все предметы обычно кажутся более яркого цвета. Багровое солнце повисло над лесистыми холмами, а золотистые отблески на воде становились все шире, как бы вбирая в себя вечернюю прохладу.

Вдруг Дюкро, державший руки за спиной, уставился на дома, подступавшие прямо к реке, и произнес:

— Поглядите, комиссар.

Мегрэ не заметил там ничего необычного. В основном это были рестораны и довольно роскошные гостиницы. Вдоль тротуара вереницей выстроились машины. Между двумя ресторанами комиссар увидел небольшое бистро, куда обычно заходят перекусить шоферы. По случаю воскресенья из бистро на улицу вынесли четыре столика, устроив нечто вроде террасы. Взгляд комиссара отыскал знакомую фигуру Люка, сидевшего на террасе перед кружкой пива. Инспектор тоже увидел Мегрэ и улыбнулся. Ему, похоже, было приятно сидеть здесь в такое погожее воскресенье под большим желто-красным тентом рядом с лавровым деревом.

Чуть правее инспектора Мегрэ заметил старика Гассена. Положив локти на крошечный столик, тот старательно писал письмо.

— Вы это называете самозащитой?

Дюкро не отрывал взгляда от старика. Тот время от времени поднимал голову, словно раздумывал, что ему написать, но, казалось, ничего не замечал вокруг.

Мегрэ никак не прореагировал на слова судовладельца и, подав знак Люка, направился в сторону шлюза. Дюкро неохотно последовал за ним.

— Вот и я, шеф. — К ним подошел Люка.

— Он вооружен?

— Не думаю. Старик чем-то сильно озабочен.

— Постарайся перехватить его письмо. Можешь идти.

— Вы не ответили на мой вопрос. — сказал Дюкро, когда они тронулись дальше.

— Вы же слышали: старик не вооружен.

Они вернулись к белому особняку.

— Хорошо, что у нас есть ангел-хранитель, — пошутил судовладелец. — Вам лучше поужинать с нами. А если согласитесь, то можете и переночевать...

Он открыл решетчатые ворота. Жена, дочь и зять молча пили чай на террасе.

Дюкро и комиссар уселись в ивовые кресла за столом, на котором стояли бутылки и стаканы. Они не присоединились к остальным членам семьи, сидевшим на террасе, а предпочли уединиться в углу двора, возле двери в гостиную. Фонари в Самуа зажглись слишком рано и светились яркими белыми пятнами.

— Вы полагаете, — задумчиво произнес Мегрэ, — что преступник, зная, что ему грозит разоблачение, не решится на второе, а если понадобится, и третье убийство?

Дюкро курил огромную пенковую трубку, держа ее за длинный мундштук вишневого дерева. Он довольно долго молчал, затем спросил:

— Что вы этим хотите сказать?

— Ничего особенного. Я просто размышляю. Ведь здесь приятно сидеть в такой прекрасный воскресный вечер. И коньяк превосходный, и трубки тянутся хорошо. Старик Гассен, я думаю, тоже где-то пьет аперитив. И все же в среду к вечеру все наши заботы кончатся, и следствие завершится.

Мегрэ задумался, а тем временем Дешарм чиркнул спичкой, и на какой-то миг ее танцующее пламя рассеяло бледный полумрак на террасе.

— Интересно знать, кого в этом доме больше не будет? Дюкро вздрогнул и, не скрывая испуга, пробормотал:

— Странная у вас манера...

— Где вы провели прошлое воскресенье?

— Здесь, в Самуа.

— А ваш сын?

Дюкро нахмурился и ответил:

— Он тоже был здесь. Два часа возился с приемником, но так и не починил.

— Но его нет в живых. Бебера тоже. Вот я и думаю, будет ли в следующее воскресенье кто-нибудь сидеть в этом кресле?

Из-за темноты они плохо видели друг друга. Табачный дым от двух трубок клубами вился над двориком. Хозяин резко вскочил, увидев, как кто-то остановился на велосипеде у ворот.

— В чем дело? — крикнул он нетерпеливо.

— Мне нужен господин Мегрэ.

Это был местный мальчишка, который через решетку протянул комиссару письмо.

— Возле табачной лавки один человек остановил меня и попросил передать вам это.

— Я в курсе. Спасибо.

Мегрэ надорвал конверт. Внутри находилось письмо Гассена, адресованное его сестре: мадам Эмме Шатеро, «Кафе зеленщиков», Лазикур (Верхняя Марна).

— Может, зажечь свет в гостиной? — предложил хозяин, не решавшийся задавать вопросы.

— Мне и так хорошо видно.

Листок бумаги Гассену явно дали в бистро. Буквы, мелкие в начале письма, написанного фиолетовыми чернилами, в конце становились все крупнее.

«Дорогая Эмма!

Сообщаю тебе, что чувствую себя хорошо, и надеюсь, что ты тоже в полном здравии. Но хочу предупредить, если со мной что-то случится, пусть меня похоронят у нас, рядом с матерью, а не в Шарантоне, как я просил раньше. К тому же не надо будет платить за могилу. Что касается моих денег в банке, то книжка и все документы лежат в ящике буфета. Все это останется тебе. Наконец-то ты сможешь надстроить этаж над своим домом. Ну а в остальном все идет хорошо, потому что я теперь знаю, что мне делать.

Остаюсь твоим братом».

Мегрэ посмотрел на Дюкро, который, зажав зубами трубку, старался сохранить невозмутимый вид.

— Плохие новости?

— Это письмо, которое только что написал Гассен.

Дюкро тихо спросил:

— Я могу его прочесть?

Мегрэ молча сложил письмо, сунул его в бумажник и машинально поглядел на еле различимые в вечерней темноте ворота.

— Кому он писал?— в голосе Дюкро слышалась обида.

— Сестре.

— Эмме? Что с ней случилось? Одно время она жила на судне у брата, и мне кажется, что я даже был в нее влюблен. Затем она вышла замуж за учителя из Верхней Марны, но он вскоре умер...

— Сейчас она содержится в деревне харчевню.

— Становится свежо, вы не находите? Может, войдем в дом?

В гостиной Дюкро повернул выключатель, запер дверь и хотел закрыть ставни, но передумал.

— Что же Гассен написал сестре? Мне что-то грозит?

— Вам лучше знать.

Хозяин прохаживался по гостиной, словно не мог найти себе места.

— Представьте двух человек, — рассуждал Мегрэ, разливая коньяк. — Один уже совершил убийство и ему грозит пожизненное заключение, если не хуже, а другой никому ничего дурного не сделал. И вот они ищут друг друга, как два драчливых петуха. Кто из них, по вашему, в большей опасности?

Вместо ответа Дюкро широко улыбнулся.

— Итак, остается лишь выяснить, кто повесил Бебера? Что вы на это скажете, Дюкро?

Мегрэ говорил добродушным тоном, но в каждом его слове таился свой скрытый смысл.

Хозяин наконец уселся в кресло и посмотрел на комиссара сквозь полуприкрытые ресницы, а тот продолжал:

— Знаете, какой вопрос невольно при этом возникает? Кто, воспользовавшись простотой Алины, сделал ей ребенка?

В тот же миг хозяин резко вскочил, лицо его побагровело.

— Ну и кто же?— воскликнул он.

— Разумеется, не вы. И не Гассен, который всегда считал себя ее отцом. Это и не ваш сын, он питал к ней лишь дружескую привязанность. К тому же он...

— Что он? На что вы намекаете?..

— Ничего дурного я не хочу сказать. Просто у меня есть кое-какая информация. Скажите, Дюкро, после рождения вашей дочери вы ничем не болели?

Судовладелец что-то пробормотал и отвернулся от комиссара.

— Это многое объясняет. Например, то, почему Алина страдает слабоумием. Да и сын ваш был нервным, чувствительным и болезненным. У него даже случались припадки истерии. По мнению его приятелей, а они постоянно над ним по этому поводу подшучивали, Жан был девственником. Отсюда и происходила эта восторженная и очень чистая дружба между ним и Алиной.

— К чему вы клоните?

— К тому, что если Бебера убили, то любовником Алины был он! «Золотое Руно» неделями стоит на якоре в Шарантоне. Гассен проводит все вечера в бистро. Помощник смотрителя шлюза был холостяком и однажды вечером, когда он бродил вокруг барж, увидел, как Алина...

Дюкро в бешенстве швырнул трубку в угол гостиной.

— Это правда?— допытывался Мегрэ.

— Я ничего об этом не знаю.

— Может быть, Беберу и не нужно было прибегать к силе: Алина ведь не осознает своих поступков. И никто об этом не знал! До того момента, пока Алина не родила... Вокруг нее постоянно крутятся трое мужчин... Как вы думаете, Дюкро, кого подозревает Гассен?

— Меня!— злобно прокричал судовладелец.

Вдруг он подскочил к двери и рывком распахнул ее. У порога стояла Берта. Дюкро поднял руку, и дочь вскрикнула. Но отец не ударил ее, а лишь резко захлопнул дверь.

— Что дальше?— хозяин дома, наклонив голову, повернулся к комиссару.

— Я заметил, что Алина боится вас, более того — даже ненавидит. У Гассена, похоже, появились подозрения, поскольку вы все время вертелись возле девушки...

— Так оно и есть. Ну и что из этого?

— А вдруг эти подозрения пришли в голову еще одному

человеку, знавшему, что вы не пропускаете ни одной женщины?

— Ну-ну, говорите!

— Ваш сын...

— Что мой сын?

— Когда вы приходили на баржу, Алина запиралась в каюте и плакала. Гассен шпионил за вами и ждал лишь доказательств, чтоб отомстить. Ваш сын, как все нервные люди, терзался страшными догадками. Он вам не говорил, что хочет стать священником?

— Да, полгода назад. Откуда вы знаете?

— Не важно. Вы подавляли, душили его волю. Три месяца, которые он провел после болезни на «Золотом Руне», были самыми счастливыми в его жизни.

— Да говорите же скорей!— Дюкро вытер пот со лба и снова налил себе коньяку.

— Это всего лишь догадки. Во всяком случае, теперь мне понятно, почему Жан покончил с собой. Когда он узнал, что темной ночью вас ранили и сбросили в воду, то сразу подумал: это сделала Алина, которая взбунтовалась, когда вы пристали к ней...

— А разве он не мог откровенно поговорить об этом со мной?

— Вы когда-нибудь говорили с ним по душам? А с дочерью вы откровенничаете? Вы запретили Жану стать священником, и он считал себя никчемным, человеком. Хотел красиво уйти из жизни. О таком конце обычно мечтают все юноши, обитающие в мансардах. К счастью, они не всегда осуществляют свои планы. А вашему сыну это удалось. Он ведь спасал Алину и взял вину на себя! Возможно, до вас это не доходит, но молодым людям, сверстникам Жана, его поступок понятен...

— Как вы обо всем догадались?

— Не только я. Вспомните, Гассен, кочуя из бистро в бистро и напиваясь в стельку, упорно думал над той же загадкой.

Дюкро резким жестом отдернул занавеску, но свет в гостиной мешал ему что-либо разглядеть в темноте.

— Вы слышали?

— Нет.

— Что вы намерены делать?

— Сам еще не знаю,— откровенно признался Мегрэ.— Когда двое мужчин лезут в драку, их пытаются разнять. Закон, однако, не разрешает мне вмешиваться, хотя эти двое и готовы убить друг друга. По закону я могу арестовать лишь убийцу... Но для этого нужны доказательства!

Хозяин дома опять прислушался.

— А если вы их...

— Нет! В среду, в полночь, меня уже не будет в полиции. У вас случайно нет серого табака?

Он взял щепотку из коробки, на которую указал Дюкро, набил трубку, а потом наполнил табаком и кисет. В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в гостиную вошел Дешарм.

— Прошу прощения. Жена неважно себя чувствует и не сможет спуститься к ужину.

Он не ушел, а уселся в кресло и удивился, увидев коньячные рюмки.

— Может, выпьем лучше по аперитиву?

Дюкро не оборвал зятя и сделал вид, что не замечает его присутствия.

— Вы разрешите мне отлучиться, комиссар?

Хозяин словно ждал, что Мегрэ ему этого не позволит, но комиссар ничего не сказал.

— Удивительный он человек!— вздохнул Мегрэ, как только дверь за судовладельцем закрылась.

Дешарм, неудобно сидевший в кресле, куда он с трудом втиснул свое крупное тело, тихо произнес:

— Он часто ведет себя довольно странно. Но после дурного настроения у него бывают и хорошие минуты.

Мегрэ, будто находясь у себя дома, закрыл занавески, оставив лишь небольшую щель, чтобы поглядывать во двор.

— Нужно иметь большое терпение...

— У вас оно есть!

— Да, но сейчас у меня затруднительное положение. Как офицер я не должен быть причастен к некоторым вещам, к некоторым драматическим событиям, которые...

— К каким событиям?..— безжалостно спросил Мегрэ.

— Не знаю. Я просто хочу посоветоваться... Вы ведь тоже лицо официальное. Ваше присутствие здесь и кое-какие слухи...

— Какие слухи?

— Мне ужасно трудно вам объяснить... Представьте, что один человек, имеющий определенное положение в обществе, попал в ситуацию... ситуацию...

Хоть он и старался выглядеть решительным, но все же волновался! Наверняка он заранее приготовился к этому разговору!

— Когда офицер совершает серьезный проступок, по традиции, товарищи напоминают ему о долге и оставляют... наедине с револьвером. Это позволяет избежать судебного разбирательства...

— О ком вы говорите?

— Ни о ком. Но мне все же не по себе... Прошу вас меня понять или хотя бы сказать, стоит ли думать, что...

Дешарм оборвал фразу, решив больше ничего не уточнять. Поднявшись с кресла, он напряженно улыбался, ожидая ответа комиссара.

— То есть, вы хотите знать, убийца ли ваш тесть и не собираюсь ли я его арестовать?

Мегрэ, казалось, ничуть не был смущен появлением в гостиной Дюкро. Тот вошел со свежим лицом, слегка влажными на висках волосами. Видимо, только что умылся.

— Мы сейчас спросим его самого.

Мегрэ избегал смотреть на Дешарма, который побледнел, но не решался протестовать.

— Так вот, Дюкро, ваш зять спросил меня, не вы ли убийца и не намерен ли я вас арестовать.

Наверху, должно быть, услышали эти слова, так как там внезапно наступила полная тишина. У Дюкро от изумления перехватило дыхание. Он с ненавистью уставился на Дешарма, который боязливо попятился в угол.

— Ах! Он сказал...

На какой-то миг показалось, что судовладелец вот-вот бросится на зятя. Но Дюкро вдруг улыбнулся. Улыбка становилась все шире. И вот он уже смеялся! Он громко хохотал, хлопая себя по бедрам.

— Вот умора,— воскликнул он наконец, и слезы появились у него на глазах.— Ну и Дешарм! Каков парень! Ладно, ребята, давайте ужинать.

10

Служанка принесла супницу в тот момент, когда со вздохом облегчения Дюкро принялся вытирать концом салфетки вспотевшую шею. Печь в доме не топили, и озябшая мадам Дюкро накинула на плечи вязаный черный шарф, казавшийся траурным.

Место Берты напротив хозяина дома пустовало, и он приказал служанке:

— Пойдите и скажите Берте, чтобы она спустилась.

Он налил себе супа, положил рядом с салфеткой огромный ломоть хлеба. Услышав, что жена шмыгает носом, судовладелец нахмурился и спросил:

— У тебя насморк?

— Кажется, да,— прошептала та и отвернулась, чтобы скрыть подступившие слезы.

Дешарм, изысканно держа ложку в руке, прислушивался к тому, что происходило на втором этаже.

— Ну что, Мелия?

— Мадам Берта спуститься не может.

Дюкро шумно глотал суп.

— Передай, что мне плевать, больна она или нет. Понятно?

Дешарм сам пошел за женой, а Дюкро искал глазами, на кого бы еще наброситься.

— Мелия, открой занавески.

Он сидел напротив двух окон, выходивших во двор, и со своего места мог видеть решетчатые ворота и Сену. Тяжело опершись на стол, хозяин медленно жевал кусок хлеба

и вглядывался в темноту. На верхнем этаже слышались быстрые шаги, приглушенные голоса и всхлипывания. Вернувшись в столовую, Дешарм сообщил:

— Берта сейчас придет.

И в самом деле жена его спустилась через несколько минут. Она даже не припудрила красное заплаканное лицо.

— Мелия!— позвал хозяин.— Несите следующее блюдо.

Когда Мелия наклонилась, чтобы взять и унести супницу, хозяин шлепнул ее по заду.

— Кстати, дорогуща, когда мы с тобой спали в последний раз?

Служанка вздрогнула и смущенно уставилась на своего патрона. Затем она бросила тревожный взгляд на хозяйку. Дюкро лишь пожал плечами и ухмыльнулся.

— Еще одна особа, которая думает, что для меня это имеет какое-то значение! Вы можете идти. Так вот, это произошло сегодня утром, когда Мелия пошла в погреб за вином.

Судовладелец не удержался и посмотрел, как на это реагирует Мегрэ. Но комиссар выглядел рассеянным и размышлял о чем-то другом. Мадам Дюкро ничем не выдала своего возмущения. Она сосредоточенно разглядывала скатерть на столе, а Берта, поднеся платок к лицу, высморкалась.

— Вы видели?— спросил у Мегрэ Дюкро, кивнув подбородком на ворота.

Горевший там единственный фонарь отбрасывал небольшой круг света возле столба. И в этом круге, метрах в десяти от дома, был отчетливо виден неподвижный силуэт. Человек облокотился на ограду и, должно быть, хорошо различал все, что происходило в залитой светом столовой.

— Это он!— уверенным тоном произнес Дюкро.

Мегрэ, обладавший отличным зрением, заметил чуть поодаль, у самого берега Сены, вторюю фигуру. Напуганная служанка подала на стол мясо и картофельное пюре, а комиссар тем временем достал из кармана блокнот, оторвал листок и принялся что-то на нем писать.

— Вы разрешите воспользоваться услугой вашей девушки? Спасибо. Мелия, пройдите через двор к воротам. Там стоит старик, но на него не обращайтесь внимания. Чуть дальше вы увидите другого мужчину, лет тридцати. Передайте ему записку и подождите, пока он напишет ответ.

От страха служанка еле двигалась. Хозяин разделял ножом баранью ногу. Мадам Дюкро ерзала на стуле и вытягивала шею, пытаясь разглядеть, что происходит перед домом.

— Вам мясо с кровью, комиссар?

Рука судовладельца не дрожала, казалось, он ничуть не встревожился и вел себя так, будто был целиком поглощен только ужином.

— У тебя есть сбережения?— обратился он вдруг к Дешарму.

— У меня?..— изумленно откликнулся зять.

— Послушай...— начала было дочь, дрожа от гнева и возмущения.

— А тебе я советую помолчать. И прошу, сиди на месте и не вставай. Если я спрашиваю твоего мужа, есть ли у него сбережения, значит, делаю это не без причины. Отвечай!

— Разумеется, у меня их нет.

— Тем хуже! Мясо отвратительное. Это ты его жарила, Жанна?

— Нет, Мелия.

Хозяин вновь поглядел в окно, но в темноте различил лишь белый передник служайки. Она уже возвращалась в дом и вскоре вручила Мегрэ записку от Люка. На ее волосах блестели капельки воды.

— Идет дождь?

— Да, очень мелкий.

Инспектор ответил на том же листке, что ему передала служанка. На вопрос комиссара: «Он вооружен?» — Люка написал лишь одно слово: «Нет».

Казалось, Дюкро обладал способностью читать через бумагу, так как спросил:

— Он вооружен?

Мегрэ поколебался, потом утвердительно кивнул. Все сидевшие за столом слышали вопрос хозяина и видели, как на него ответил комиссар. Мадам Дюкро поперхнулась. Сам судовладелец, до того петушившийся, слегка вздрогнул и продолжал есть уже без аппетита.

— Мы говорили о твоих сбережениях... Их нет? Тем хуже для тебя! Представь, что я сию минуту околею. Ты мнишь себя богатым, думая, что я не могу лишиться наследства свою жену и дочь...

Дюкро сидел, развалившись на стуле, как гость, рассказывающий после сытного ужина всякие байки.

— Так вот, заявляю, вы не получите ни сантима!

За столом установилась гробовая тишина. Мегрэ подумал, что Гассену, дрожавшему под моросящим дождем, залитая светом столовая кажется, видимо, мирной семейной гаванью.

Дюкро тем временем продолжал говорить.

— Вы ничего не получите. Я подписал контракт, по которому, в случае моей смерти, все дела перейдут в руки Генеральной компании. Все сорок миллионов! И они будут выплачены лишь через двадцать лет.

Он зло рассмеялся, затем повернулся к жене:

— К тому времени ты тоже умрешь, моя старушка.

— Умоляю тебя, Эмиль....

Мадам Дюкро старалась сохранить достойный вид, но силы ее были на исходе. Чувствовалось, что в любой момент она может упасть в обморок.

Мегрэ тщетно пытался обнаружить на лице хозяина хотя

бы признак волнения, нерешительности. Наоборот, тот еще больше ожесточился:

— Ты боялся, что я тебя скомпрометирую, и хотел, чтобы я потихоньку, без шума расстался с жизнью?— спросил он зятя, челюсти у которого слегка дрожали.

— Клянусь вам...

— Не надо клясться! Ты каналья и подлец, считающий себя порядочным человеком. Интересно, кто из вас двоих более омерзителен — ты или моя дочь? Вот уже несколько недель вы ломаете комедию, утверждая, что ждете ребенка. Так вот, я сейчас вызову врача и, если он скажет, что Берта действительно беременна, дам вам сто тысяч!

Мадам Дюкро удивленно раскрыла глаза, а дочь посмотрела на отца с откровенной ненавистью.

— Поглядите-ка на них!— воскликнул судовладелец, вставая из-за стола и держа трубку во рту.— Их трое: жена-старуха, дочь и зять! И эту семейку я должен постоянно везти на своем горбу...

Мегрэ с невозмутимым видом принялся набивать трубку табаком.

— Ну, а теперь я вам еще кое-что сообщу, хоть здесь и находится комиссар. Но это не важно, так как он один, а родственники не могут быть свидетелями: так уж устроен закон! Я убийца! Вот этими руками я...

Берта подскочила на стуле, а зять прошептал:

— Прошу вас...

Мадам Дюкро не пошевелилась, может быть, она просто не слышала слов мужа? Она не плакала, но прикрыла лицо руками.

Дюкро, сильно сжимая зубами трубку, стал мерять тяжелыми шагами столовую.

— Хотите знать, почему я уколошил этого типа?

Никто его ни о чем не спрашивал. Ему просто нужно было излить душу.

Дюкро подошел к окну, распахнул его, и холодный, пахнущий рекой воздух проник в столовую.

— Гассен! Эй! Гассен!..

Фигура возле фонаря зашевелилась, но не двинулась с места.

— Не могу понять, чего он ждет. Говоря по правде, только он один любил меня по-настоящему!

Произнеся эти слова, хозяин дома взглянул на Мегрэ, словно хотел ему сказать: «А вот вы отказались стать моим другом!»

Он схватил со стола бутылку вина и налил два полных стакана.

— Выслушайте меня. В детали вдаваться не буду, потому что завтра я ведь могу отказаться от показаний. Так вот, однажды вечером я пришел на баржу Гассена...

— Чтобы проведать свою любовницу,— вмешалась дочь.

Отец пожал плечами и презрительно проронил:

— До чего ты глупа! Так вот, Мегрэ, в тот вечер я пришел туда сильно расстроенным, потому что эти две каналы, что перед вами, в очередной раз пытались вытянуть из меня деньги. Не увидев света, я удивился. А когда подошел поближе, то заметил какого-то негодяя. Он лежал на палубе и через иллюминатор подглядывал, как раздевается моя дочь...

Дюкро специально выделил слова «моя дочь» и с вызовом посмотрел на сидевших за столом, но никто из них не осмелился произнести ни звука.

— Я нагнулся, схватил его за руку и так вывернул ее, что этот тип стал извиваться, как угорь. Я уже совсем было стащил его с палубы в воду...

Судовладелец, стоявший перед окном, говорил так тихо, что приходилось напрягать слух.

— Я всегда был очень силен. Но в тот раз мне не повезло! Этому мерзавцу удалось выскользнуть. Он достал нож из кармана и ударил меня в спину. Я пытался устоять на ногах. но Бебер столкнул меня плечом в воду...

Мадам Дюкро, слушая рассказ мужа, сидела неподвижно. В столовой было холодно. Создавалось ощущение, что в ночной темноте бродят какие-то подозрительные тени, слышались непонятные шорохи, а вместе с прохладным воздухом через распахнутое окно проникала неясная угроза.

— Гассен! Эй, старина!

Мегрэ повернулся и увидел фигуру старика, по-прежнему стоявшего у незапертых ворот.

— Что за тип! — проворчал Дюкро, вернувшись к столу и наливая себе вина. — За это время он мог бы подойти к дому вплотную и сто раз выстрелить...

Капли пота, обильно выступившие на лбу судовладельца, указывали на то, что его постоянно терзал страх! Не из страха ли открыл он окно?

— Мелия!.. Мелия, черт побери!..

Служанка наконец появилась. На ней не было передника, а на голове красовалась шляпка.

— Прежде чем уйти, сходи-ка за тем тинном, что стоит у ворот. Скажи, что я очень хочу с ним поговорить.

Служанка не двигалась с места.

— Отправляйся!

— Нет, мсье.

— Что такое! Ты не хочешь меня слушаться?

— Я не пойду, мсье.

Мертвенная бледность покрыла лицо этой тощей, плоскогрудой и лишенной всякой женственности девицы.

— Ты отказываешься?

Он шагнул к ней с поднятой рукой.

— Да!.. Да!.. Да!..

Он не ударил служанку, а вне себя прошел мимо, словно

не замечая ее, открыл дверь и вышел во двор. Берта не сдвинулась с места, ее муж чуть наклонился вперед, чтобы лучше видеть тестя. Мадам Дюкро поднялась, медленно и бесшумно подошла к окну. Мегрэ, видя, что на него не обращают внимания, незаметно налил себе вина. Он услышал, как заскрипели ворота.

Стоя в метре друг от друга, мужчины о чем-то говорили, но нельзя было разобрать ни слова. Вдруг Мегрэ услышал жалобный, похожий на детский, голос мадам Дюкро:

— Комиссар, я вас умоляю!

Она с тревогой всматривалась в темноту. Но мужчины не ссорились, они продолжали мирно беседовать. Затем оба вошли во двор. Дюкро положил руку на плечо своего приятеля, словно подталкивал его сзади. Прежде чем они появились в доме, Дешарм успел спросить Мегрэ:

— Что вы решили?

И Мегрэ чуть было не ответил ему так же грубо, как и Дюкро: «Идите к черту!»

* * *

Гассен щурился от яркого света. Одежда на нем промокла и блестела, а фуражку он держал в руке, сняв ее перед тем, как войти в столовую.

— Присаживайся!

Гассен сел на краешек стула, положил фуражку на колени, но не решался осмотреться.

— Не желаешь выпить со мной стаканчик красного? Молчи! Ты же знаешь, я тебе обещал: потом сможешь делать все, что захочешь. Не правда ли, комиссар, я всегда держу слово!

Он чокнулся с Гассеном, залпом осушил стакан и поморщился.

— Жаль, ты не слышал, о чем мы тут говорили до тебя.

Дюкро обращался к речнику, но искоса поглядывал на Мегрэ.

— Раньше я мог любого свалить с ног одним ударом кулака. Ну-ка скажи, верно?

— Да, верно.

Странно было слышать спокойный и смиренный голос старика.

— Помнишь, как мы подрались с бельгийцами в Шалоне? Ну, а в последний раз одолел этот тип. Он ударил меня ножом исподтишка. Ты ничего не знаешь, но это не важно. В тот вечер я пришел к тебе на баржу и застукал его: он лежал на палубе и через иллюминатор подглядывал, как раздевалась твоя девица...

Дюкро говорил таким тоном, словно хотел возбудить в себе прежнюю ярость.

— Теперь-то ты понял?

Гассен пожал плечами, как бы говоря, что он давно всем догадался.

— Послушай, старина. Нет, сначала выпей. Вы тоже комиссар. А остальные как хотят, мне на них наплевать...

Мадам Дюкрó прислонилась к стене, наполовину скрывшись за шторами. Дешарм стоял, облокотясь на камин, а за столом сидела одна Берта. В коридоре послышался какой-то шум, и раздраженный хозяин открыл дверь. Там служанка укладывала вещи в чемодан.

— А, голубушка! Сматывайся поскорее! Сматывайся или сдохни! Делай все, что тебе угодно, только оставь нас в покое!

— Я только хотела сказать, мсье...

— Никаких мсье. Тебе нужны деньги? Вот, держи, не знаю, сколько тут. До свидания! И пусть тебя разmozжит трамвай...

Ему стало смешно от такой шутки, и он улыбнулся. Подождав, пока Мелия с чемоданом вышла из дома, хозяин закрыл за ней дверь, задвинул засов и вернулся в столовую. Гассен по-прежнему сидел, не двигаясь.

— Скатертью дорога! Так о чем мы говорили? Ах да, о малышке. А как бы ты повел себя на моем месте?

Глаза старика слезились, трубка его погасла. Мегрэ пристально посмотрел на речника и подумал:

«Нужно сейчас же разгадать, что он замышляет. Иначе произойдет нечто ужасное. И я буду в этом виноват».

Комиссар понимал, что мирный разговор был всего лишь видимостью. Драма разыгрывалась незаметно, в душе каждого из собеседников: один говорил, чтобы только не молчать, а другой его просто не слушал.

Почему Гассен держался чересчур покорно в такой момент? Пьяным он совсем не был. Да и Дюкрó, чувствуя исходящую от старика неясную угрозу, сильно нервничал.

— За такое я не стал бы душить его. Но ведь из-за него, в сущности, покончил с собой мой сын... и тогда я...

Судовладелец остановился возле Берты.

— Что ты на меня уставилась? Думаешь о своей доле? Но ты ее не получишь! Слышишь, Гассен? Я над ними подшутил: после моей смерти им не достанется ни сантима!

Мегрэ медленно поднялся со стула и принялся расхаживать по столовой.

— Запомни одну вещь: дело не в женах! Главное, скажу тебе, что мы оба...

Левой рукой Гассен держал стакан, а правую не вынимал из кармана куртки. Комиссар знал, что оружия у него нет. Люка не мог ошибиться на этот счет.

По одну сторону от Гассена, метрах в двух от него, находилась мадам Дюкрó, а по другую — Берта.

Хозяин прервал фразу на полуслове, увидев, что Мегрэ застыл за спиной речника. Дальнейшие события произошли так быстро, что никто ничего толком не понял. Мегрэ резко

наклонился, обхватил старика сзади своими мощными руками и зажал его правую ладонь. Последовала короткая борьба. Бедный речник тщетно пытался высвободиться из мертвой хватки комиссара. Берта испуганно вскрикнула, а муж ее машинально сделал два шага вперед. Но Мегрэ уже запустил руку в правый карман Гассена и вытащил оттуда какой-то предмет.

Все было кончено! Отпущенный речник тяжело дышал. Дюкро с изумлением уставился на комиссара. Мегрэ еще не мог прийти в себя, лоб его покрылся холодным потом.

— Теперь вам ничто не угрожает,— проронил он наконец.

Дюкро подошел ближе, и Мегрэ разжал свою правую ладонь: в ней был пакет взрывчатки — такие обычно применяют при работах в карьерах.

— Можете продолжать беседу!..— обратился он к хозяину.

И тот, сунув пальцы за отвороты жилета, глухо произнес:

— Так вот, старина, я говорил...

Он улыбнулся, потом засмеялся и рухнул на стул.

— До чего все по-идиотски вышло!..

Действительно, сцена выглядела нелепо. После всего пережитого этот физически крепкий мужчина не мог стоять на ногах. Хотя, по правде сказать, и Мегрэ все еще не оправился от схватки. Чтобы избавиться от неприятного головокружения, он, как и Дешарм, облокотился на камин.

11

Тихий шум дождя доносился через открытое окно. Каждый порыв ветра приносил в дом запах влажной земли.

Издали бригадир Люка вполне мог принять застывшие в ярком свете фигуры за персонажей картины.

Дюкро первым сбросил с себя оцепенение и со вздохом произнес:

— Ну и дела...

Эти ничего не значащие слова разрядили атмосферу. Хозяин дома поднялся и удивленно огляделся, словно пытается определить, что же изменилось вокруг.

Но все оставалось по-прежнему. Никто не двигался с места. Стояла такая тишина, что шаги Дюкро, направившегося к двери, показались чуть ли не грохотом!

— Глупо, что Мелия ушла...— проворчал хозяин. Затем повернулся к мадам и скомандовал:— Жанна, приготовь кофе.

Жена вышла в кухню, и оттуда сразу же послышался звук включенной кофемолки. Берта встала, чтобы убрать со стола.

— Ну вот!..— проронил Дюкро, обращаясь главным образом к Мегрэ.

Его взгляд словно говорил: «Драма закончилась. Здесь снова царит семейная атмосфера. Видите, варится кофе, по-

звякивают чашки и блюдца...» Он выглядел вялым и опустошенным. Будто не зная, чем заняться, взял лежавший на камине заряд динамита, который туда положил Мегрэ, посмотрел на маркировку, затем повернулся к Гассену:

— Это мой, да? С карьера в Вентей?

Старик утвердительно кивнул. Дюкро задумчиво поглядел на заряд и пояснил:

— У нас на буксире всегда были такие. Помнишь, мы их взрывали в местах, где рыба прямо кишела!

Дюкро поставил пакет на место. Садиться он не хотел, хотя едва держался на ногах. Он все время порывался что-то сказать и, остановившись в метре от Гассена, со вздохом спросил:

— Теперь-то ты все понял?

Старый речник смотрел на хозяина своими маленькими потухшими глазками и молчал.

— Эх, ничего ты не понял, но это и не важно. Ты только взгляни на них!

Он указал на жену и дочь, которые суетились, подавая кофе. Через приоткрытую дверь доносилось шипение газовой плиты. Дом был огромным. Чувствовалось, что живущая в нем семья сделала все, чтобы он выглядел роскошным.

— Они всегда были такими! всю жизнь мне приходится чуть ли не силой тащить их за собой. А чтобы отвлечься от семейных забот, я иду в контору и лаю там на этих бездарей!.. Спасибо... Нет, мне без сахара...

Он впервые любезно заговорил с дочерью, и та удивленно поглядела на отца. В ее глазах показались слезы, лицо покраснело и сморщилось.

— Ну ладно-ладно, успокойся! Ты же мне дочь, и я тебя люблю. Знаешь, Гассен, все женщины ведут себя одинаково. Поскольку так уж получилось...

Мадам Дюкро, видимо, по привычке, взяла в руки вязанье и уселась в уголок. Дешарм со спокойным видом помешивал ложечкой кофе.

— Знаешь, что меня тогда больше всего мучило? То, что я спал с твоей женой! Прежде всего, это было глупо. Сам не знаю, зачем я пошел на это. Ну, а потом я начал относиться к тебе по-другому. Когда я глядел из окна своей квартиры на «Золотое Руно», я видел тебя, ее и эту девочку... Да, кстати! Твоя жена сама не знала, от кого у нее дочь — от тебя или от меня...

Услышав вздох Берты, судовладелец сурово посмотрел на нее. Ее эта история не касалась! Ни на дочь, ни на жену он не обращал никакого внимания!

— Старина, скажи хоть что-нибудь.

Дюкро ходил вокруг сидевшего Гассена, не решаясь взглянуть ему в глаза, и надолго замолкал после каждой фразы.

— По правде говоря, из нас двоих ты был более счастлив!

Несмотря на вечернюю прохладу, ему было жарко.

— Хочешь, верну тебе заряд? На смерть мне наплевать, но ведь кто-то должен остаться с малышкой...

Взгляд судовладельца упал на Дешарма, курившего сигарету, и он с глубоким презрением спросил:

— Тебе это интересно?

Зять смущенно молчал, и Дюкро добавил:

— Сиди, сиди! Мне ты ничуть не мешаешь, как эта кофеварка. Ты ведь и обижаться по-настоящему не способен.

Судовладелец взял стул за спинку, сел наконец против старика и тронул его за колено.

— Ну что? Разве я не прав, что тебе повезло больше? Скажите, комиссар, что мне грозит за Бебера?

— Дадут, возможно, года два тюрьмы, а может быть, вынесут условный приговор.

— Снисхождения мне не надо. Я устал, и два года покоя пойдут мне только на пользу. А что будет потом?

Мадам Дюкро подняла голову от вязанья, но не осмелилась посмотреть на мужа.

— А потом, Гассен, я снова буду плавать на буксире, совсем маленьком, на таком, как «Орел I»...

И внезапно сдавленным голосом он произнес:

— Да скажи хоть что-нибудь, черт тебя поberi! Разве ты не понял, что это и есть самое главное?

Гассен был подавлен и не находил нужных слов, чтобы его подбодрить. Только что разыгравшаяся драма окончательно лишила его сил. Старик снова выглядел робким и держался, как бедный родственник, стараясь не двигаться.

Дюкро потряс его за плечи.

— Видишь! Возможно, мы еще и будем на что-то годны! Завтра ты уплывешь на «Золотом Руне». Потом в один прекрасный день, когда ты меньше всего будешь этого ожидать, с проходящего буксира тебя кто-то окликнет. А там буду стоять я, одетый как речник. Люди ничего не поймут и будут думать, что я разорился. Ну и пусть себе думают! А я просто устал везти весь этот груз на своем горбу...

Он с вызовом посмотрел на Мегрэ:

— Знаете, я мог бы отказаться от своих показаний, тем более, что у вас, вероятно, и улики нет! Сначала так и думал поступить. Но если бы вы знали, как я переживал! Когда после ранения полиция приходила допрашивать меня, я нарочно старался всех позлить.

В этот момент он машинально посмотрел на дочь и зятя.

— Это была прекрасная возможность!

Дюкро провел рукой по лицу.

— Гассен! — крикнул он, и в глазах у него появилось лукавство.

Увидев, что старый речник повернулся в его сторону, судовладелец спросил:

— Может, прекратим враждовать? Ты больше не сердись? Знаешь, если хочешь взамен мою жену...

Он с трудом сдерживал слезы и готов был обнять своего приятеля. Но вместо этого подошел к окну, закрыл его и тщательно задернул шторы.

— Уже одиннадцать... Послушайте, друзья мои, предлагаю переночевать здесь, а завтра уедем все вместе...

Он посмотрел на комиссара:

— Не бойтесь, не сбегу! Впрочем, ваш инспектор наблюдает за домом. Жанна, сделай нам грог перед сном...

Жена, будто служанка, послушно отложила вязанье.

Дюкро подошел к двери, ведущей во двор, и прокричал во влажную ночную мглу:

— Господин инспектор! Идите сюда, вас зовет шеф...

Люка вошел в дом весь промокший. Он был удивлен и встревожен.

— Не желаете выпить с нами?— спросил его любезно Дюкро.

Перед тем как лечь спать, мужчины собрались вокруг стола, держа в руках стаканы. Когда Дюкро потянулся, чтобы чокнуться с Гассеном, тот не отказался и с шумом выпил дымящийся грог.

— Постели готовы?

— Кажется, нет,— ответила Берта.

— Так пойди приготовь.

Женщины переходили из комнаты в комнату, готовя постели и ночные рубашки. Мегрэ спрятал в карман пакет динамита и попросил Дюкро:

— Отдайте мне свой револьвер и поклянитесь, что другого оружия в доме нет.

— Клянусь...

Ничто уже не напоминало о драме. Все вели себя так, будто только что вернулись с похорон и сильно устали. Хозяин показал на интерьер дома и едко заметил:

— Посмотрите! Даже в такой вечер заметно, до чего же здесь все отвратительно!

Скулы его покраснели, похоже, у него была лихорадка. Он первым стал подниматься по лестнице, чтобы показать дорогу. По обе стороны коридора были обычные комнаты, меблированные почти так же, как и номера в гостинице. Дюкро открыл первую дверь:

— Это моя спальня. Не поверите, я до сих пор не могу спать, если рядом нет жены.

Жанна как раз была в комнате, она искала тапочки для Мегрэ. Дюкро легонько шлепнул жену по заду и воскликнул:

— Бедная моя старушка! Думаю, и тебе тоже найдется местечко на буксире.

Едва начало светать, Мегрэ оделся и подошел к открытому окну. Ему пришлось набросить на плечи одеяло: со двора веяло ночной прохладой. Гравий все еще был мокрый, но дождь кончился, лишь крупные капли падали с карнизов и деревьев.

Сена казалась мгlistой. К воротам шлюза шел буксир, тянувший за собой четыре баржи. Вдалеке, посредине речной излучины, зажатой с двух сторон лесистыми берегами, двигался еще один караван судов.

Поверхность реки стала светлеть, и Мегрэ, сбросив одеяло, привел себя в порядок. Ночь прошла спокойно, ничего подозрительного комиссар не слышал. Чтобы окончательно в этом увериться, он открыл дверь и позвал инспектора, бодрствовавшего всю ночь в коридоре:

— Заходите ко мне, Люка.

Бледный от усталости, инспектор отпил из графина воды и, подойдя к окну, потянулся.

— В доме все было тихо,— доложил он.— Никто не выходил из своих комнат. Позже всех уgomонились молодые. Они шептались до часу ночи.

На велосипеде приехал шофер, который, видимо, жил где-то поблизости.

— Сейчас бы чашечку кофе,— вздохнул Люка.

— Так пойдй и свари!

Но инспектора уже, похоже, опередили. Послышались шаги, и в коридоре появилась мадам Дюкро в пеньюаре и с тюрбаном на голове.

— Уже встали?— удивилась она.— Сейчас я быстренько приготавливаю завтрак.

Драматические события, разыгравшиеся накануне вечером, никак на ней не отразились. Она выглядела такой же, как и всегда,— печальной и заботливой.

— Люка, ты все же выйди в коридор, понаблюдай...

Чтобы окончательно сбросить с себя сон, Мегрэ умылся холодной водой и, повернувшись к окну, увидел, что вода в реке еще больше посветлела, а караван судов уже миновал шлюзовые ворота. Небо порозовело, громко щебетали птицы. Во дворе зажужжал мотор: это шофер вывел машину из гаража. Но день еще не наступил и было прохладно. Явно не хватало солнца, чтобы оживить окружающий пейзаж.

— Шеф, он идет сюда...

Проснувшийся хозяин зашел в комнату Мегрэ. Он не причесался, подтяжки висели у него на бедрах, через растегнутую рубашку виднелась волосатая грудь.

— Вам ничего не нужно? Хотите, дам вам свою бритву?

Он тоже посмотрел на Сену, но по-хозяйски:

— Смотри-ка, они уже начали грузить песок.

Внизу зашумела кофемолка.

— Не скажете, что нужно взять с собой в тюрьму?

Он не шутил и вполне серьезно предложил:

— Если хотите, можем отправиться сразу же после завтрака. По дороге только отвезем Гассена на буксир. Там я, возможно, попрощаюсь с Алиной...

В неглиже он выглядел очень грузным и смахивал на медведя. Брюки на его ногах закручивались спиралью.

— Хочу поговорить с вами еще кое о чем. Помните, вчера я упоминал о своих деньгах. Разумеется, можно и подшутить, но дочь и Дешарм обидятся... Поэтому, учитывая обстоятельства...

Все было кончено! Он словно очнулся после тяжелого похмелья, протрезвевший и с горьким привкусом во рту.

— К тому же это было бы на руку вашим конкурентам... — поддакнул Мегрэ.

Этой фразы было достаточно, чтобы Дюкро вновь обрел самоуверенность.

— Какого адвоката посоветуете выбрать?

На реке завыл буксир, требуя, чтобы его пропустили через следующие ворота шлюза, гудками оповещая, сколько барж он тянет за собой.

Мадам Дюкро появилась в комнате совершенно бесшумно.

— Кофе готов...

— Вы не будете возражать, если я спущусь в столовую в таком виде? Это моя старая привычка. Нужно позвать Гассена...

Комната старика находилась рядом. Дюкро постучал в дверь.

— Гассен!.. Эй, старина!..

Внезапно встревожившись, он потянул за ручку, открыл дверь, сделал шаг и удивленно обернулся к Мегрэ.

В спальне никого не было. Комиссар увидел неразобранную кровать, на одеяле лежала ночная рубашка, которую с вечера мадам Дюкро приготовила для старика.

— Гассен!

Заметив, что окно закрыто, Мегрэ бросил на инспектора недоуменный и осуждающий взгляд. Хозяин встревожился еще больше. Он подошел к топорщившимся шторам и раздвинул их.

У стены висело неестественно вытянувшееся тело. Веревка, видимо, была не очень прочна, так как при первом же прикосновении она лопнула, и старик, будто глыба, с грохотом рухнул на пол.

• • •

В столовой все еще стоял сильный запах трубочного табака. На столе, покрытом грязной скатертью, громоздилась неубранная посуда. Напротив открытого окна во дворе стояла машина.

Ни мадам Дюкро, ни молодая супружеская чета, шаги которой доносились сверху, еще не знали о смерти Гассена. Дешарм и Берта только собирались спуститься в столовую.

Дюкро завтракал, положив локти на стол, — ел с жадностью, торопясь, будто хотел быстрее насытиться. Он молчал, лишь шумно двигал челюстями и так же шумно пил кофе с молоком.

— Принеси пиджак, пристежной воротничок и галстук, — приказал он жене.

— Может, оденешься в спальне? — робко заметила мадам.

— Делай, что тебе велят...

Хозяин задумчиво смотрел прямо перед собой. Закончив есть, он поднялся и надел пиджак, который подала ему жена.

— Я собрала тебе чемодан.

— Пусть он пока останется здесь...

— Ты ждешь Берту, чтобы попрощаться? — Мадам Дюкро указала на потолок, но муж промолчал. — А где Гассен?

— Им занимается инспектор, — вмешался в разговор Мегрэ.

Это было на самом деле так; Люка уже сообщил по телефону о смерти старика в местную полицию и прокуратуру.

Чувствуя себя неловко, комиссар и Дюкро заторопились. Судовладелец машинально поцеловал жену в лоб.

— Эмиль, ты обещаешь? Мы действительно будем вместе плавать на буксире?

— Конечно! Конечно, Жанна!

Хозяин спешил покинуть свой дом. Он тяжело плюхнулся на заднее сиденье, и Мегрэ скомандовал шоферу:

— В Шарантон.

Они даже не оглянулись. К чему? Лишь через несколько километров, когда машина проезжала Фонтенбло, Дюкро тронул Мегрэ за руку:

— Поверьте, я до сих пор не знаю, и что мне вздумалось спать с его женой!

Потом, без всякого перехода, обратился к шоферу:

— Нельзя ли побыстрее?

Судовладелец не побрился, даже не умылся после сна, лицо у него было землистого цвета. Он тщетно рылся в карманах, ища трубку, которую в спешке забыл дома, и шофер протянул ему пачку сигарет.

— Вы вряд ли поверите, но вчера вечером я впервые почувствовал себя счастливым. Мне показалось... Это трудно объяснить... Знаете, что сказала моя старушка, когда мы легли спать? Прижалась ко мне и проговорила сквозь слезы: «Ты все-таки хороший».

Он произнес эти слова невнятно, будто у него что-то застряло в горле.

Да быстрее же, черт побери! — разозлился он вдруг на шофера.

Наконец они добрались до Парижа, проехали проспект

Орлеана, увидели Сену. На набережной Селестен рабочие мыли окна контор. Дюкро взялся за ручку дверцы и приказал остановить машину у небольшого бистро.

— Вы разрешите мне купить табак и трубку?

В лавочке ему удалось приобрести лишь двухфранковую вишневую трубку, которую он не спеша принялся набивать табаком. Мимо проплывали набережные, затем машина проехала порт Берси, загроможенный винными бочками.

— А теперь притормозите.

Они увидели шлюз, через ворота которого проходила с верховья реки порожняя баржа, на берегу грохотала камнедробилка. На палубах стоявших у причала барж сушилось белье. В бистро пили речники. Узнав хозяина, они вышли к машине.

— Думаю, что лучше...— начал было Дюкро.

Но тут же справился с замешательством, вылез из машины и пошел к каменной лестнице. Ни на свой дом, ни на открытое окно квартиры, в котором маячила фигура служанки, он даже не взглянул, а направился по шаткому мостику на «Золотое Руно». Со стоящих рядом барж с ним здоровались речники.

Вместе с Мегрэ он приткнулся к иллюминатору, и оба одновременно увидели Алину. Она сидела возле стола, покрытого скатертью с розовыми цветами, и кормила грудью ребенка. Девушка укачивала малыша и задумчиво смотрела прямо перед собой. Иногда грудь выскальзывала из жадного рта, и она машинальным жестом снова совала сосок малышу.

В каюте, чувствовалось, стояла жара. Печь топилась, в димо, уже давно. На вешалке висел тяжелый пиджак Гассена, а его начищенные башмаки стояли рядом на полу.

Спокойным, но решительным жестом Мегрэ остановил Дюкро, когда тот хотел войти в комнату, отвел его к рулю и протянул письмо, написанное речником в бистро.

«...Сообщаю тебе, что чувствую себя хорошо, и надеюсь, что ты тоже в полном здравии...»

Дюкро не сразу понял, зачем комиссар показал ему письмо. Но потом в его памяти возникла харчевня, деревушка в Верхней Марне и сестра Гассена, которую он когда-то знал.

— Там Алине будет хорошо, спокойно, — пояснил Мегрэ.

Они покинули «Золотое Руно». Солнце палило вовсю. Какой-то речник, проходя мимо, громко сообщил:

— «Альбатрос» поломался в Мо!

Он обращался к Дюкро и, должно быть, удивился, что хозяин никак не реагирует на эту новость.

— Ну что, поедем?

Постепенно на набережной собрались речники. Некоторые подходили и здоровались, чуть дотрагиваясь до фуражек.

— Скажите, патрон, что делать с выгруженным камнем?

— Решим позже...

— Да, но ведь...

— Отстань от меня, Юбер!

По серой мостовой скользил разноцветный трамвай. От камнедробилки, которая, казалось, готова была сокрушить все окрестности, летела мельчайшая белая пыль.

Машина развернулась, и Дюкро оглянулся назад через приоткрытое стекло дверцы.

— Потрясающе!— вздохнул он.

— Что именно?

Может, Мегрэ нарочно притворялся, что не понимает его состояния? Теперь уже комиссару хотелось, чтобы шофер ехал побыстрее. Ему казалось, что в любой момент его спутник может что-нибудь выкинуть. Но нет! Дюкро вел себя благоразумно! Впереди показался Новый мост. Шофер обернулся и спросил:

— Остановиться возле лавки?

И вправду, красно-белого цвета табачная лавка «Анри IV» находилась совсем рядом, напротив конной статуи.

— Высадите нас здесь,— попросил шофера Мегрэ,— а сами можете возвращаться в Самуа...

Они предпочли идти дальше пешком, тем более, что до цели оставалось всего каких-нибудь сто метров. Шагая вдоль Сены, Дюкро старался держаться ближе к парапету.

— Вы, наверное, сейчас же отправитесь в деревню?— вдруг спросил он.— Тогда ваша отставка начнется на два дня раньше.

— Я еще и сам не знаю.

— Там красивые места?

Еще метров двадцать, и они пересекли улицу, на которой высились темные здания Дворца правосудия, и подошли к главному выходу полицейской тюрьмы.

Переходя шоссе, Дюкро судорожно вцепился в руку комиссара и прерывистым голосом взмолился:

— Не могу!

Разумеется, он не мог так просто расстаться с Сенной, с привычными ему трамваями. Не мог забыть и кошмарную веревку...

Дежурный полицейский узнал Мегрэ и тотчас же открыл окошко.

— Я не могу!— повторил Дюкро перед самым входом. А чиновник уже макал ручку в фиолетовые чернила, чтобы зарегистрировать его в тюремной книге.

Идущий с верховья реки буксир дважды прогудел, предупреждая, что собирается пройти под второй аркой моста, а бельгийская баржа, плывущая навстречу буксиру, свернула чуть в сторону и направилась к третьему пролету.

Перевод с французского В. МАЙСКОГО, Н. ПЛИСКО.

БУ СОНДА

Ислом дунё фани ва маданияти билан баб-баравар ва бир-дамликда руҳни аксилруҳоний саъй-ҳаракатлардан, ғуборлардан тозалаш вазифасини бажаришга ҳамиша тайёрдир! Мовароуннаҳр мусулмонлари диний бошқармаси муфтийси Муҳаммад Содиқ Муҳаммад Юсуфнинг абадият ва ҳозирги долзарб муаммолар Қуръон асосида шарҳланган «Имон ҳақида» сарлавҳали иншоларининг туб маъзи ана шундай.

«Шахс ва давр» деб номланган янги руки француз тарихчиси Лянглэнинг улуғ Темур ҳақидаги ўзига хос мақоласи билан бошланади.

Кўникмаларимиздан бошқача фикрлайдиган, дунёга таниқли файласуф-илоҳиётчи Григорий Гуржиев меросидан олинган янги бир асар билан танишасиз.

Немис роҳиб-сайёҳи Олеарий ўрта асрлардаги Рус ахлоқи ва урф-одатлари хусусида сўз юритади.

SUMMARY

Islam acts in concert with world science and culture and is ready for purifying souls from antihuman aspirations. This is the main principle of the work «About faith» by the mufti of moslems of Maveranakh, who gives the interpretation of the Koran in connection with eternity and problems of current interest.

Final instalment in this issue.

«Individual and the Epoch» is the new heading which is started with the portrait of the great Tamerlan «with the brush» of the French historian Lyangle.

Ordinary published work of the legacy of Grigory Gurdzhiyev — untraditional thinker-cosmist known all over world.

Oleari, German monk-traveller recounts the manners and customs of Russia of Middle Ages.

**Редакция журнала «Звезда Востока»
высылает наложенным платежом книги**

**«Сказки английских писателей»
(в твердом переплете, 448 стр. по цене
110 рублей, включая пересылку).**

**Роман Артура Хейли «В высших сферах»
(в мягком переплете, 256 стр.
по цене 35 рублей).**

**Заказы направлять по адресу: 700000, Ташкент-ГСП,
ул. «Буюк Турон», 41. Редакция журнала
«Звезда Востока». Принимаются оптовые заявки.
Справки по телефону: 33-42-68.**

На обложке рисунок Сергея АЛИБЕКОВА

Технический редактор О. М. Битенская.

**Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться
в типографию ИПК «Шарк» по адресу: 700000, Ташкент, ГСП, ул. Буюк
Турон, 41.**

Адрес редакции: 700000, Ташкент, ГСП, ул. «Буюк Турон» 41.

**Телефоны: главного редактора и отв. секретаря — 33-42-68; зам. гл. редактора
и отделов: прозы, поэзии, публицистики, литературной критики — 33-07-78.**

**Рукописи не возвращаются. Редакция не рецензирует рукописи, а только
сообщает о своем решении.**

**Перепечатка без соглашения с редакцией не допускается, ссылка на «ЗВ» обя-
зательна.**

**Сдано в набор 26.01.93 г. Подписано к печати 1.03.93 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага газетная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 14,73.
Уч.-изд. л. 18,48. Тираж 23231. Зак. № 1583. Цена 35 руб.**

**Типография издательско-полиграфического
концерна «Шарк».
700083, Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.**